

СМЕНА

№ 5 МАРТ 1979

ДЕПУТАТ
ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР
НАДЕЖДА
МАКСИМОВА

**ОДИН ИЗ САМЫХ
СВЕТЛЫХ
И РАДОСТНЫХ
ПРАЗДНИКОВ
В НАШЕЙ СТРАНЕ—
8 МАРТА,
ПРАЗДНИК,
СОГРЕТЫЙ
ЧУВСТВАМИ ЛЮБВИ,
БЛАГОДАРНОСТИ
И УВАЖЕНИЯ
К СОВЕТСКОЙ
ЖЕНЩИНЕ.
В ЭТОМ ГОДУ
ОН СОВПАЛ
ЕЩЕ С ОДНИМ
ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМ
СОБЫТИЕМ—
ВЫБОРАМИ
В ВЕРХОВНЫЙ
СОВЕТ СССР,
ВЫСШИЙ ОРГАН
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ,
В КОТОРОМ
ЖЕНЩИНЫ
ЗАНИМАЮТ ВИДНОЕ
И ПОЧЕТНОЕ МЕСТО.
МЫ ОТКРЫВАЕМ
ЭТОТ НОМЕР
ЖУРНАЛА
ОЧЕРКОМ
О НАШЕЙ МОЛОДОЙ
СОВРЕМЕНИЦЕ—
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ
ТРУЖЕНИЦЕ,
НЕЖНОЙ МАТЕРИ,
ЗАБОТЛИВОЙ
ХОЗЯЙКЕ, ЖЕНЩИНЕ,
ОБЛЕЧЕННОЙ
ВЫСОКИМ ЗВАНИЕМ
ДЕПУТАТА
ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР,
НАМОТЧИЦЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО
НАУЧНО-
ПРОИЗВОДСТВЕННОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
«ПОЗИТРОН»
НАДЕЖДЕ
МАКСИМОВОЙ.**

Лев СИДОРОВСКИЙ
Фото Сергея ВЕТРОВА

НАШ

счастье народа, а значит, и о счастье молодого поколения, но все-таки обязательно надо сказать о том, что в новой Конституции наиболее полно за всю историю нашей страны отражены права и обязанности граждан СССР, в том числе и молодых, открыты широчайшие возможности всем для участия в управлении страной. Это и есть наша социалистическая демократия в действии!

И еще очень я обрадовалась, когда Леонид Ильич Брежнев сказал о том, что принимается предложение дополнить 35-ю статью указанием о постепенном сокращении рабочего времени женщин, имеющих малолетних детей. Порадовалась за своих подруг — знаете, какие они у меня замечательные!

Да, подруги у нее замечательные, и нам еще предстоит с ними познакомиться, а пока что Надя раздумывает над тем, кого из женщин она может считать своим жизненным идеалом. Разобраться в этом ей и легко и трудно. Трудно — потому что знает очень уж многих женщин, чьей жизнью откровенно любуется. И на родном «Позитроне» есть, и среди коллег в Верховном Совете СССР — Зоя Петровна Самолетова с фабрики «Большевичка», Тамара Ивановна Киселева из совхоза «Красная Балтика», Фаина Ивановна Лагушкина из совхоза имени Тельмана. Все они ленинградки. Но Надя называет и многих других, с кем вместе работает в Мандатной комиссии Совета Союза: украинка Ирина Михайловна Скучка, армянка Земфира Акатовна Каралетян, таджичка Махфират Додобаева, азербайджанка Касира Гасанова, туркменка Огулсона Моммаева... И все-таки выбрать ей женский идеал легко, потому что есть у Нади мама...

В тяжелый послевоенный год встретились два человека. Война у обоих отняла многое, оставив каждому только по сыну да веру в будущую хорошую жизнь, да любовь к людям, да надежду. И первую свою дочку они назвали Верой, а родившихся потом двойняшек — Любовью и Надеждой.

Пятеро детей в семье — прямо скажем, не очень типичное явление для нынешнего времени, когда у иных родителей по поводу и одного-то ребенка столько разных «охов» и «ахов»... Конечно, Максимовым было непросто. Отец работал бригадиром вальцовщиков на листопрокатно-штамповочном заводе, и мама там же — оператором на печи. За главных в доме оставались Толя и Юра. Юра часто рассказывал сестренкам о войне, блокаде. «Может, это звучит очень громко, — улыбается Надя, — но Юра для нас был самым настоящим наставником. Сейчас он начальник ОТК в институте имени Вавилова, и мы с ним до сих пор советуемся по любому важному вопросу. Юра для нас — самый главный авторитет, конечно, после мамы и папы...»

Больше всего ей с детства запомнились такие родительские слова: «Ищите в людях хорошее и идите к ним с добром в сердце, они ответят вам тем же». Это ощущение Надя старается передать и своим ребятишкам, Сашке и Наташке, которые понемногу подрастают и уж наверняка эгоистами не будут, поскольку приучены к товариществу и трогательно заботятся друг о друге.

Так же неразлучны были когда-то Надя и Люба. В один день сестрам повязали красные галстуки, в один день стали они комсомолками. Вместе играли в школьном драмкружке, вместе участвовали в спортивных соревнованиях. Выступая за сборную «Трудовых резервов» по плаванию, обе стали мастерами спорта. Тогда-то они по совету Юры и пошли учиться в ПТУ. Окончили училище и — на «Мезон», завод, который входит в ленинградское научно-производственное объединение «Позитрон». Стали намотчицами.

С самого начала работы на «Мезоне» Надя в гуще комсомольской жизни. Ее избирали и секре-

Самое первое впечатление о Наде Максимовой: красивая! Красивая — безо всякой там косметики и парикмахерского лоска. Потом, уже за разговором, откроются Надины обаяние, мягкость, ум, чувство юмора, а сначала радуется она именно всей своей женской, как в старину говорили, статью... Белый халат и такой же колпачок — ее рабочая форма — идут Наде очень. А на платье под белым халатом — алый флажок, знак депутата Верховного Совета СССР.

Впервые мы встретились на другой день после возвращения ее из столицы, где Надя вместе с другими депутатами высшего органа Советской власти принимала новую Конституцию страны. Она вся еще жила недавними впечатлениями:

— Как бы передать эти впечатления поточнее?.. Вот некоторые говорят о торжественной и праздничной обстановке, в которой проходила внеочередная сессия Верховного Совета СССР, и это действительно так. Но все-таки самым главным, по-моему, было другое... Пожалуй, это «другое» точнее всего назвать высоким чувством

ответственности. Ведь каждый из нас хорошо понимал, что непосредственно причастен к историческому событию, что совершается действие, которое окажет самое благотворное влияние на судьбу Родины, всего народа: Все читали и слушали доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева, доклад глубокий, четкий, в нем, я бы сказала, отточена каждая мысль, каждое слово. Но ни газеты, ни даже экраны телевизоров не могут все-таки передать во всей полноте того чувства, с каким мы слушали доклад в Кремле. Леонид Ильич говорил очень спокойно, уверенно и необыкновенно убежденно. За каждой строкой доклада, за каждой мыслью, подводившей итоги всенародного обсуждения, чувствовалась могучая поступь нашего народа.

На минуту задумавшись, Надя продолжала: — Особенно мне, молодому депутату, хотелось бы выделить в Конституции те строки, в которых говорится о молодом поколении. В Основном Законе важны все статьи, и все они продиктованы глубокой, щедрой заботой партии, государства о

НАДЕЖДА-КОМПАС ЗЕМНОЙ

тарем цехового бюро и членом заводского комитета комсомола, а сейчас она — член Ленинградского обкома ВЛКСМ. Новый комсомольский билет на «Позитроне» получила самой первой.

Не раз выступала Максимова перед школьниками, агитируя за свою профессию. О чем она ребятам обычно рассказывает? Как мотает секции для конденсаторов, а конденсаторы эти где только не употребляются — и в телевизорах, и в магнитофонах, и в радиоприемниках... Надя работает на полуавтомате. Точность тут требуется очень высокая: толщина ленты, к примеру, измеряется в микронах, и Надины пальцы эти самые микроны должны определять на ощупь — шесть, или восемь, или десять... С металлопленочной лентой пока еще много ручной работы: надо закрепить кончик в оправке, на нужном витке оборвать, заклеить, снять, заправить ленту для намотки новой секции. Да еще не один раз замерить емкость, чтобы в номинал попасть точно... Такая работа — не для грубых мужских пальцев, поэтому мужчин в их 14-м цехе можно встретить лишь на наладке.

Однажды одна семиклассница, прослушав Надин рассказ о профессии намотчицы, уныло протянула: «Ну что это за работа? Пустяк...» Надя подошла к ней:

— Пустяк, говоришь, делать тончайшие детали, качество которых должно быть безупречным? Давай порассуждаем вместе. От намотчицы требуется: строго соблюдать технологию — раз, быстро реагировать на брак — два, экономить материал — три, довольно жесткие нормы выполнять — четыре... Деталь совсем-совсем маленькая, а на ней сосредоточено все внимание. В рабочий ритм включаются глаза, руки, нервы. Знаешь, как устаем к концу смены? Но зато приятно, что дело сделано на совесть. Между прочим, и контролируем мы себя сами — другого контроля нет. А потом дома ты включаешь свой магнитофон, который благодаря нашим конденсаторам работает отменно, и слушаешь хорошую музыку — вот что такое «намотка»...

Всему этому сама Надя училась у тети Веры Бирюзовой. Манера работы у тети Веры (теперь она уже на пенсии) была особая: движения не скованные и вроде бы совсем не быстрые — зато сколько в них легкости, плавности, чисто женской грации... У Вали Кабикидзе и Ксаны Смирновой тоже выходит удивительно красиво. «Да вы сами посмотрите, — шепчет Надя. — Вон Меркулова Полина Александровна... Видите: руки у нее словно заряжены какой-то особой силой и скоростью. Просто бешеная скорость! А лицо — не усталое, очень даже милое лицо, душевным светом озарено. Полина Александровна и работает-то красиво потому, что у нее душа хорошая...»

Рассказывала Надя вроде про других, а узнавала все больше о ней самой. Долго оставалась Максимова на участке самой молодой, пока не получила в ученицы Олю Шарову. С непростым характером оказалась воспитанница: ни с кем не желала считаться, опаздывала на смену, прогуливалась... Но однажды наставница вдруг почувствовала, что дерзкая Оля где-то в самом потаенном уголке души прячет от всех стыд, неловкость, раскаяние. Просто девушке хотелось быть взрослее своих лет, выше своего умения, а это не получалось — вот она и бунтовала. И Надя стала ненавязчиво помогать ей освоиться. Теперь она — передовая работница. Вышла замуж, родила сына и дочку и, наверное, совсем не случайно назвала малышкой Сашкой и Наташкой...

Вот такая у Нады работа — больших сил требует, высокого напряжения, однако, когда она задумывается, какой день был самым трудным, то вовсе не «намотка» на память приходит. А вспоминается Наде то предвыборное собрание, на котором Зинаида Александровна Грибачева, паяльщица,

говорила о ней с трибуны очень добрые слова, а потом предложила выдвинуть Надю кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В день выборов прибежали подружки: «Надюшка, мы за тебя только что опустили бюллетени!» Вечером отец на семейном совете сказал: «Дело это очень важное и почетное. Если оно тебе, дочка, davvero, выполняй его честно».

И все-таки самый-самый трудный ее день — это когда был первый депутатский прием. Все вопросы казались ей тогда просто неразрешимыми. Выслушивала всех внимательно, записывала тщательно, но ответить сразу никак не решалась. Теперь уже вроде есть и опыт и разъяснить может многое сразу же, но человека все равно никогда не перебыт, хотя иной посетитель начинает чуть ли не со дня рождения — так важно ему сейчас до конца выговориться...

И как радостно потом депутату Максимовой получать известия: дом поставлен на капитальный ремонт, судебное решение пересмотрено, женщина-блокадница получила квартиру... А вот этому настырному парню, который не прожил в городе на Неве еще и трех лет, надо поубедительней разъяснить, что его претензии на отдельную квартиру явно преждевременны...

Иные избиратели не желают ждать приемного дня и вызывают по телефону прямо в проходную. Как-то спустилась по такому звонку, смотрит, стоит старушка: «Доченька, устрой, милая, на ночевку. Я из Чернигова приехала, а про тебя в журнале читала. Раз депутат, должна помочь...» И Надя помогает.

На родном заводе тоже обращаются к ней за советом. Даже директор. По его просьбе добывается, например, Надя, чтобы было в Ленинграде специальное ателье по ремонту малогабаритных цветных телевизоров. А то сейчас приходится этим заниматься самому предприятию.

Максимову срочно вызвали в партком, и меня сразу же окружила вся «намотка». Каждый стремился сказать о Наде «самое важное». Например, приводили такой факт: кое-кто из работниц уже идет к пенсии, поэтому озабочен средним заработком, и, говорили, очень хорошо, что рядом Надя, которая никогда не откажется даже от самой «невыгодной» работы... Наперебой вспоминали, как интересно рассказывала Надя о Звездном городке, о поездках в Польшу и ГДР, где она побывала в составе парламентской группы Верховного Совета СССР, о встрече с американской делегацией. Со всех сторон слышалось: «умная», «душевная», «не заносится». А Нина Александровна Егорова улыбнулась:

— Помните, как в песне поется: «Надежда — мой компас земной...» Так, пожалуй, это про нашу Надюшку...

Когда в печати был опубликован для всенародного обсуждения проект новой Конституции, Надя принесла на свой участок газету, и в обиденный перерыв незаметно зашел у женщин разговор о жизни. О том, что у Фирсовой прекрасная новая квартира, что один ее сын учится в техникуме, а другой — известный уже человек на метрополитене. И о том, что у Егоровой квартира тоже новая, что муж ее — один из лучших шлифовщиков «Русского дизеля», а сынишка заканчивает десятилетку... Вспомнили и про то, что без хлопот получают путевки в санатории, в дома отдыха, в заводской пансионат «Остродок». И про то, что давно исчезли на «Мезоне» проблемы с яслями и детским садом. И про то, что теперь на зимние каникулы дети отправляются вместе с родителями в Соосно, на свою базу отдыха...

Надя Максимова собиралась в Москву — на ту историческую внеочередную сессию, и подружки по цеху сказали ей:

— Помни, Надюшка, мы вместе с тобой за новую Конституцию голосуем всем сердцем...

А когда Надя на XVIII съезд комсомола уезжала, они ее тоже напутствовали:

— Ты уж расскажи делегатам про то, как над выпуском нового телевизора шефствовали...

Тут следует кое-что пояснить. К шестидесятилетию Великого Октября на «Позитроне» решили в короткий срок внедрить в производство и начать выпуск малогабаритных цветных телевизоров. А на объединении укоренилась такая традиция: товарам народного потребления — комсомольский контроль. Взяли молодые рабочие шефство и над этим ответственным заказом. При комитете комсомола создали инициативную группу по выпуску комплектующих изделий. Многие комсомольские бригады брали повышенные обязательства по сборке схем к 7 октября — дню принятия Конституции СССР. В дни работы съезда комсомола Надя с гордостью показывала делегатам в Кремлевском Дворце съездов первые экземпляры нового телевизора. А еще через месяц коллектив «Позитрона» рапортовал о полном завершении задания...

Сидит Надя за своим станочком, руки так и мелькают... Однако с каждым днем все нужней она людям, поэтому нередко в рабочее время приходится ей снимать халат, шапочку, и тогда в табельном журнале против ее фамилии появляются две буквы: «ГО». «ГО» — это значит «государственные обязанности». После каждого выступления — на соседнем заводе или в Военно-медицинской академии, в заводском ПТУ или у пограничников — возвращается в цех будто обновленная, праздничная. Это сразу чувствуют не только подружки «на намотке», но и дома. Сын встречает у дверей: «Опять в ПТУ была?» Она смеется: «Опять». И, едва раздевшись, начинает тормошить Сашку и Наташку — есть у них троих такая любимая игра — «пощекотаться». Или мама с дочкой затягивают «Лебединую верность», а сын бежит в соседнюю комнату, потому что ему ни к чему такие «девчоночьи» песни, он признает только «про войну», например, «Шел отряд по бережку» (весь песенник, который мама привезла с комсомольского съезда, Сашка знает наизусть). Утром брат сам отвезет сестренку в детский сад и один побежит в свой первый класс, потому что папа у них — шофер автобуса и уходит, когда еще все спят, и мама уходит тоже рано. Зато уж вечером они все вместе... Часто, уложив ребятшек, Надя садится за депутатскую почту. Пишут ей много, и не только ленинградцы, но и из других городов страны. Большинство писем, конечно, серьезные, деловые, но есть и с предложениями руки и сердца. И Надя терпеливо отвечает, что, во-первых, замужем, а во-вторых, знакомство по почте — далеко не лучший способ устраивать семейную жизнь. Однажды Юра, Надин муж, даже не выдержал: «Слушай, может, мне самому им ответить?»

Предвыборное собрание на «Позитроне» состоялось перед самым новым, 1979-м годом. За окнами трещал мороз, а в зале было удивительно тепло — может, от добрых людских сердец. Поднялась на трибуну Нина Александровна Егорова, чей станок «на намотке» рядом с Надиным стоит, и предложила вновь выдвинуть кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Выборгскому избирательному округу № 44 намотчицу завода «Мезон» объединения «Позитрон» Надежду Тимофеевну Максимову. И люди, которые давно знают и любят Надю, единодушно подняли руки.

Назавтра об этом событии сообщили газеты, и Сашка с Наташкой все, что было в них «про маму», аккуратно вырезали и наклеили в тетрадку. Вечером они показали тетрадку Наде, а дочка прижалась к ней крепко-крепко: «Какая ты, мамуля, хорошая!».

И правда — хорошая.

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 5 (1243) МАРТ 1979

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
ДЕПУТАТ
ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР
НАДЕЖДА
МАКСИМОВА

Фото
Сергея ВЕТРОВА.

(Очерк «Надежда—наш
компас земной» читайте
на 1-й странице).

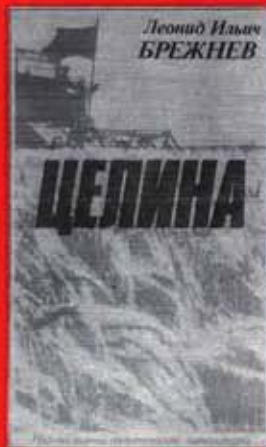
- 1 Очерк Льва СИДОРОВСКОГО «НАДЕЖДА—НАШ КОМПАС ЗЕМНОЙ».
- 2 Адольф ДИХТЯРЬ. «СТЕПНАЯ БАЛЛАДА». История жизни целинного прораба Василия Рагузова, воссозданная по воспоминаниям, письмам, документам.
- 5 Стихи Овидия ЛЮБОВИКОВА.
- 6 ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. Очерк Юрия СМЕТАНИНА «ВОСХОЖДЕНИЕ».
- 8 Иван ПАДЕРИН. «ОЖОГИ СЕРДЦА».
- 12 ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ. «ЛИПЕЦКИЙ ВАРИАНТ». Фоторепортаж Валерия ГУРИНОВИЧА и Юрия УСТИНОВА.
- 15 Стихи Татьяны КУЗОВЛЕВОЙ.
- 16 Олег ГУСЕВ, председатель Байкальской комиссии Всероссийского общества охраны природы, «СОБОЛИНЫЙ КРАЙ—ПОДЛЕМОРЬЕ».
- НАВСТРЕЧУ VII ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.
- 18 Юрий САЖНЕВ, первый секретарь Томского обкома ВЛКСМ, «МУЗЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ».
- 19 ЭКСКЛИБРИС «СМЕНИ».
- 20 Рассказ Андрея ЯХОНТОВА «ВЕТЕР С ЮГА».
- 23 НОВОЕ ИМЯ. Стихи Ирины КИРСАНОВОЙ.
- 24 СИЛУЭТЫ. Борис ПРИМЕРОВ. «КОЛЬЦОВ».
- 28 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Петер АДАМС. «ЗАГАДКА ЗАМКА КАРЕНТИН».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1979 г.

Героическое начало проявляется по-разному. Один и тот же человек может, рискуя жизнью, броситься в горящий дом, но окажется неспособным изо дня в день выполнять какую-либо монотонную работу. Есть героизм момента. Есть героизм тяжелых периодов в жизни всего народа— примером может служить война. И есть героизм будней, когда сознательно и добровольно люди обрекают себя на тяготы, зная, что в других местах их могло бы и не быть. Считаю, что люди целины показали себя героями. Они выдержали все трудности быта первой поры и годами терпеливо и стойко обживали эту совсем не ласковую землю.

Из книги Л. И. БРЕЖНЕВА «Целина».

Адольф ДИХТЯРЬ

СТЕПНАЯ БАЛЛАДА

Что ты возьмешь с собой, когда позовет тебя в дорогу главное дело жизни? Донецкий шахтер Даниил Нестеренко, как вспоминает в своей книге Леонид Ильич Брежнев, привез с собой на целину саженцы вишен.

В Целиноградской области, в совхозе «Дальний», есть теперь вишневый сад. Двадцать пять лет этому саду. Столько же, сколько совхозу. Столько же, сколько обелиску, который возвышается у въезда в «Дальний». На обелиске слова: «Герой Советского Союза Даниил Потапович Нестеренко. Отдал жизнь делу покорения целины в апреле 1954 года».

Он погиб, переправляя технику через готовящуюся к ледоходу степную речку,—донецкий шахтер, коммунист, первоцелинник, ставший Героем в сорок третьем, при форсировании Днепра.

Двадцать пять лет саду, ведущему свою родословную от саженцев, привезенных с Украины Даниилом Нестеренко. Столько же, сколько героической целинной эпопее.

Казалось бы, при чем тут саженцы вишен... Но в том-то и дело, что бойцы первых целинных плацдармов хотели не только превратить дикую степь в культурную пашню, но и обжить эти суровые края. А обжитая целина—это, кроме всего прочего, и поселки, утопающие в садах. Первоцелинники знали, что штурм целины—это только начало, что подвиг, на который их подняла партия, будет длиться годы и десятилетия.

1. КТО ХОЧЕТ, ТОТ ДОБЬЕТСЯ

Я пошел в партком института. Парторг, ничего не скажу, выслушал меня внимательно. — Давай-те говорить начистоту,—вскинул он на меня глаза.—Как партийный руководитель, я не должен чинить вам препятствий. Наоборот, должен всячески поддержать ваш порыв. Но в то же время—опять-таки как парторг института, как коммунист, как человек, который годится вам по крайней мере в старшие братья,—я не имею права умолчать, что у меня есть два очень серьезных основания отговаривать вас.

— Какие?—поинтересовался я. — Во-первых, что будет с институтом? Два года проучились и бросите? — С какой же это стати бросать?—возразил я.—Перейду в заочники. Парторг задумался. — Теперь второе,—сказал он.—Вы же отец двоих маленьких детей. Что же, сами уедете, а их оставите на произвол судьбы?..

Это опасение не было для меня только для меня то, что я уеду на целину с первым эшеленом, было вопросом решенным.

— Какие?—поинтересовался я. — Во-первых, что будет с институтом? Два года проучились и бросите? — С какой же это стати бросать?—возразил я.—Перейду в заочники.

Парторг задумался. — Теперь второе,—сказал он.—Вы же отец двоих маленьких детей. Что же, сами уедете, а их оставите на произвол судьбы?..

Это опасение не было для меня

Л. И. БРЕЖНЕВ В ПРЕЗИДИУМЕ СОВЕЩАНИЯ, КАЗАХСТАН, 1954 ГОД.

ДНЕПРОВСКАЯ ДА

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ЦЕЛИННОГО
ПРОРАБА ВАСИЛИЯ РАГУЗОВА,
ВОССОЗДАННАЯ
ПО ВОСПОМИНАНИЯМ,
ПИСЬМАМ, ДОКУМЕНТАМ.

«Целинник — фигура историческая, определившая собой героическое время. Этим словом обозначен особый характер, обусловленный потребностью времени».

Это из книги Л. И. Брежнева «Целина», книги, которая — лишь только появилась — сразу же стала народной, в которой во всей полноте раскрыто историческое значение многотрудного подвига целинников.

Люди с целинным характером — убежденные интернационалисты, патриоты, деловые энтузиасты, готовые преодолеть любые трудности во имя великой цели, постигшие, что значит быть гражданами Страны Советов не только по паспорту, а и по убеждению и образу действий. И если учесть, что целинная эпопея — составная часть подвига патриотов пятидесятых, шестидесятых и семидесятых годов, то можно смело утверждать, что целинный характер — это характер героя нашего времени.

И те, чье главное дело жизни пока еще впереди, непременно вберут в себя лучшие свойства первоцелинников — людей, постигших ответственность перед будущим, целеустремленных и цельных, презирающих разрыв между словом и делом, таких, каким был прораб совхоза «Киевский» молодой коммунист Василий Рагузов. О его подвиге мы уже рассказывали в очерке «Рагузовская сопка» («Смена» № 13, 1974 год). Сегодня мы публикуем новые документы, воспоминания родных и друзей первоцелинника Василия Рагузова.

неожиданностью. Такой же аргумент представляла и Сима.

— Какой же произвол? — ответил я. — Я и о детях думал, когда взвешивал «за» и «против». Что они видят при

отце-студенте? Целинные заработки, думаю, чуточку выше студенческой стипендии.

В общем, шестого марта целинная путевка была у меня в кармане. А на следующий день мы уже пели под стук колес:

*Прощай, любимый город.
Мы степь увидим скоро.
И поздней порой
Над ширью степной
Взметнется костер золотой...*

Казхастанскую степь и первого верблюда мы увидели на третий день дороги.

Вместе с пониманием, что до цели теперь подать рукой, пришло смятение. Да и попутчики мои вдруг как-то посерьезнели. Казалось, каждый, как и я, думает: что-то ждет меня в конце дороги?

Зима после весны... Это было противостоественно, в это не хотелось верить. Но факт был, как говорится, налицо: из весны мы въехали в зиму...

Ночью наш комсомольский поезд

долго стоял на станции Жаксы. Здесь выгрузились запорожцы, харьковчане, днепропетровцы...

Из воспоминаний первоцелинника Михаила Довжика.

«ЖАКСЫ» — было написано над входной дверью похожего на барак вокзальчика.

Помнится, нас будто ветром выдуло из вагонов — не терпелось попробовать, какой он на вкус, казахстанский воздух, услышать, как скрипит под ногами целинный снег, а главное — побыстрее попасть в места, где нам предстояло заложить совхоз и обосноваться на долгие годы. И в то же самое время не оставляло беспокойство: что там за земля под снегом? Способна ли она родить хлеб? Приживутся ли на ней деревья?

Помнится, кто-то поинтересовался: — А что означает «Жаксы», если перевести на русский?

— Хорошее место, — объяснили нам. — Но есть еще одно толкование. Старые люди уверяют, что надо говорить не «Жаксы», а «Жоксу», то есть «нет воды».

И тут раздался голос Володи Солодкого — моего земляка-запорожца:

— Нет воды? Добудем... Главное, было бы место хорошее.

Из дневника Василия Рагузова. Мы, львовские, ехали до Акмолинска, и мне в голову даже не пришло, что через два дня я вернусь на эту станцию...

В Акмолинск эшелон прибыл утром. Играл оркестр, было красно от транспарантов, реяли знамена: был митинг, выступал секретарь обкома партии по фамилии Журиин. Одним словом, встречу нам устроили жаркую. Но у нас зуб на зуб не попадал. Потому что митинг затянулся, а одежда на нас была не для казахстанской погоды. Правда, лично я проявил находчивость: на подъезде к Акмолинску вытащил из чемодана байковое одеяло, которое Сима дала мне в дорогу. Отхватил ножом две широкие полосы — получились теплые портянки. Отгромсал еще кусок, поуже, — вышел отличный шарф. Кое-кто последовал моему примеру, и мы не прогадали...

Сначала я двинул в управление совхозов.

Боже! Что творилось рядом с этим самым управлением!.. Улица битком была забита новоселами. Человек пятьсот, не меньше, совсем желторотых хлопчиков — в фуфайках, в шапочках из нитяного меха, с голубыми от холода лицами. Но ничего — уныния не видно. Шум и толкотня. Как на базаре в воскресный день. Смех и песни. Как во время демонстрации. Это были выпускники училищ механизации. Прислали их из Тамбовской, Калужской, Тульской областей.

С трудом протолкался я внутрь здания. Еще больших трудов стоило разыскать нужного человека. Но все же нашел. Милый такой товарищ. В очках и с усиками. Грузин.

— Очень рад, — пожал он мне руку. — Специалисты нам нужны. Только, — радостно сообщил он, — явились вы не по адресу. Распределением специалистов занимается обком партии. Так что, дорогой товарищ, вам туда...

В обкоме мне сказали:

— Поезжайте в Атбасар...

И вот Атбасар. Разговор с секретарем райкома (имеется в виду В. Ф. Макарин. — А. Д.) был приблизительно такой.

— Коммунист?

— Кандидат в члены партии.

— Ага... Значит, должен работать как коммунист и даже чуточку лучше.

Потом секретарь спросил, есть ли у меня личные пожелания насчет места работы. Я ответил, что таковых не имею. Поеду, куда направят.

Секретарь полистал какую-то тетрадку, подумал и сказал:

— Лука Фомич просил подобрать ему прораба — молодого и энергичного. Поедешь к Луке Фомичу?

Я понятия не имел, кто такой Лука Фомич, но ответил, что поеду.

— Совхоз называется «Киевский», а Лука Фомич Нестеренко — директор «Киевского», — объяснил секретарь райкома и продолжал: — Самого совхоза пока еще нет. Но есть место, где он будет строиться, есть директор и парторг — Кабазиев Утеген. Вчерашней ночью туда прибыла первая партия новоселов. Начинает поступать техника. Жилья нет никакого — голая степь, — преподнесил мне секретарь новости одну радостней другой. — Стройматериалы? Где-то в пути. Кто будет строить? Это твоя забота. Короче говоря, стройматериалы нужно будет получить, строителей подготовить, жилье построить. За жилье будем спрашивать с тебя в первую голову, — предупредил он. — Как бы ни сбивали тебя в сторону хозяйственников, ты стой на партийной позиции: нажимай на жилищное строительство. А в общем, успехов тебе.

В тресте совхозов сказали, что Нестеренко в Жаксах. До Жаксов добрался на попутной машине... Только вот как отыскать своих, если все словно братья-близнецы и все незнакомые? Будь моя власть, я ввел бы для целинников специальные нашивки с названиями совхозов. А то кричишь на весь пристанционный пустырь: «Кто из «Киевского?»»

Смотрят с участием, пожимают плечами, но моих новых земляков не находят.

Из воспоминаний первого директора «Киевского» Луки Фомича Нестеренко. Сначала нас было только двое — я и парторг Кабазиев. Командир и комиссар без бойцов... Представляете, как мы себя чувствовали на затерянном в безлюдных снегах разъезде, расположенном в семидесяти километрах от районного центра Атбасара и в трехстах от Акмолинска, центра областного. Веселее стало, когда в Жаксы прибыл эшелон с первыми добровольцами. Под наше начало поступили посланцы Днепропетровской области — 149 человек. Сто пятидесятью приехал на следующий день.

— Рагузов, — представился он. — Назначен к вам прорабом.

Был он невысок ростом, сухоощав, сдержан в словах и движениях.

— Из каких мест путь начал? — поинтересовался я.

Прораб ответил, что приехал из Львова. Однако в его речи не было и намека на украинский акцент. Говорок у него был явно волжский. Я ему об этом сказал.

— А что тут особенного? — усмехнулся он. — С Волги — во Львов, из Львова — в Казахстан. Разве так не бывает?

В дальнейшие подробности Рагузов вдаваться не стал.

«Хлопец-кремешок», — подумалось мне...

Из дневника Василия Рагузова. Лука Фомич Нестеренко прислан из Харьковской области. На родине он тоже был директором совхоза.

Какого я мнения о Нестеренко?

Лука Фомич не из тех, кто без оглядки раскрывает душу. Вот, мол, она все перед вами, как под рентгеном... Он старается держаться на приличествующей на чальнику дистанции, не любит гускаться в разговоры — предпочитает отдавать приказания. Но против уместности этих приказаний трудно что-нибудь возразить. Мне понравилось, к примеру, как Лука Фомич распорядился кадрами. Прибывшие с первым эшелоном хлопцы рвались, понятное дело, в степь — в палатки. Но Лука Фомич круто воспротивился:

— Успеете хлебнуть романтики и подъемные проесте успеете.

Нестеренко приехал в Жаксы самый первый и еще до того, как подошел эшелон с целинниками, перетолковал по-добрососедски с председателями двух колхозов, расположенных на пу-

ЦЕЛИННЫЙ ПРОРАБ ВАСИЛИЙ РАГУЗОВ.

ти к центральной усадьбе «Киевско-го».

— У наших хлопцев долго еще не будет ни кола ни двора, так пусть ваши колхозники примут их пока в своих домах. У меня — лишняя забота с плеч, у вас — лишняя сотня рук...

Из Обращения VII съезда ЛКСМ Казахстана к комсомольцам и комсомолкам, юношам и девушкам Советской Украины. На тысячи километров раскинулись широкие, привольные степи Казахстана. Здесь надо за ближайшие два года вспахать и засеять шесть миллионов триста тысяч гектаров вековечной целины и залежи. Чуть ли не каждый день к нам приходят эшелоны новых мощных тракторов и других совершенных машин. Эта замечательная техника ждет умелых рук, ждет мужественных, бесстрашных людей, энтузиастов.

Таких энтузиастов дает нам славный комсомол. И среди самых первых добровольцев — комсомолцы и комсомолки братской Украины. Мы с большой радостью узнали, что тысячи молодых патриотов из всех областей Украины изъявили горячее желание поехать к нам, в Казахстан... Трудящиеся нашей республики встречают посланцев Украины как братьев. Добро пожаловать в нашу трудовую семью, дорогие украинские друзья!

На землях Казахстана есть где развернуть молодую кипучую энергию, есть к чему приложить молодые силы. И комсомольцев Украины здесь ждет большой, благородный труд во имя великой цели.

От имени комсомольцев и молодежи республики VII съезд комсомола Казахстана горячо благодарит вас за братскую помощь в начатой большой работе по освоению новых земель. Мы рады будем встретить новые отряды молодых украинцев хлеборобов. Мы поможем им преодолеть неизбежные трудности, позаботимся об их жизни, досуге. И вместе с тем будем учиться у них, перенимать их опыт.

Молодежь нашей страны с воодушевлением готовится к XII съезду ВЛКСМ. Лучшие подарки съезду — самоотверженный труд во имя великого дела нашей партии. Пусть же дни подготовки к съезду будут отмечены формированием новых комсомольских отрядов по освоению целинных и залежных земель...

2. «ЖИЛЬЕ—ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН»

Из дневника Василия Рагузова. Вот уже двадцатый день живу я в степи. Расчет Луки Фомича, что люди, пока для них не найдется дела, будут жить в колхозах, не оправдался. Каждый день кто-нибудь да приезжает. Приходит, допустим, новый трактор. Глядишь: в санях три-четыре «зайца». Для них пришлось натянуть сперва одну большую палатку, потом — еще одну, а там и для третьей подоспела очередь. Теперь и вагончики и палатки плотно заселены, а народ все наплывает и наплывает. Какие-то находчивые умельцы сколотили себе сарайчик из ящичков. Живут на сквозняке и в холоде, но попробуй-ка выкурить их из совхоза!

Лука Фомич распорядился: — «Зайцев» на трактора не допускать.

Только и это не помогло — приходит пеншом...

Да, жилье — проблема номер один. Но пока что мы не получили ни одного шитого домика. В чем дело? Никто объяснить мне не может... Утром еду в Атбасар. Надо в конце концов выяснить, почему нет стройматериалов. Нет, чувствую, одними выяснениями дело не обойдется. Выбивать, вырывать зубами — вот что придется делать...

Из воспоминаний первого партора «Киевского» Утегена Кабазинова. Одним из лучших моих помощников был

кандидат в члены партии Рагузов. Это был прирожденный вожак, человек с сильно развитой общественной жилкой, умелый воспитатель. Он сам вызвался быть агитатором, наладил выпуск совхозной стенгазеты. Большой популярностью в нашем молодом коллективе пользовались «окна сатиры», в которых все — и смешные карикатуры и остроумные подписи — было делом рук Василия.

Особо хочется отметить его неуступчивость, принципиальность, умение добиваться своего.

Помнится, где-то в конце марта Рагузов во главе группы из тридцати рабочих уехал в Атбасар за стройматериалами. Через несколько дней я тоже прибыл в Атбасар.

— Как успехи? — спрашиваю у Рагузова.

— Худо, парторг, — ответил он, — кормят «завтраками», а стройматериалов все нет. Придется давать телеграмму самому Брежневу в Алма-Ату. Подпишешь?

Я заколебался. Честно говоря, мне не хотелось обострять отношения с районными руководителями, и я предложил Рагузову повременить, подождать, попытаться уладить конфликт на месте. Но Василий убедил меня, что дело не терпит отлагательств, и телеграмму мы послали...

Вскоре из Алма-Аты пришел ответ, очень короткий: «В Атбасар выезжает ответственный ЦК Високос».

Шесть сборных домиков и весь занаряженный «Киевскому» лес нашлись сразу. Еще четыре домика обещают на днях.

Из воспоминаний первоцелинника Василия Шкиля. На месте, где должен быть новый совхоз «Киевский», одни палатки. Рядом с палатками намечено разбить центральную усадьбу. Меня вызвал Нестеренко:

— Будешь помогать прорабу Рагузову.

При разбивке все нужно было промерить десятиметровой лентой. Я носил эту ленту.

Василий Яковлевич мне сразу понравился. Ниже среднего роста, светловолосый, был он очень хладнокровен и меня порой выводил из себя тем, что по несколько раз перемерял одну и ту же стенку. Стояла жара, и мне не хотелось таскать ленту. А он спокойно говорил:

— Семь раз отмерь, один раз отрежь. Здесь будут жить люди, и мы не должны ошибаться.

Из дневника Василия Рагузова. В городах люди знают, если число в календаре отмечено красным, — это день отдыха. Я уже здесь два месяца, но не могу припомнить ни одного воскресенья, которое было бы выходным. В праздники мы тоже работали.

Первой нас приветствовал дождем пополам со снегом. Весна в этом году запоздала. Первого мая мы закончили сборку первого дома...

Четвертого мая, вечером, было собрание. Нестеренко объявил, что райфинотдел будет выдавать ссуду тем рабочим совхоза, которые желают строить собственные дома. Застройщик должен в течение десяти лет вернуть государству семьдесят процентов взятой ссуды, а тридцать процентов ссуды возврату не подлежат. Судя по оживлению, вызванному этим сообщением, в желающих стать домовладельцами недостатка не будет. Что ж, индивидуальное строительство поможет быстрее уладить жилищную проблему.

В третьей бригаде строят общежитие. Работают днепропетровские. За старшего у них Д. Парень он неплохой, только очень уж любит командовать. Чуть кто малость провинился — собирает комсомольское собрание и начинает диктовать свою волю, хотя сам беспартийный и даже не комсомолец. Возражений не терпит. Стоит открыть рот — обрывает:

— Кончай дэбату!

Его так и зовут все — «Дэбата».

А в общем — то надо отдать Д. должное — дело свое он знает и поставил его как надо.

...Все силы брошены на строительство. Даже бухгалтерия открыта только до обеда, а после обеденного перерыва все счетные работники, не исключая главбуха, отправляются на строительные объекты.

Уже собрали три жилых четырехквартирных дома и пять двухквартирных. Подготавливаем два фундамента под шестиквартирные дома. Роем котлован под здание конторы. Двадцать человек взяли ссуду и строят собственные дома.

Позавчера возвращаюсь с Перекатной вилы: три хлопца у обочины голосуют.

— Куда вам?

— До города подвезешь?

В первую минуту я, признаюсь, даже не понял, о каком городе речь. Оказалось, что городом те, кто живет в бригадах, называют центральную усадьбу. Что ж, будет когда-нибудь и город... Ну, не город, так поселок городского типа, все равно цивилизация.

Не знаю, возможно, я перебарщиваю, но мне думается, что сдать в эксплуатацию такой незапланированный объект, как «помещение для отправления естественных надобностей» — проще говоря, «уборную» — не менее важно, чем, положим, оборудовать красный уголок, на строительство которого тоже, кстати сказать, не отпущено почему-то ни рублика. А между тем корреспондент «Акмолинской правды», когда я ему сказал, что мы без затраты государственных средств — методом воскресников — построили четыре общественных туалета, воспринял эти слова как издевку...

— Кроме того, — говорю, — наша молодежь в свободные от основных дел часы строит своими силами шлакоблочный красный уголок. Строительство клуба или на худой конец красного уголка на этот год не предусмотрено. А красный уголок у нас все же будет...

3. «ГДЕ РОДИНА, ТАМ ДОЛЖНО БЫТЬ ХОРОШО...»

Из воспоминаний Л. Ф. Нестеренко.

30 тысяч гектаров распахали мы в 1954 году, или в первом — по целинному летосчислению. В то время как механизаторы превращали дикую степь в культурную пашню, строители возводили жилые дома, бытовые и производственные помещения. Вот тут-то и блеснул своими организаторскими способностями наш прораб. Опытных строителей у нас было не больше десятка, и если бы Рагузов делал ставку только на них, то пришлось бы нам зимовать в палатках. Но Рагузов наладил дело таким образом, что специалисты, поставленные бригадами, одновременно стали и учителями — ребята, никогда не державшие в руках строительного инструмента, научились строить быстро и добротно. К осени на центральной усадьбе «Киевского» выросла первая улица. Так что зимовали мы не в вагончиках и палатках, а в домах. В одной комнате жили по две-три семьи, но жалоб не было. Ведь это только в песне поется — «пусть шумят метели, пусть трещат морозы!», а в жизни нам пришлось бы очень худо, не укройся мы от этих самых метелей и морозов за стены домов. Старожилы «Киевского» до сих пор называют первую улицу Рагузовской...

Из дневника Рагузова. Всюду кипит работа — жаркая работа. Ребята загорели. Некоторые похудели и очень напоминают головешки, а другие, наоборот, поправились. Значит, казахстанский климат им на пользу. А самое отрадное то, что многие хлопцы до приезда на целину если и видели стройплощадку, то только со стороны,

а здесь все они стали завзятыми строителями...

Пришло письмо от Сими. Пишет, что Володя не может дожидаться того дня, когда поедет к папе на целину и будет жить в солдатской большой палатке. Не хочу расстраивать сына, но если к тому времени, когда он придет к папе, здесь останется хотя бы одна палатка — это ж будет форменный позор на мою прорабскую голову...

Последняя запись в дневнике Рагузова. Мой дед переселился с Украины на Волгу. Построил дом, обжился, и мой отец был уже коренным волгарем. Вот и мы начинаем от колышка, а когда у новоселов родятся дети, целина для них будет родиной. А где родина — там должно быть хорошо.

4. ИСТОКИ ХАРАКТЕРА

Из книги Л. И. Брежнева «Целина». В старых словарях вы найдете слово «целина», но не найдете слова «целинник». Оно родилось в 50-е годы, точно так же как в годы коллективизации появилось слово «колхозник». Само понятие «целина» утратило тогда свое чисто земледельческое значение, оно стало термином общественным, ибо за ним стояли высокая гражданственность и глубокий советский патриотизм. Целинник — фигура историческая, определяющая собой героическое время. Этим словом обозначен особый характер, обусловленный потребностью времени.

Из воспоминаний И. М. Фукса. Что бы понять, как складывался характер Василия, надо знать условия, в которых он воспитывался. Рагузов был детдомовцем. И это многое объясняет. Для него, воспитанника детского дома, Родина стала матерью в прямом значении этого выражения.

Наш детский дом — детский дом имени В. И. Ленина — находился в поселке Рудня Сталинградской области. Основан он был в середине двадцатых годов, а во время Великой Отечественной войны стал детским домом специального назначения, а это значит, что направлялись в Рудню только те дети, родители которых погибли.

Из трехсот воспитанников лишь несколько человек были, если можно так выразиться, старожилками, то есть попали в руднянский детский дом еще в довоенные годы. Одним из таких «старичков» был и Вася Рагузов. Я оказался в детском доме в августе 1941 года. Вот тогда-то и познакомился с Василием и, помнится, очень обрадовался, узнав, что он мой ровесник и что осенью так же, как и я, пойдет в седьмой класс.

В первый же день увидел я Рагузова в роли организатора. Вася был председателем совета детского дома, и директор поручил ему проследить, чтобы мы, новенькие, быстро и без суеты переоделись в летнюю форму детдомовцев. А состояла эта форма из рубашки и длинных брюк. Обувки не полагалось. Летом детдомовцы бегали босиком...

Из письма Т. А. Муллиной. Директором нашего детского дома в годы войны был Михаил Евсеевич Ставицкий, но первым подметил, что из Васи Рагузова получится хороший организатор, не Ставицкий, а его предшественник — Федор Дмитриевич Шлепин, опытный педагог, один из создателей пионерской организации города Сталинграда. Именно Федор Дмитриевич рекомендовал Васю Рагузова на пост председателя детского совета.

Вася в моей памяти остался как организатор многих хороших дел, при этом крупных хозяйственных дел. Наш детский дом располагал большим подсобным хозяйством. Были свои бахчи, свои огороды, свой сенокос. Мы даже сеяли зерновые культуры — прося, ячмень, овес. И все полевые работы выполнялись силами воспитанников. Мальчишки называли Рагузова — «Васька Рагуз». Это имя произно-

силось с большим уважением и преданностью. А «Рагуз» умел дружить честно, отдавая себя дружбе без остатка. И ребята платили ему тем же. Во всяком случае, они слушались «Рагуза» порой больше, чем воспитателей.

Анализируя события, которые мне памятливы, я могу с уверенностью сказать, что Вася был одарен качествами Человека с большой буквы: общительный, душевный, честный, рассудительный, наделенный организаторским талантом. А еще, помнится, он хорошо рисовал...

Из воспоминаний И. М. Фукса. Он чудесно рисовал. У меня сохранились два портрета его работы—мой и Носикова Пети. Носиков был старше нас на два года и позднее участвовал в войне. Попал в плен, бежал и снова воевал—до Победы. В мае сорок пятого Петья Носиков трагически погиб, разминировав колхозное поле, где-то под Ленинградом... Сохранились у меня и два рисунка, выполненные Рагузовым, в красках. На одном—несколько птиц, на другом—веточка с вишнями... Под руководством Василия и с его участием выпускались все стенгазеты, «боевые листки», всевозможные «колючки» с карикатурами...

Из письма И. П. Натрусного. Васю я хорошо помню с 1938 года. Тогда я работал в районной газете и не раз помешал корреспонденции о воспитаннике детского дома, талантливом мальчишке, увлекающемся моделированием. Его модели—рассадопосадочная машина, дирижабль, самолет, планеры—демонстрировались на выставке детского технического творчества... В августе 1943 года я вернулся с фронта без обеих ног и стал частым гостем в детдоме, где моя жена Матрена Федоровна работала заучем и отвечала за художественную самодеятельность. Тогда-то я узнал, что Вася Рагузов не только талантливый конструктор, но и музыкант одаренный. Он умел играть на балалайке, на мандолине, на гитаре, на гармониках русского и немецкого строя, а также на хроматической гармошке...

Из воспоминаний И. М. Фукса. В 1942 году мы с Василием окончили семилетку, и Рагузов подал идею: «Давай поступим в авиационное училище». Мы подали документы в военкомат, однако комиссию не прошли и снова вернулись в Рудню.

Надо сказать, что во время войны детские дома не всем воспитанникам давали возможность получить образование в объеме семилетки, а только тем, кто хорошо учился. Дальше—две дороги на выбор: техникум или ремесленное училище. О том, чтобы продолжать учебу в десятилетке, и речи не могло быть. Но для нас с Рагузовым директор сделал исключение. Нам разрешили получить среднее образование. При условии, что мы будем совмещать учебу в школе с работой в должности помощников воспитателей.

Ну, и, разумеется, мы не освобождались от хозяйственных работ и от участия в общественной жизни: Рагузов, как я уже вспоминал, был председателем детсовета, а я—секретарем комсомольской организации. Сочетать все эти обязанности было очень трудно. Спали мы по несколько часов: ведь делать уроки мы могли только поздно ночью, когда малыши, находившиеся на нашем попечении, наконец-то засыпали. Так продолжалось все годы войны. Но кому тогда было легко?..

Весной 1945 года мы получили аттестаты зрелости. В числе выпускников руднянской средней школы в том году было всего пятеро хлопцев. Из них двое детдомовцы—я и Рагузов.

После этого наши жизненные пути разошлись. Я уехал учиться в Москву, а Рагузов—в Харьков. Там он поступил в авиационный институт. Однако вскоре Василий понял, что его призвание—архитектура, и перевелся во Львовский политехнический, на архитектурно-строительный факультет.

После отъезда из Рудни я встречался с Рагузовым только один раз. В 1951 году ездил к нему во Львов. Тогда же познакомился с женой Василия—Серафимой. Детей у них еще не было. Через некоторое время из Львова пришла телеграмма: «Поздрав. Родился сын. Назвали Владимиром».

В Рудне есть парк имени Васи Рагузова.

5. «ЭТО БЫЛ МУЖЕСТВЕННЫЙ, ОГРОМНОЙ ВОЛИ ЧЕЛОВЕК...»

Из книги Л. И. Брежнев «Целина». Помню, как всех на целине потрясла гибель студента-заочника Львовского строительного института Василия Рагузова. Одним из первых приехал он в совхоз «Киевский» и стал работать прорабом. Способный организатор, хороший товарищ, человек веселого, общительного нрава, он быстро завоевал авторитет, уважение и любовь первоцелинников. В один из ясных дней в составе колонны Рагузов вез со станции сборные дома для первой совхозной улицы. Неожиданно начался необычайной силы буран, длившийся потом несколько суток. Колонна остановилась. Василий решил идти за помощью. Пошел один, заблудился и погиб. Это был мужественный, огромной воли человек. Вот письмо, найденное у него в кармане:

«Нашедшему эту книжку! Дорогой товарищ, не сходи за труд, передай написанное здесь в г. Львов, ул. Гончарова, 15, кв. 1, Рагузовой Серафиме Васильевне.

Дорогая моя Симочка! Не надо слез. Знаю, что будет тебе трудно, но что поделаешь, если со мной такое. Кругом степь—ни конца, ни края. Иду просто наугад. Буря заканчивается, но горизонта не видно, чтобы сориентироваться. Если же меня не будет, воспитай сыночек так, чтобы они были людьми. Эх, жизнь, как хочется жить! Крепко целую. Навек твой Василий».

Сознавая, что погибает, он сделал приписку—уже коченеющими, замерзающими пальцами:

«Сыновьям Владимиру и Александру Рагузовым! Дорогие мои деточки, Вовушка и Сашунька! Я поехал на целину, чтобы наш народ жил богаче и краше. Я хотел, чтобы вы продолжили мое дело. Самое главное—нужно быть в жизни человеком. Целую вас, дорогие мои, крепко. Ваш папа».

Письмо это, казалось бы, имело сугубо личный, семейный адрес. Но стало оно обращением ко всем живущим. Когда мне показали листки с расплывшимися буквами, когда разобрал их—перехватило горло. Позвонил журналистам, посоветовал, получив согласие жены, напечатать это письмо. Опубликованное в газете, оно вызвало десятки тысяч откликов по всей стране. Новые отряды добровольцев двинулись на целину, чтобы довести до конца дело, которое начали Василий Рагузов и подобные ему мужественные люди. Сопка, близ которой погиб Василий, названа теперь его именем.

Из письма С. В. Рагузовой. Володя и Саша были совсем маленькими, когда погиб Василий. Только по моим рассказам да еще по письмам и фотографиям знают они отца. Но он жив в нашей памяти, а для сыночек служит во всем образцом для подражания. Даже профессию Володя и Саша выбрали отцовскую—оба стали строителями.

Володе уже 27 лет, у него два сына. Саша работает в проектно-институте, совмещая работу с учебой на вечернем отделении ЛПИ. В составе строительного отряда политехнического института Саша дважды выезжал в совхоз «Киевский». В отцовском совхозе он строил детский сад и котельную, ремонтировал механические мастерские, те самые, которые начинал строить его отец. Студенческому строительному отряду ЛПИ недавно присвоено имя Василия Рагузова.

Овидий ЛЮБОВИКОВ

**Лиричные колокола
Один другому
страстно**

вторят:
«Какое счастье—ты пришла!»
«Уходишь ты—какое горе!»
Непритязательный сюжет,
Отдохновения не зная,
Питает трепетный сонет
И, как атлант, романс вздымает.
Когда печаль терзает грудь,
Когда в душе ликует радость,—
Голосовые связки рвут
Певцы лирического склада.
И мне, пожалуй, по плечу
Отзывчивость такого рода...
Целую руку и молчу
В минуту твоего прихода.
У нас таких минут в обрез.
И пусть они продлятся снова
Без соглядатаев и без
Оповещения мирского.
Но если—страшно и сказать...
Но все же—и подумать дико...
Смогу ль с бедою совладать
Без раздирающего крика?

К спору о волках

И каждый со своею верою
Встревает в спор: как с волком быть?
Одни велют не трогать серого,
Другие—смертным боем бить.
Когда клыкостого да шалого
С полицием схватят и на суд—
Его то в хищники разжалуют,
То в санитары возведут.
Гнетет умы проблема спорная,
Не угадаешь наперед,
Что присоветует теория
И практика к чему придет.
По шерстке вдоль ласкают лапушку,
Ругают: чтоб ты окопел!
А слопал он не только бабушку
И Красной Шапочкой заел.
От века связан с волчьим именем
Опустошительный разбой.
Мне не забыть в селе за Ильменем
Ребячий плач и бабий вой.
Войною начисто обкрадены,
Разорены войной дотла,
Для них спасеньем и отрадою
Корова тощая была.
Ее в лесу, укромном логове,
Два долгих года, как могли,
Спасали от зверья двуногого.
От волчьей стаи не спасли.
Как с волком быть?
Поньне доводы
Колблют чаши на весах.
Но помню: детский плач от голода
И страх у матери в глазах.

Пока отец твой жив
И мать жива,—
Пусть сам великовозрастный детина,
И буйно серебрится седина,
И дослужил до имени и чина—
Для них ты только сын.
И может мать
Тебя и пожурить и приглубить,
Отец сначала за уши надрать,
А после стопку разрешит пригубить.
Когда дорога скатертью, легка,
Ты катишь без опаски и сомнений.
Но есть на случай крепкая рука,
И в горе есть к кому упасть в колени.
Ты сам себе, считаешь, голова.
Они с тобой, уверенным, не спорят.
Твоя защита и твоя опора—
Пока отец твой жив
И мать жива.

Солнце ярко слепило глаза.
Разомлела ветла над оврагом.
Тишину сокрушила гроза
И пронзила кровавым зигзагом.
Загустела тяжелая мгла.
Вихрь сосну в три погубели скрючил.
Но пробила заря, обожгла
И спалила лохматую тучу.
В нашей трепетной жизни земной,
На дороге под звездным пунктиром,
Мирный день ошарашил войной,
День военный пожаловал с миром.

Молодежи колхоза «Искра»

Крошил кайлом рудничный камень,
И молнию у виска:
«Из искры возгорится пламя...»—
Счастливо занялась строка.
Зарядом яростного света
Она эпоху обожгла.
Пережила строка поэта,
Свой век она пережила.
В канун решительной и истой
Борьбы за праведную власть
Она над ленинскою «Искрой»
Многозначительно зажглась.
И не моя догадка это,
Всего лишь повторить хочу:
Само название газеты
Строка шепнула Ильичу.
Из подземелия восстала
И, утверждая связь времен,
Надежды робкие питала
И сотрясала царский трон.
Отнюдь не современный Лимен,
Я только вспомнил—легкий труд—
Берет начало ваше имя
Во глубине сибирских руд.
Светило в сумерки густые,
Как путеводная звезда,
Оно из тех имен, что всею
Не произносятся никогда.
Так будет все далеко видно,
Что ваша сотворит рука.
А я завидую не скрытно:
Всего строка.
Одна строка!

Проводы

Своего добились: в путь, ребята!
Или на щите,
или со щитом...
За квартал до райвоенкомата
По-мужски простились мы с отцом.
На войну торить тропинку сыну
И по всем статьям сдавать зачет.
Распрощались,
вещмешок—за спину,
Как винтовку, лыжи на плечо.
И пошел—и молодой и ранний,—
Сам собой довольный: стало сил
Обойтись без всхлипов и стенаний,
Ни одной слезы не обронил.
На ходу слагал строку доклада,
Чтобы все по форме,
но с крыльца,
На углу за сизым снегопадом,
Разглядел согбенного отца.
И тогда, опять самонадеян,
Я о нем подумал свысока,
Что сдает, видеть, красногвардеец,
Что подводят нервы старика.
За свою мальчишескую строгость
Сам себя позднее не щадил:
От крыльца в огонь вела дорога.
Я ее не знал,
А он ходил...

Лауреаты премии Ленинского комсомола

самостоятельным, созревшим для серьезной работы человеком. Пришел с собственной научной темой, точно поставленной задачей и с огромным желанием решить эту задачу в самые кратчайшие сроки.

Через три года Эдуард Щербинин защитил диссертацию. За ним закрепили двух аспирантов—выпускника Московского физико-технологического института Иманта Буцениекса и выпускницу ЛГУ имени П. Стучки Елену Шилову. Первое время молодые аспиранты работали как бы врозь—каждый разрабатывал свою тему. Затем объединились в группу и, когда стало ясно, что генератором всех идей является Щербинин, безоговорочно признали его своим лидером. Шилова занялась расчетами, Буцениекс—экспериментальной частью.

АЛЕКСАНДР ЧАЙКОВСКИЙ, ЭДУАРД ЩЕРБИНИН, ИМАНТ БУЦЕНИЕКС АНАЛИЗИРУЮТ РЕЗУЛЬТАТЫ ОЧЕРЕДНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.

В ПЕРСПЕКТИВЕ

РАССКАЗ О МОЛОДОМ ФИЗИКЕ ЭДУАРДЕ ЩЕРБИНИНЕ

Человек покорил вершину. Он шел к ней долго, спотыкаясь о собственные промахи и радуясь удачам, позади уже трудные раздумья, бессонные ночи, тот последний, что называется, тысяча первый опыт. Шел он не один, а в связке, как альпинист. И вершина сдалась. Но едва это случилось, впереди замаячила новая и тоже, как казалось вначале, недоступная. Потом он долго думал, что ученому в отличие от альпиниста нельзя считать пройденные вершины. Ему надлежит видеть будущее.

Он никогда не был в горах. И профессия у него на первый взгляд самая прозаическая—инженер-гидродинамик. А вершина? «Вершина в науке—нечто неопределенное,—говорит Эдуард Щербинин.—Знаешь только, в каком направлении шагать, а долго ли, по каким склонам—крутым или пологим, что тебя ожидает впереди—радость победы или горечь поражения,—неизвестно. Восхождение всегда связано с риском. Но суть не в этом. Главное—движение, поиск, выбор той единственно верной дороги, которая может привести тебя к еще одной загадке природы и одновременно к ее объяснению».

Движение, поиск, выбор... В этом, пожалуй, весь Щербинин, в этом смысл его жизни, его работы, творческих планов и замыслов.

Свой первый, жизненно важный выбор Эдуард сделал еще в школе, когда из всех предметов отдал предпочтение физике. Второй—в Ленинградском политехническом институте. Он поступил на физико-механический факультет на кафедру гидроаэромеханики, но примерно к четвертому курсу, детально изучив предмет, понял, что гидродинамика, которой он увлекся, «перепахана» вдоль и поперек. Идти проторенной дорогой не хотелось, необходимо было найти новый ориентир всей дальнейшей работы. Выбор пал на раздел магнитной гидродинамики, связанный с изучением струйных и отрывных течений в магнитном поле. Это было нечто новое, малоизученное в науке.

Трудности в студенческие годы создают ученого, во всяком случае, шлифуют характер. Его сокурсник удивленно рассказывал мне: «Мы понимаем, что он взялся за дело, требующее особой, творческой самостоятельности, убежденности и веры в собственные силы, но, чего греха таить, и сомневались в правильности его выбора. Ведь успех, казалось, сопутствует тем, кто отмечен «божьим даром», чудакам, людям «не от мира сего». А он был вроде бы слишком прост, держался порой излишне скромно. Правда, на втором или третьем курсе его все же заметили, отличили, он возглавил комсомольскую организацию, делам которой, по нашему глубокому убеждению, был предан гораздо больше, чем науке. В общем, ни характером, ни обликом не соответствовал тому стереотипу ученого, который выработался в нашем представлении».

Сам Щербинин считает для себя переломным моментом обычный дневной киносеанс в маленьком клубе, где он впервые увидел «Девять дней одного года». Образ Гусева напомнил отца, собственное, довольно безрадостное детство,—мать получила похоронку, когда Эдику исполнилось всего три года,—и натолкнул на мысль, вернее, окончательно сформировал ее, что наука—это творчество, это умение и смелость взять на себя ответственность за выбранный путь, за полученные результаты.

В начале 70-х годов магнитной гидродинамикой занимался единственный в Союзе институт—Институт физики Академии наук Латвийской ССР. Его и выбрал Щербинин. И для прохождения преддипломной практики, а затем и для дальнейшей работы.

Молодого ученого встретили радушно—институт только начинал свою творческую биографию, испытывал, как говорится, муки становления. Эдуарда зачислили в лабораторию магнитной гидравлики, которой руководил кандидат физико-математических наук Лиелаусис.

— Чем вы намерены заниматься?—спросил он Щербинина при первой встрече.

— Струйными течениями в магнитном поле,—не раздумывая, ответил новичок.

— Прекрасно.—И Лиелаусис тут же пояснил новоиспеченному сотруднику новоиспеченной лаборатории причину своего вопроса.—Вы начинаете свою деятельность практически на голом месте...

В этом утверждении не было преувеличения. Правда, с некоторыми оговорками. Струйными течениями в магнитном поле занимались и до Щербинина, но работы ученых в силу различных причин, не найдя должного применения, были преданы забвению. Надо сказать, что такие случаи в науке далеко не единичны и отнюдь не парадоксальны.

— Так вот,—говорил заведующий лабораторией,—вы начинаете на голом месте... В этом есть свои плюсы и минусы. Минус—одиночество, отсутствие признанных авторитетов, которые подстегивали бы вашу мысль. Плюс—неограниченность сферы действия, абсолютная свобода в поиске. Воспользуйтесь этим преимуществом. «Здоровый глаз,—как говорил Гете,—сразу может увидеть то, чего приглядевшийся не видит более». Это первое. Второе: по тем же вышеуказанным причинам вы лишаетесь научного руководителя...

Столь неожиданная постановка вопроса, однако, не смутила Эдуарда. Он никогда не жаловался на трудности и временные неудачи. Он умел и умеет встречать их по-деловому—без паники, без излишних эмоций. Он быстро перестраивается, отступает и, собравшись с силами, четко и беспристрастно проанализировав обстановку, вновь переходит в наступление. Одним словом, на неудачу всегда реагирует одинаково—работой. В этом он достойный ученик своего учителя—заведующего кафедрой гидроаэромеханики Ленинградского политехнического института профессора Л. Г. Лойцянского, чья научная школа известна не только у нас, но и за рубежом. «В стенах института вы обязаны не просто учиться,—любил повторять Лойцянский своим ученикам,—но еще и учиться умению учиться. В противном случае вы останетесь вечными студентами». Щербинин не пренебрег заповедью учителя и, кроме глубоких, фундаментальных знаний, вынес из института способность быстро перестраиваться, осваивать смежные дисциплины, экономить время, четко и логично формулировать свои мысли, задачи, выводы, предположения, давать точную оценку новым фактам и гипотезам, то есть то, без чего немислима сегодня работа ученого. Поэтому утверждение, что молодой научный сотрудник остался, так сказать, без научного руководителя—«плыви, мой челн, по воле волн»,—не совсем верно. Он пришел в Институт физики не слепым мальчиком, которому требовался поводырь, а вполне

— Я бесконечно благодарен судьбе, что она столкнула меня с Эдуардом Щербининым,—говорит Иммант Буцениекс.—Он открыл мне истинные перспективы в математической логике, помог освоить и увидеть всю ее глубину. В наше время все чаще задумываются над психологией творчества. Так вот, Щербинин, по-моему, может служить моделью для изучения этого процесса. Если ему на голову падает яблоко, то он думает не о шишке, которую оно ему набило, а о силе, которая заставляет яблоко падать. И требует этого от других.

Да, когда вопрос касается дела, Щербинин строг и принципиален. И рьяно заботится о том, чтобы ученики, аспиранты не просто прислушались к его мнению, но просто учились, а чтобы сами работали творчески, как можно быстрее вырабатывали свой, индивидуальный научный почерк. По его инициативе в институте был создан семинар молодых ученых. Комсомольцы—средний возраст ученых в институте 27 лет—с интересом отнеслись к возможности высказаться перед маститыми коллегами свои сомнения и надежды, пожелания и мысли.

В 1944 году академик Л. Д. Ландау дал точное решение задачи об истечении струи из конца тонкой трубки (струя Ландау). Эдуард Щербинин вознамерился найти точное решение для магнитогидродинамического аналога струи Ландау. Решение этой задачи привело ученого к любопытному открытию. Он обнаружил, что в жидкой среде вихревая электромагнитная сила создается в результате взаимодействия электрического тока с собственным магнитным полем, то есть жидкость приходит в движение, если по ней пропустить электрический ток. Наличие внешнего магнитного поля при этом вовсе не обязательно.

Можно было ликовать—победа!—но Щербинин не мог и слова вымолвить: не верилось, что так обыденно и просто совершаются открытия.

— Надо еще не раз проверить,—сказал он Буцениексу, пришедшему с поздравлениями.

Они соорудили нечто среднее между корытом и бассейном, по бокам расположили электроды и погрузили в жидкость собственной конструкции тримарансистему из трех конусов, жестко скрепленных между собой. И тримаран... поехал.

Совершенствою механику опыта, Щербинин и Буцениекс выяснили, что течение представляет собой тороидальный вихрь, формирующий струю, направленную в сторону уменьшения плотности тока. Отсюда и название, которое они дали этому течению,—электровихревое (ЭВТ).

Выдающийся итальянский физик Ферми как-то сказал: «Физики делятся на две категории—теоретики и экспериментаторы. Требования к теоретикам очень высоки. Если физик-теоретик не находится на очень высоком уровне, его работа бессмысленна». Но в наши дни, когда наука стремительно становится отраслью общественного производства, деятельность ученого-теоретика не может ограничиться сухими теоретическими выкладками, сегодня он обязан думать о прикладном значении своих исследований, заниматься тем, что нужно обществу сегодня и в чем оно ощутит потребность завтра.

Трудно сдавал свои позиции Щербинин-теоретик Щербинину-практику. Не хотелось откладывать в долгий ящик работу над новой книгой, исследованиями для докторской диссертации, бесчисленными

рефератами, но жизнь заставила. Где, в каком производстве, при каких процессах и явлениях можно с успехом использовать электровихревые течения? Начались поиски...

После многих примерок и прикидок оказалось, что наиболее близкой к рассмотренной модели является электрическая дуга. В ней ток проходит по разрядному столбу, площадь сечения которого много больше площади катодного пятна, то есть в прикатодной области плотность тока неоднородна и есть все условия для возникновения движения плазмы. Эдуард сел за расчеты, и они показали, что наблюдаемые в дуге интенсивные течения — электромагнитного происхождения.

Следующим гипотезе магнитогидродинамического происхождения был подвергнут... смерч — явление в природе малоизученное и не имеющее до сих пор однозначного объяснения.

Что же такое смерч? Смерч относится к разряду атмосферных явлений, для которых характерно интенсивное вращение воздуха. Собственно смерч — это быстро вращающаяся воздушная воронка, свисающая из грозового облака. Ее поперечные размеры могут

должен постоянно помнить, что выбрал дорогу трудную, нескончаемую, требующую огромного напряжения нравственных и физических сил и непрерывной работы мысли. Именно непрерывной, потому что решения часто приходят в самый неожиданный, казалось бы, неподходящий момент. И момент этот нельзя проворонить! Щербинин это знал по опыту: однажды решение проблемы, над которой он работал больше года, пришло к нему в кинотеатре, где ему назначила свидание его будущая жена.

Выслушав Столова, Эдуард задумался. Решение задачи бродило где-то в подсознании и было настолько реальным и ощутимым, что он целый день не находил себе места. И лишь вечером, когда сидел у телевизора и отсутствующим взглядом следил за мечущейся на экране шайбой, его вдруг осенило: управляющим фактором в индукционных канальных печах могут стать электровихревые течения...

Ученому иногда, как и спортсмену, для достижения хорошего результата необходимы соперники. Наедине с истиной быть так же трудно, как одному на длинной марафонской дистанции. В лице Столова Щербинин обрел не только друга-соперника, но и единомышленника, человека одержимого, с фантазией, крайне заинтересованного в развитии и реконструкции нашей металлургической промышленности.

Институт физики АН Латвийской ССР заключил с ВНИИ электротермического оборудования договор, согласно которому группа Щербинина и лаборатория Столова должны были провести ряд совместных исследований по изучению особенностей ЭВТ в индукционных канальных печах.

Содружество физиков и металлургов оказалось плодотворным.

...В 1977 году в Москве проходил Всемирный электротехнический конгресс. Его участникам был показан цветной короткометражный фильм «Гидродинамика индукционных печей». Когда на экране появились четкие очерченные электровихревые течения, возникающие в металле при работе ИКП, в зале раздались аплодисменты. Ученые впервые увидели «нутро» расплавленного металла, сопровождающие его при этом процессы и убедились, что этими процессами можно управлять (корректируя направление электровихревых течений, оказалось возможным не только поднять мощность индукционных канальных печей, но и плавить в них металл, то есть, по существу, отпала необходимость в промежуточном звене этой металлургической цепи — вагранке).

Ну как здесь не воскликнуть: все гениальное просто! Десятки лет люди варили металл способом, правильность и рациональность которого ни у кого не вызывала сомнений. И вдруг приходит молодой физик и заявляет: «Хорошая, конечно, вещь вагранка, но, безусловно, лишняя...» Есть, отчего прийти в недоумение.

После окончания конгресса многие представители зарубежных фирм выразили желание приобрести патент на это изобретение, основанное на методе использования электровихревых течений.

Новый способ работы индукционных канальных печей внедрен на заводах «Красный выборжец» (Ленинград) и «Ташкенткабель» (Ташкент). Собираются его применить для плавки чугуна и на Горьковском автомобильном заводе.

Обыкновенный пятиэтажный дом в Саласпилсе. Здесь, на втором этаже, живет и работает Эдуард Щербинин. Здесь его кабинет, здесь он в основном и вершит свой научный поиск.

Письменный стол, чертежи, расчеты, книжные полки — техническая и справочная литература на русском, немецком и английском языках. На одной из полок — монография его учителя профессора Л. Г. Лойцянского.

«Он помог мне окончательно утвердиться в правильности выбранного пути, — говорит Щербинин. — По сути дела, именно ему я обязан своими достижениями...»

Примерно в тех же словах говорили мне и Шилова и Буценикс уже о самом Щербинине.

Велика роль наставника, и, пожалуй, действительно большая удача, если ты повстречаешь на своем пути человека, с которого можно «делать жизнь». И все-таки, как бы ни был хорош учитель, многое зависит от ученика, от его трудолюбия, умения работать.

Успех в науке, по словам В. И. Ленина, приходит только к тем, кто способен «не довольствоваться умением, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти непременно дальше, добиваться непременно большего, переходить непременно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен». Молодой ученый, доктор физико-математических наук Эдуард Щербинин сумел выработать в себе эти качества, сумел воплотить их в своей работе. На труды молодого советского физика давно уже ссылаются ученые разных стран. Но Эдуард не считает покоренной вершин, он всегда на пороге рождения новых интересных гипотез и свершений. Они как вехи на непостижимо трудном пути ученого к его главной вершине.

БИБЛИОТЕКА «СМЕНЫ» В УРЕНГОЕ

Сопричастность — это слово каждый день «дарит» нам читатели, прислав книги для библиотеки в поселке Новый Уренгой.

«Очень хочу быть причастным к великому делу, которым живут сибиряки», — написал нам читатель А. Геллин из Волгограда.

«Прислав книгу для вашей библиотеки, человек как бы и сам приобщился к святому делу общего строительства» (сотрудники отдела водных проблем Карельского филиала АН СССР).

«Село наше считается «глубинкой», хотя и находится недалеко от шумных автострад и областного города Петропавловска. Попали мы в Калининку по распределению педагогического института. Мечтали работать на одной из великих строек страны. Но теперь видим, что наши знания пригодятся и здесь. Пройдут годы, и некоторые из наших учеников окажутся на БАМе, Атоммаше, в Нечерноземье.

Мы очень благодарны вам за эту замечательную инициативу. Наши книги одной тематики: ведь мы географы и биологи. Хотелось бы, чтобы строители Уренгоя любили природу, как любим ее мы», — эти строки из письма супругов Любы и Виктора Христолюбских из села Калининка Северо-Казахстанской области.

Многие книги, которые прочтут строители Уренгоя, присланы школьниками.

«Уренгойским октябристам от октябрятской группы «Космонавт» малаховской средней школы № 47 поселка МЭЗ из Подмосковья.

Наша учительница Татьяна Григорьевна рассказала нам, что в Уренгое построена библиотека, и мы решили послать книжки для детей, таких же маленьких, как мы сами. Пишите нам о том, как вы помогаете взрослым».

«Посылаем вам книги, которые мы приобрели на деньги, заработанные летом в трудовом лагере» (комсомольцы 10-го «В» класса школы № 101 Уфы).

Свой вклад в создание библиотеки внесли: общество любителей книги Глазиринской-строй и Грозненского ремонтно-механического завода, пионеры школы № 16 поселка Быкогорка Ставропольского края; агитбригада школы № 8 Вологды; ученики средней школы дер. Рухча Брестской области и средней школы поселка Спорное Магаданской области; студенты I курса Курского государственного медицинского института; сотрудники Дзержинского горисполкома Горьковской области; комсомольцы базового санатория «Светлогорск» Калининградской обл.; Первомайский РК ВЛКСМ г. Кирова; работники детского сада № 208 Саратова; читатели Бочкарева Г. из Ижевска, Дележкина Н. из Риги, Жукова А. из Свердловска, Зайцев В. из Москвы, Коробейникова Л. из г. Орджоникидзе, Крупнов О. из Петропавловска, Леденцев Н. из Саратова, Спрынкина А. из Сочи, Терещенко Н. из Кирово-Чепецка, Кировской области, Фомины Л. и А. из Архангельска, Чубун В. из Киева.

Ждем ваших книг!

НИИ

Юрий СМЕТАНИН

достигать нескольких сотен метров, диаметр растет с приближением к облаку.

Внутренняя полость — сердцевина смерча — похожа на «глаз» урагана. Это область, в которой движение воздуха сильно ослаблено, а иногда и полностью отсутствует.

Полость воронки окружают стенки, состоящие из вращающегося по спирали воздуха. Это самая опасная часть смерча, — воздух здесь иногда перемещается со звуковой скоростью.

Но наиболее характерной чертой, отличающей смерч от других вихревых движений атмосферы, является его неразрывная связь с материнским грозовым облаком. На эту связь и обратил внимание Щербинин и задал себе естественный в этом случае вопрос: не облако ли источник энергии смерча? А если облако, то каков механизм преобразования электрической энергии в кинетическую? На этот счет имелись две точки зрения. Согласно первой, заряженный воздух ускоряется до высоких скоростей в сильном электрическом поле, а согласно второй — энергия электрического разряда вначале преобразуется в тепловую, а затем уж переходит в кинетическую энергию движения. Молодой ученый Эдуард Щербинин выдвинул третью: возможным механизмом ускорения воздуха в смерче является магнитогидродинамический механизм возникновения движения при взаимодействии электрического тока с собственным магнитным полем.

На основе этой гипотезы Щербинин и Шилова построили расчетную модель и установили, что, во-первых, энергетическим источником смерча является грозовое облако, во-вторых, объяснили механизм поддержания его кинетической энергии. Они сумели в абсолютном новом свете представить и расшифровать одну из самых таинственных загадок природы, над решением которой уже несколько десятилетий ломали головы ученые многих стран мира.

Работа над объяснением электрических явлений в смерчах в какой-то степени утолила исследовательский пыл Щербинина, но полное удовлетворение он, пожалуй, получил, изучая электровихревые течения, возникающие при электрошлаковой сварке, вакуумно-дуговой плавке, в соляных ваннах, в рудотермических и индукционных канальных печах, в печах для выплавки сварочных флюсов...

В 1972 году в Московском научно-исследовательском институте электротермического оборудования была создана лаборатория индукционных канальных печей (ИКП), возглавил которую кандидат технических наук М. Я. Столов.

ИКП давно используются в промышленности для поддержания температуры расплавленного металла на определенном уровне в течение времени, необходимого для разлива металла в литейные формы. Но плавить металл в ИКП никто не решался. Дело в том, что для плавки металла необходимо было поднять мощность печей. Однако при этом происходил недопустимый — с точки зрения стойкости футеровки — перегрев металла. Как его снять, какими силами приводится металл в движение, от чего зависит его интенсивность, направление? С надеждой разрешить эти вопросы М. Столов и его аспирантка М. Левина и приехали в Институт физики Академии наук Латвийской ССР.

Человек, который решил посвятить себя науке,

ОЖЖОГЧИ СЕР

Иван ПАДЕРИН

На станции технического обслуживания автомобилей перед окошечком с табличкой «Выписка нарядов на ремонт и замену деталей» выстроилась очередь. Я тоже встал. Впереди меня — широкая спина человека с костылем, который то и дело поглядывал на часы, вздыхал, кряхтел. До обеденного перерыва оставалось минут тридцать. Нарядчица не спешила.

— Милая девушка, нельзя ли побыстрее? — сказал высокий молодой человек с бородой, стоящий позади меня. Молодая женщина внешне была действительно мила и привлекательна. Она сидела за стеклянной перегородкой, куда к ней ежеминутно заглядывали улыбающиеся начальники, технологи, мастера. Принимая от них вместе с улыбками какие-то бумажки, нарядчица не слеза отвечала им тоже улыбкой, но не реагировала на просьбу молодого человека. Она лишь вскинула на него глаза и промолчала...

Когда же еще кто-то из очереди повторил, нельзя ли побыстрее, она встала и ушла за перегородку к кассирше, как бы говоря: «Не люблю, когда подгоняют, мы тут тоже не бездельничаем...» Прошло минут десять. Мужчина с костылем, что стоял впереди меня, устало прислонился лбом к стеклянной перегородке, и мне бросился в глаза багровый шрам на его шее.

— Девушка, — сказал я, подойдя к окошечку кассирши, — вас ждет инвалид войны, больной, обслужите до обеденного перерыва хотя бы его.

— Много вас тут таких, а я одна, — ответила она раздраженным голосом. Сквозь стекло я увидел ее ангельское лицо, и стало грустно, даже страшно от той черствости и бессердечия, с каким была произнесена эта фраза «много вас тут»...

Спорить с нарядчицей нельзя: в ее руках учет всех деталей и запчастей. Пошлет в пустой бокс, и будешь загораживать там двое суток. Однако очередь загнула. Появился сменный мастер.

— Бэлла, — сказал он, — инвалидов положено обслуживать вне очереди. Выпиши накладную, я смотрел его машину: профилактика и замена рулевых тяг...

— Пусть после обеда приходит, — ответила она, — мне тоже обедать вовремя положено.

— Бэлла! — Тебя инвалид войны ждет, — повторил мастер.

— Подождет... Все воевали, не один он, — огрызнулась она и, вернувшись к столу, спросила: — Ну, что у вас?

Получив из рук инвалида заявку и технический паспорт «Запорожца», продолжала ядовито:

— Везет же людям: машина бесплатная и ремонт в первую очередь...

Инвалид отпрянул от окна, будто в лицо ему плеснули кипятком. И, как бы ища защиты от таких упреков, он повернулся к очереди лицом.

— Графчиков?... Василий Васильевич! — воскликнул я.

Он тяжело вздохнул и ответил: — Графчиков.

Бывает же так! Находясь в Кулунде, я не раз выслушивал упреки бывшего разведчика, ныне секретаря Степновского райкома партии Николая Федоровича Колчанова: «...у тебя под боком, в Москве, более двадцати лет живет ветеран Сталинградской битвы, а ты ни

разу не навестил его». Речь шла о начальнике разведки нашей дивизии Василии Васильевиче Графчикове. Значит, жив, жив еще один мой боевой товарищ! Тогда же я дал слово найти его во что бы то ни стало. Хотя в моих фронтовых записях против его имени было отмечено — «безвозвратные потери». И вот, пригнав машину на станцию технического обслуживания, встречаюсь с ним!..

Мы обнялись. И долго стояли так, обнявшись. Стояли и молчали, ощущая учащенные удары сердца.

— Ну, наконец-то встретились! — произнес он, переводя дыхание.

Я взял его под локоть, и мы вышли на воздух к своим машинам ждать конца обеденного перерыва.

— Вот мой помощник, — указывая на «Запорожец», сказал Василий Васильевич. — С электромагнитным сцеплением. Управление ручное. Двадцать тысяч отмахов, и никаких жалоб. Только рулевые тяги надо сменить... Хорошая машина, ни разу не подводила. Собираюсь по фронтовым дорогам на ней проехать, потом вокруг Европы, но, боюсь, как бы вот этот мотор не подвел. — Он постучал по левой стороне груди. — С такими, как эта Бэлла... поговорить, и в самый раз в больницу ложиться нервы лечить.

Мы присели возле его «Запорожца». Съели по бутерброду. Вспомнили о боевых товарищах — живых и мертвых...

Было это 16 ноября сорок второго года, в Сталинграде. Пятые сутки дивизия Людникова, окруженная противником в районе завода «Баррикады», оставалась без связи со штабом армии и с заводскими батареями. Посылали туда офицеров связи, нарочных, радиостов, телефонистов, штурмовую группу — никто не мог пробиться. А без огневой поддержки артиллерии, расположенной в дубравах на восточном берегу Волги, дивизии угрожала гибель. И тогда начальник разведки нашей 284-й дивизии майор Графчиков, изучив схему подземных коммуникаций между заводами «Красный Октябрь» и «Баррикады», заверил командование, что к Людникову можно проникнуть по канализационным трубам и доставить туда рацию...

— Пойдешь сначала один, — сказали ему.

— Желательно вдвоем.

— С кем?

Он указал на меня. Я, тогда исполнявший обязанности инструктора политотдела, не задумываясь, ответил:

— Готов...

— Захвати с собой «феньки» на двоих, — посоветовал Графчиков. — С ними надежнее будет в трубах.

«Фенька»... Все мы были влюблены в эту гранату. Там, в руинах Сталинграда, она была незаменимой подружкой в ближнем бою. Удобная, легкая, ее можно было швырнуть в узкий пролом стены, в темный угол, даже в форточку окна, и она успешно делала свое дело. В окопах и подвалах, днем и ночью мы не расставались с ней. Бывало, погладишь ребристые бока ее, назовешь поласковой: «Ну, «феничка», выручай!» — и она летит точно в цель. Еще эту гранату Ф-1 — «лимонку» называли «карманной артиллерией». Отличное оружие, не громоздкое, но грозное. Выдернул предохранительное кольцо и бросай куда надо. Взрывается через шесть-семь секунд. Осколком разлетаются nastильно, веером, сохраняя убойную силу до семидесяти метров в радиусе. Не забывай только укрыться после броска...

Пополнив противогазную сумку «феньками», я показал этот запас Графчикову: дескать, теперь нам сам черт не страшен.

— Посмотрим, — ответил он и стал спускаться в люк канализации. У нас была рация на салазках, карманные фонарики, по пистолету и сумка гранат. Ползем час, второй. Темнота — глаз выколи. Хорошо, хоть сухо в трубах. Графчиков ползет первым, я за ним тяну салазки. Лямки врезаются в плечи. Перед колодцами отстойников и перемычками он возвращается ко мне, помогает перенести рацию, и снова вперед. Два раза упирались в непроходимые завалы от фугасных бомб и тогда возвращались к ближайшей перемычке. Освещая фонариком схему канализации, мы выискивали обходной путь к Людникову.

Выискивали-выискивали и, как мне показалось, окончательно заблудились. Куда ни сунемся — тулик. Я уже стал проявлять тревогу за исход «путешествия» под землей.

— Где мы находимся? — спросил я.

— Там, где надо. Прислушайся...

Чего прислушиваться, когда земля гудела и тряслась, как в лихорадке. Каждый взрыв снаряда наверху отдавался в трубах так, словно мы были в бочке, на которую насаживают дополнительные обручи. В ушах — волны упругого воздуха, значит, где-то недалеко труба выходит к открытому коллектору. Так и есть. Уже улавливаются человеческие голоса. Речь незнакомая. Немцы! Они, похоже, приближались к нам или устроили засаду. С языка сорвалось:

— Как бы не заметили!

— Тихо, давай назад.

Не помню, как в моей руке оказалась «фенька». Кольцо выдернуто. Теперь достаточно разжать пальцы, предохранительная скоба отскочит, и через шесть секунд сработает взрыватель. Но куда и как бросать гранату? Ни развернуться, ни повернуться. Отшвырнуть ее вперед — разнесет в клочья Графчиков, назад — меня самого... Нет, раскрывать ладонь нельзя. Держите, пальцы, держите «феньку», иначе она нас тут навсегда оставит.

Поворачивая назад, прячу руку с гранатой за спину или прикрываю ее грудью. Салазки — впереди меня.

— Шевелись, что ты как безрукий, — упрекнул меня Графчиков.

— Устал, — соврал я.

— Ну, давай еще немножечко, до перемычки, а там я подмою.

Толкаю салазки с рацией левой рукой, в ладони правой — живая смерть. Пальцами крепко сжимаю предохранительную скобу.

Нескончаемо длинным показался мне путь до ближайшей перемычки. На спине выступил холодный пот, во рту пересохло, зубы стиснуты, и, кажется, вот-вот затрещат скулы, затем ослабнут пальцы, и... тогда выкатится из ладони «фенька», будь она проклята в эту минуту. Ползу медленно. Графчиков то грудью, то плечом подталкивает меня вперед. Он невозмутим. Пока не знает, что его жизнь в моей ладони. Наконец, ему удается перебраться через меня. Накинув на плечи лямки салазок, он стал быстро удаляться от меня вместе с рацией. Я решил отстать от него, передохнуть, а потом у ближайшего изгиба трубы попытаться отшвырнуть гранату назад. Пусть уж покалечит ноги, зато руки останутся целы, а на руках-то выползу на свет божий...

— Не отставай, — сигналил Графчиков.

— Догоняю, — успокаиваю его, чтобы он не вздумал возвращаться.

Вот и ожидаемый поворот трубы. Тут чуть попросторнее. Встаю на колени, разворачиваюсь и, прижавшись к стенке, швыряю гранату. Швыряю, как мне показалось, далеко, даже не слышно, где она шлепнулась. Падаю на спину,

жду взрыва. Проходит четыре, пять... десять секунд. Взрыва нет. Неужели скоба не отскочила? Может, пружина ослабла... Тем лучше. Однако где же правая рука? Руки вроде не стало. Нахожу ее левой рукой, оцупываю от локтя до запястья. Ладони нет. Она собрана в кулак, в нем — «фенька». Пальцы одеревенели, стали непослушными в мертвой хватке. Что же делать?

Разворачиваюсь еще раз. Судорога сводит руку в локте. Хоть зубами отнимай пальцы от «феньки» или отгрызай по одному, покуда она сама не выпадет из ладони. А тогда... Взорвется перед самым лицом. Нет, пожалуй, надо просить Графчикова помочь избавиться от смертельно опасной «феньки».

— В чем дело? — спрашивает Графчиков.

— Руку судорогой стянуло, — сознаюсь я.

— Зубами прикуси. Отпустит.

— Ладно, только не подходи ко мне.

— Не собираюсь... Ползи сюда, я уже возле люка.

— Ну и хорошо, — с облегчением выдохнул я. — Один взорвусь.

— Чего ты там бубнишь?

— Если доползу, узнаешь.

— Нашел время в загадки играть... — доносит труба его ворчливый упрек.

Мне уже неважно, кажется, сил больше нет. Пришлось сознаться, что в руке граната на взводе, а предохранительное кольцо утеряно.

— С ума сошел! — встревожился Графчиков.

— Не знаю...

— Не вздумай кольцо обратно вставлять.

— За кольцом далеко возвращаться.

— Понятно, — выдохнул опытный разведчик и замолк, вероятно, обдумывая, как обезвредить «феньку».

Когда мое прерывистое дыхание стало доноситься до него, последовали подсказки:

— Держи, держи ее, собаку...

— Сама держится, хоть руку отрывай вместе с ней.

— Сейчас посмотрим.

Наконец, я добрался до Графчикова. Мы вернулись к исходной точке нашей вылазки. Над открытым люком склонились разведчики. Они дежурили тут, как видно, не один час, готовые двинуться по нашему пути с телефонной катушкой.

Смотрю на них снизу пустыми глазами: похвастались нечем. Между тем Графчиков зажал под мышкой мою руку с гранатой и, вывернув взрыватель — короткий карандаш с металлической шайбой, — отбросил его в сторону.

— Похоже, от страха у тебя соображалка отказала.

— Отказала, — согласился я.

— Теперь бросай, не опасно.

— Не получится. Помоги пальцы разжать.

Согнув мою руку в локте, затем в запястье, он легко разжал мои пальцы, и уже безопасная «фенька» сама упала к моим ногам.

Я сгорал от стыда, но рассказал Графчикову и его разведчикам все, как было.

Графчиков, конечно, не мог смириться с неудачной попыткой проникнуть в дивизию Людникова по канализационным трубам. Моим поведением он был явно недоволен и, собираясь снова повторить опасную вылазку, взял себе в помощники своего разведчика. Рацию в штаб дивизии Людникова они все-таки доставили.

...Там, в Сталинграде, Графчиков, как мне казалось, не знал страха или по крайней мере умел одолевать его, не останавливаясь перед смертельной опасностью, а здесь: «С такими, как эта

Бэлла... поговоришь, и в самый раз в больницу ложиться нервы лечить».

Я прекрасно знал его биографию, потому что почти всю войну мы прошли вместе, в одной дивизии. Он был скупой на слова, если речь шла о нем самом, но иногда в минуты затишья где-нибудь в окопе или в блиндаже нет-нет да скажет несколько слов о детстве, о юности... Родился в бедной крестьянской семье на Рязанщине в 1916 году. Фамилия Графчиков досталась в наследство еще от прадеда, прозванного так, должно быть, в насмешку за долголетние надежды разбогатеть на графских землях. Умер дед в поле, оставив дом без крыши, двор без скота, погреб без картошки—графский крестьянин.

Семи лет, уже при Советской власти, Василий пошел в школу. Окончил восьмилетку, но учиться дальше не позволила нужда: надо было зарабатывать на пропитание и одежду. Крепко сбитый, смекалистый, с хорошим каллиграфическим почерком паренек был определен писарем, затем счетоводом колхоза. В начале 1937 года стал бухгалтером, а осенью был призван в армию. Служил в Москве, в кавалерийской дивизии. В мае 1938 года дивизию перевели в Борисов, что на Березине. Там окончил полковую школу младших командиров, а перед демобилизацией по разнарядке политотдела дивизии был направлен в Смоленск на курсы политработников. В декабре 1940 года получил назначение в Прибалтийский военный округ—политруком стрелковой роты. Там, в километре от границы с Германией, в Вилкавишкисе, и застала его война...

Мимо нас прошествовала наряжница Бэлла. Обеденный перерыв уже закончился минут десять назад, а она все еще стояла в кругу знакомых парней и вместе с ними что-то весело обсуждала.

— Девушка, вас же люди ждут,— заметил я, подойдя к ней.

— Опять подгонять!—возмутилась она.— Скажите своему другу: рулевых тяг нет. Пусть приедет через неделю...

Василий Васильевич, видимо, слышал мой разговор с наряжницей и, пока я возвращался к нему, поспешно сел в машину, круто развернул свой «Залороец» и дал газу...

Умчался, не оставив ни адреса, ни телефона. Мгновенно в моей голове мелькнули слова Графчикова, сказанные здесь, у машины: «...боюсь, этот мотор подведет». Видимо, на свое сердце он теперь не очень надеялся.

...Он был политруком роты, которая за три дня до начала войны расположилась западнее городка Шакяй, в восьмистах метрах от границы с Германией. 21 июня во второй половине дня командиры и политруки рот были вызваны в штаб полка. Им были вручены дополнительные листы топографических карт.

Побывав во всех отделениях и у пулеметных точек, политрук решил лечь отдохнуть. Но заснуть ему так и не пришлось. В 3 часа 30 минут утра 22 июня над границей взвились сотни разноцветных сигнальных ракет. Зловещий фейерверк продолжался недолго. Фашистские войска открыли ураганный артиллерийский и минометный огонь. Через 30 минут перед фронтом роты появились плотные цепи атакующих солдат. Приставив автоматы к животам, они шли и беспорядочно стреляли. Вот гитлеровцы уже приблизились к окопам роты на прицельный выстрел. Последовала команда: «Огоны!»

Застрочили станковые пулеметы. Гитлеровцы заматались и залегли. Отдельные группы пытались перебежками продвигать движение. Однако, оказавшись на открытой местности, были прижаты огнем наших пулеметов к земле.

Рисунок
Вениамина КОСТИЦЫНА

Часа два шел огневой бой. Захватчики покатались назад, оставив на нашей земле более сотни убитых и раненых.

Через три часа атака фашистов возобновилась. На сей раз под прикрытием сильного минометного огня. Как во время первой атаки, так и сейчас политрук Графчиков переползал от пулемета к пулемету, подбадривал солдат, сам ложился за пулемет, показывал, как нужно разить врага. Теперь бойцы вели огонь сноровистее, расчетливее, разили цели метче, даже по выбору. Пулеметчики вели огонь короткими очередями. Уцелевшие фашисты начали опалываться. Отбив еще пять атак, рота сохранила за собой позицию.

23 июня стало известно, что танки и пехота противника прорвали нашу оборону справа и заняли город Вилкавишкис. Рота получила приказ отойти на несколько километров. Противник наседавал с трех сторон. Политрук Графчиков отходил со станковым пулеметом последним, обеспечивая отход не только роты, но и всего батальона.

Четыре дня шли кровопролитные бои на подступах к Неману. Командира роты ранило. Политруку было приказано взять командование ротой на себя. Совершив стремительный маневр по болотистой долине, рота Графчикова нанесла удар по флангу противника и обеспечила тем самым организованный отход частей дивизии на новый рубеж.

Так начиналась фронтальная одиссея простого советского человека, в прошлом бухгалтера колхоза. 31 августа 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР политрук Василий Васильевич Графчиков был награжден орденом Красного Знамени, а еще через месяц, 27 сентября, в боях под Старой Руссой, был ранен—осколок снаряда перебил малую берцовую кость правой ноги...

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГРАФЧИКОВ.

ском направлении. Дивизия заняла оборону на подступах к железнодорожному узлу станции Касторная. Группа разведчиков во главе с Графчиковым на двух грузовиках была брошена вперед, чтобы выявить силы противника. Разведчики дважды вступали в бой с вражеской мотопехотой. Разгромив в ночном бою колонну, разведчики вернулись в дивизию на мотоциклах, прихватив с собой и немецкого радиста с аппаратурой.

Двое суток дивизия отбивала атаки танков и мотопехоты на подступах к Касторной, не отступив ни на шаг. На третьи сутки стало известно, что дивизия оказалась отрезанной от тылов. Поступил приказ: отвести полки на новый оборонительный рубеж. Рота же Графчикова была оставлена на северо-восточной окраине станции Касторная с заданием: прикрыть отход полков, продержаться во что бы то ни стало пять-шесть часов с тем, чтобы полки могли оторваться от наседающего противника.

Десять часов подряд разведчики отбивали атаки во много раз превосходившего врага. Все это время Василий Графчиков не выпускал из рук пулемета. Рядом с ним отбивали атаки вражеской пехоты и броневиков молодые разведчики лейтенант Сергей Титов, замполитрук Иосиф Кеберов, сержант Василий Гвоздев, рядовые Михаил Исачев, Петр Тарасов. Им угрожала гибель в окружении, но они не думали отходить со своих позиций, пока боевая задача не будет выполнена. Когда же наступила ночь, они бросились в контратаку и вырвались из огневого кольца.

— Как это удалось?—спрашивали тогда Графчикова.

Он, не задумываясь, отвечал: — Взаимная выручка и смекалка. В том неравном бою разведчики потеряли десять человек убитыми и более тридцати ранеными, но тысячи бойцов и командиров дивизии вышли из окружения, соединившись в Тербунах с кавалерийскими частями, и заняли новый оборонительный рубеж Переколовка—Озерки. Двадцать три дня полки дивизии сдерживали натиск танков и пехоты на том рубеже, а затем были выведены из боя и отправлены в Свердловскую область на пополнение и довооружение.

Двадцатого сентября 1942 года полки дивизии сосредоточились на восточном берегу Волги. Напротив распластался огромный город. Нет, уже не город, а сплошные развалины, где вздымались рыжие космы пожаров, взрывались тысячи снарядов, бомб. Вот туда-то и

должна была переправиться наша дивизия. То есть фактически совершить прыжок в кратер действующего вулкана...

Так думалось, так казалось. Однако за сутки до начала переправы полков в горящем городе побывали разведчики. Водил их за собой туда и обратно Графчиков. И теперь каждый батальон, каждая рота знали, за кем следовать в пучину огня.

Высадившись на огненный берег, полки дивизии вместе с батальонами морских пехотинцев Тихоокеанского флота без промедления пошли в атаку, опрокинули провавшихся к Волге гитлеровцев, выбили их с территории завода металлических изделий и закрепились на Мамаевом кургане. В полдень того же дня разведчики группы Графчикова, уточнив обстановку перед фронтом соседних слева и справа 13-й гвардейской и 95-й стрелковых дивизий, обосновались на вершине кургана, куда вскоре переместился наблюдательный пункт командарма Чуйкова.

На войне командиры, если они проявляют зрелость, личное мужество и отвагу, быстро продвигаются в должности. Второго октября Василий Графчиков был назначен начальником разведки дивизии. В тот же день в центре города сложилась сложная обстановка: наступающая большими силами вдоль оврагов Крутой и Долгий, гитлеровцы прорвались к Волге и, таким образом, разрубили оборону города на две части. 13-я гвардейская дивизия Родимцева, обороняющая центр города, оказалась отрезанной от главных сил армии. Перед Графчиковым поставили задачу: восстановить локтевую связь дивизии сибиряков с гвардейцами флангового полка дивизии Родимцева. Собрав своих разведчиков и получив для усиления батальон одного из полков, а также роту химической защиты, Графчиков организовал ночную контратаку на позиции прорвавшихся к Волге гитлеровцев. Разведчики нанесли удар, по существу, в тылок гитлеровцам, а стрелковый батальон вместе с ротой химической защиты наступал вдоль северного берега оврага. Шли не на запад, а на восток. Такого маневра гитлеровцы не ожидали. Они прорывались к Волге, и наши гнали их туда же, под огонь фланговых пулеметов, расположенных у самого берега. На головы захватчиков обрушились гранаты и частые очереди автоматов. Все выходы из оврага были закупорены плотным огнем. Враг оказался в огненном мешке. В том бою было истреблено более двух батальонов противника, взято много пленных и оружия. Локтевая связь с дивизией Родимцева была восстановлена и до конца сражения за Сталинград не прерывалась.

Так день за днем, ночь за ночью, всего более ста тридцати суток дивизия сибиряков, а в ее составе и разведчики, отстаивала ключевую позицию обороны Сталинграда — Мамаев курган. Ни одна атака врага не застала наши полки врасплох. В том была немалая заслуга разведчиков, возглавляемых Василием Графчиковым.

В дни боев в Сталинграде Василий был дважды ранен, но из строя не выходил, поле боя не покидал. За умелое руководство действиями разведчиков в уличных боях и за личную храбрость он был отмечен тогда двумя правительственными наградами — медалью «За отвагу» и вторым орденом Красного Знамени.

...После Сталинградской битвы 284-я стрелковая дивизия была переименована в 79-ю гвардейскую ордена Красного Знамени дивизию. В мае 1943 года она в составе 8-й гвардейской армии Чуйкова выдвинулась на подступы к Донбассу и остановилась перед Северным Донцом. Штаб дивизии располагался недалеко от Краснодона. Там майор Графчиков обнаружил важные документы и вещественные доказательства деятельности подпольной организации «Молодая гвардия». Материалы сразу же были посланы в политуправление фронта.

Они послужили началом глубоких и обстоятельных исследований специальной комиссии ЦК ВЛКСМ. Их широко использовал затем в своем романе Александр Фадеев.

...В конце сентября 8-я гвардейская армия остановилась перед мощными оборонительными сооружениями противника на подступах к Запорожью. По замыслу гитлеровской ставки так называемому «Восточному валу» с его главным узлом сопротивления — городом Запорожье — отводилась особая роль.

Два оборонительных рубежа отлогими дугами, концы которых упирались в Днепр, огибали город. Сплошные минные поля, проволочные заграждения, доты, дзоты, железобетонные укрытия и противотанковый ров шириной шесть и глубиной до четырех метров предстояло преодолеть гвардейцам Сталинграда. На переднем крае оборону держали три пехотные дивизии немцев, на внутреннем оборонительном рубеже располагалась одна пехотная дивизия, в глубине обороны сосредоточился танковый корпус, усиленный кавалерийской дивизией СС.

Запорожье... Трудно было прорваться в этот город, особенно через противотанковый ров. Едва перебравшись на ту сторону рва, мы попадали под огонь дзотов, замаскированных на восточных склонах курганов и возвышенностей, затем под губительный огонь и гусеницы танков, укрывавшихся за земляным валом рва. Неся потери, мы откатывались обратно.

Против нашего 220-го полка маячил курган, обозначенный на карте высотой «110,5». Здесь же, между курганом и рвом, против нас действовали «тигры» — бронированные чудовища, вооруженные длиннокалиберными орудиями, двумя крупнокалиберными и одним скорострельным пулеметами. Ни гранатой, ни бронебойкой «тигры» не остановишь. Нужны были противотанковые орудия, но перетянуть их через ров не удавалось.

Что делать, как быть? Надо ли повторять безуспешные атаки и нести потери? И тут по заданию командования дивизии в полк прибыл майор Графчиков с ротой разведчиков. Майор предложил создать десять — пятнадцать групп по три-четыре гвардейца в каждой, вооружив их взрывчаткой и противотанковыми гранатами.

— Цель? — спросил я, исполнявший в те дни обязанности заместителя командира полка по политической части.

— Проведем ночную вылазку за ров. Будем истреблять «тигры» на месте, в калонирах.

Командир полка и я согласились с этим планом. Группы были созданы. В каждую Графчиков включил по несколько своих разведчиков. В первую группу я включил себя, но Графчиков предложил мне быть рядом с ним.

Ночь выдалась безлунная. Моросил дождь. Дул умеренный юго-западный ветер, относил шорохи в противоположную от противника сторону. Надо рвом стояла непроглядная мгла, и мы перебрались через него без малейшей заминки. По сигналу Графчикова группы двинулись вперед, каждая по своему маршруту. Прошло минут сорок, и в разных сторонах один за другим загремели взрывы. Поле и курган озарились яркими вспышками бензиновых баков («тигры» в отличие от наших танков заправлялись не соляркой, а бензином). Я попытался кинуться вперед, по маршруту комсорта второго батальона Леонида Ладыженко, — там, похоже, что-то не ладилось, видимо, не смогли пробиться к намеченной цели, но Графчиков остановил меня:

— Погоди, сейчас и там взорвется...

Прошло минуты три, и действительно раздался взрыв, вспыхнуло яркое пламя. Курган заискрился пятью вражескими пулеметными точками. Графчиков засек их, подсчитывая вслух, на каком расстоянии они размещены одна от другой. Там же на кургане блеснули залпы орудий и минометов.

— Да там еще и батареи... Ничего, завтра ночью побываем у них в гостях, — рассуждал Василий Васильевич, так, будто мы сидели с ним за домашним столом у самовара и пили чай.

Орудия и минометы противника расстреливали темноту минут тридцать. Тем временем наши группы уже вернулись на восточную сторону рва, подорвав прямо в калонирах девять танков. А через сутки, в ночь на 11 октября, батальоны 220-го полка овладели высотой «110,5» — ключевой позицией обороны противника в полосе наступления дивизии. В ту же ночь нами было занято несколько населенных пунктов.

В ночь на 14 октября 1943 года началась ночной штурм последних укреплений противника перед Запорожьем. В том штурме участвовали и танки, и артиллерия, и стрелковые соединения фронта, которым командовал генерал Малиновский Р. Я. Основной удар наносила 8-я гвардейская армия Чуйкова. На острие этого удара действовали полки 79-й гвардейской дивизии. Впереди наших полков и батальонов шли разведчики Графчикова. Световыми сигналами они обозначали ориентиры и границы движения частей.

К восьми часам утра наша дивизия ворвалась в Запорожье и приступила к очистке улиц и кварталов города от фашистских захватчиков. В одиннадцать часов на берегу Днепра, против острова Хортица, Графчиков установил свой наблюдательный пункт и корректировал огонь дивизионной артиллерии, которая давила пулеметные точки, разместившиеся на острове. Вечером того же дня Москва салатовала героям штурма Запорожья. Нашей дивизии было присвоено наименование «Запорожская». Пятьсот ее гвардейцев получили правительственные награды. Василий Васильевич Графчиков был отмечен орденом Отечественной войны I степени.

«...Везет же людям: машина бесплатная и ремонт в первую очередь...» — с какой-то злой завистью сказала нарядчица Балла, принимая от Графчикова заявку на ремонт автомашины.

Да, Василию Васильевичу «повезло» выдержать много испытаний в огне войны. Его имя помнят жители многих городов и сел Украины — Зеленого Гая, Олостола, Никололя, Боштанки, Шестаковки, Ковалевки, Татарки, Одессы. Ночью 10 апреля 1944 года, после жестокого боя в Татарке, Василий Графчиков со своими разведчиками в числе первых прорвался на Дерибасовскую улицу, к оперному театру Одессы!.. Его имя помнят жители польских сел Вильполье и Магнушево, что на западном берегу Вислы южнее Варшавы.

Помнят Графчикова, точнее, его позывной по радиосвязи «Граф»; и бывшие немецкие штабные офицеры, кому довелось уцелеть после боя в районе Магнушева.

Я присутствовал на допросе немецкого капитана, плененного в Магнушеве. Он убеждал нас, что в первые дни боев за плацдарм здесь действовали войска не Советской Армии, а какого-то русско-го графа, который по радио открытым текстом называл себя «Граф» и требовал от своих подчиненных двигаться за ним, не отставать. «Давай, давай вперед. Бей справа, бей слева. Давай быстро, давай за мной, — повторял немец команды Графчикова и добавлял: — Граф, а такой смелый и дерзкий. Граф в окопах с солдатами — немислимо. Солдаты неукоснительно исполняли его команды. Вероятно, это генерал из старой русской гвардии. Но как он оказался на советской стороне? Ведь Советская власть, большевики ликвидировали всех графов и помещиков. Или он воскрес из мертвых? Неужели русские графы поднялись из могил, чтобы вместе с простым народом пойти против Германии фюрера?»

...Висла — широкая и глубокая река. Западный берег выше восточного. Не так много найдется людей, которые даже на лодке решатся пересечь упругое течение Вислы от берега к берегу по

прямой. Однако 1 августа 1944 года случилось то, чего враг не ожидал. Ранним утром группа разведчиков 79-й гвардейской дивизии во главе с майором Графчиковым, прихватив с собой радию, на трех рыбацких лодках причалила к западному берегу. Разведчики, не мешкая, врезались в боевые порядки противника, уничтожили два пулемета, один броневик, до взвода гитлеровцев и закрепились на западной окраине Вильполье. Отсюда Графчиков дал сигнал батальонам: «Начинайте! Место высадки обеспечено. Граф».

Гвардейцы первого батальона 216-го полка, использовав подручные средства, вплоть до корыт и связок сухого хвороста, устремились с восточного берега на западный. Вслед за ними приступили к форсированию Вислы и гвардейцы 220-го полка. Графчиков встречал нас у самой воды и ставил задачи перед каждой группой. Он уже успел освоиться с обстановкой и направлял нас на те участки, которые обеспечивали быстрое расширение плацдарма. К двум часам дня на плацдарме находилось уже пять батальонов. Организацией атак и взаимодействием между переправившимися подразделениями руководил он, пока единственный представитель штаба дивизии. Именно тогда, в те часы, звучал его голос в наушниках батальонных радиостанций: «Не отставать! Давай вперед, вперед!» Он же корректировал огонь артиллерии, расположенной на восточном берегу. К вечеру было занято Магнушево, и все попытки врага сбросить нас обратно в воду были пресечены решительными контратаками.

Труднее складывалась обстановка к полудню второго августа. Западнее Магнушева скопилось до трех батальонов пехоты противника. При поддержке дюжины танков они начали наступление против наших рот, не имевших ни орудий, ни танков. Заявлялся встречный бой. Пошли в ход гранаты, лопаты, ножи. Казалось, что вот-вот гвардейцы отступят. Но именно в этот момент майор Графчиков поднял в атаку своих разведчиков и роту автоматчиков, что находилась в его резерве, и нанес удар во фланг наступающему противнику. Атака была дерзкой и стремительной. Более пятисот солдат и офицеров потерял противник в том бою и откатился на исходные позиции.

Четвертого августа разведчики установили, что к Магнушевскому плацдарму подтягиваются танковые дивизии «Герман Геринг» и «Викинг». К тому времени уже все полки и командный пункт дивизии переместились на плацдарм. Графчиков передал руководство боевыми действиями на плацдарме командованию и приступил к исполнению своих прямых обязанностей — начальнической разведки дивизии.

Шестого августа на плацдарм переправились почти все части и соединения 8-й гвардейской армии. Боевыми действиями по расширению и удержанию плацдарма непосредственно руководил командарм Чуйков. Его командный пункт располагался на возвышенности северо-западнее Магнушева. Четверо суток сдерживали сталинградцы бешеный натиск танков и пехоты противника. Вновь, как и в дни боев в Сталинграде, гвардейцам было сказано: «Ни шагу назад! Стоять насмерть!» И они выстояли, плацдарм остался за нами.

Помню, в начале октября, когда на плацдарме наступило затишье, я вновь встретился с Василием Васильевичем. Не любил он тишины на фронте. Тревожила она его. Он был как-то напряжен, ни минуты не стоял на месте, будто под ногами углился костер.

— Что с тобой? Ты, кажется, сам не свой? — спросил я.

— Отправил ребят за «языком». Они там, а я тут. Лучше бы наоборот, — ответил он.

— Возьмут, не первый раз. Хватка-то у них твоя.

— Командир дивизии запретил мне вылезать за передний край. В Москву, в академию, грозится откомандировать.

— Завидую тебе.
— Завидуешь—так поезжай за меня. А я не могу, понимаешь, не могу. Как оставлю ребят, да еще в такое время? Ведь на Берлинское направление вышли. Вот будет здорово—вылазка в штаб-квартиру Адольфа Гитлера...
— И все же тебе надо ехать в академию,—сказал я, прервав его мечты.
— Дезертиром, значит, хочешь меня сделать? И это в ответственный момент, когда каждый разведчик должен действовать, не зная отдыха... Ладно, я подумую.

Контрольного «языка» в офицерских погонах его разведчики взяли. А через две недели на участке расположения нашего полка была проведена разведка боем. Участвовал в ней и я. Взяли еще пять «языков», захватили много документов, выявили новые огневые точки и вернулись на свои исходные позиции. Поговорить с Графчиковым о Москве не удалось: он был ранен и отправлен за Вислу. Без сознания... Осиротели разведчики, его верные друзья. Считая своего любимого командира погибшим, они послали коллективное письмо родным Василия Васильевича, в котором поклялись, что отомстят фашистам за его гибель и будут хранить о нем добрую память до конца жизни...

Но майор Графчиков всем смертям назло выжил. Победила его воля, невероятная, могучая выдержка. Вот что записано в его медицинской книжке: «Ранен осколком в поясничную область. Ранение сквозное с повреждением 4-го и 5-го поясничных позвонков, копчика и крестца. Верхняя мозговая оболочка повреждена. Лечился после ранения на Магнусевском плацдарме до октября 1947 года. Выписан инвалидом первой группы». С той поры и до наших дней Графчиков перенес 12 операций на позвоночнике.

И вот снова он на больничной койке после того эпизода, что произошел на станции техобслуживания...

— Как здоровье Василия Васильевича Графчикова?—спросил я у лечащего врача, получив разрешение посетить фронтного друга.

— Обошлось... Но был на грани,—ответил врач.— Не иначе как кто-то вывел его из равновесия?

— Было...—уклончиво сказал я.
— А подробнее?—Он взял меня за руку, приглашая сесть на кушетку.— Нам важно знать причину приступа.

Я стал рассказывать, а врач, слушая меня, прошелся по кабинету раз, другой, молча пощупал пульс на моей руке. Его черные брови сомкнулись над переносьем, лоб пробороzdили две глубокие с изломом морщины. Он моложе меня лет на двадцать пять, пожалуй, ровесник той, о которой я ему рассказывал, но столько было в его глазах доброты, внимательности...

— У вашего друга на редкость сильное сердце,—сказал наконец врач.— Через неделю выпишем его.

Потом мы направились в палату. Графчиков сидел перед окном, спиной к нам, листая какую-то тетрадь. Когда мы вошли, Василий Васильевич обернулся. Лицо бледное, брови топорчатся, глаза будто выцвели.

— Крепко тебя перевернуло,—вырвалось у меня.

— Не стонать... Сначала надо сказать «здравствуй», а уж тогда начинать деловой разговор.

— Виноват, исправлюсь,—приступив каблучками, ответил я с той же иронической строгостью, с какой говорил Василий Васильевич.

— Садись. И не отвлекай меня на пустяки. Ты пришел вовремя, посоветоваться с тобой хочу. Ты знаешь, я в клубе автомобилистов ДОСААФ периодически провожу беседы с призывниками. За время болезни задолжал клубу. Вот, взгляни, уже здесь, в госпитале, подготовил конспект очередной беседы—о разведчиках. Думаю, ребятам будет интересно услышать кое-что о разведке нашего командарма...

Василий Васильевич и на этот раз победил болезнь. Дней через десять пришел я к нему домой, чтобы повидаться после выздоровления, а жена его говорит: послылку с деталями из Запорожья получил и пошел в гараж.

— Неужели решился сам заменять рулевые тяги? Ведь после госпиталя прошло лишь две недели...—подумал я.

Бегу в гараж. Вижу, торчат ноги из-под приподнятой машины. Упираясь пяткой здоровой ноги в кирпичный выступ порога, он, натужно кряхтя, что-то отвертывает.

— Василий Васильевич, ты с ума сошел!..

— Поздно заметил,—отозвался он,—но ты вовремя подоспел. Напяливай халат и лезь ко мне. Нужна твоя помощь. Получил с завода новые рулевые, а старые снять не могу: крепление заклинило.

— Давай поступим проще: на буксир и... на станцию техобслуживания,—предложил я.

— Куда?!—почти закричал на меня Василий Васильевич.— Ты что, хочешь, чтобы я опять попал в больницу?..

Он немного помолчал, переводя дыхание, а потом снова подал голос:

— Хватит топтаться, лезь ко мне.

— Лезу,—отозвался я, сбросив пиджак.— Подвинься чуть правее... кряж.

— Сам коряга... Лезь с другой стороны,—подсказал он.

Под машиной тесно и чисто: днище он успел вымыть и очистить до грунтовки. Взглянув на крепления подвески, на изогнутую правую штангу рулевой тяги, я удивился: как он мог ездить на машине с такими аварийными повреждениями?

— Где ее так угораздило?—спросил я.

— Бульжник спрятался от меня под травой...

— Где?

— На гоночной трассе.

— Ты что, еще в гонках участвуешь?

— Участвую... Играющим тренером от клуба автомобилистов ДОСААФ.

— Сумасшедший! — вырвалось у меня.

— Опять не точно. Нормальный. Проверен по всем правилам. Могу и удостоверение показать: «общественный инструктор, преподаватель школы автомобилистов». Одну промашку только и допустил.

— Как это получилось?—спросил я.

— Что?

— Да авария эта...

— Аварии не было. Дотянул свою команду до финиша без потерь.

— Странно.

— Ничего странного, только руки устали и соль на ушах выступила.

— Когда и где это было?

— В День автомобилиста, в районе Планерской—Подрезкова.

И я вспомнил молву, которая ходила среди учащихся досоафовских курсов шоферов: в Москве, мол, есть автолюбитель-циркач, который на своем салатовом «Запорожце» с электромагнитным сцеплением откальвает такие номера на сложных трассах, что удивляются даже испытатели вездеходов.

Однажды и мне пришлось видеть трюки салатового «Запорожца»: Тогда я и не догадывался, что за его рулем—мой друг-однополчанин Василий Васильевич Графчиков.

А было это так. По размокшему от дождя проселку хлюпали три учебных грузовика. Перед спуском к деревянному мосту, где застряла моя «Волга», они остановились. Из кабины высочили водители и, оборачиваясь назад, замахали руками: дескать, пробка, надо искать объезд. Вдали показались еще три грузовика. За ними кавалькада легковых. Ко мне подбежал молодой водитель с красной повязкой на рукаве:

— Уходи с дороги!.. Соревнование срывается!

— Некуда,—ответил я,—и грузовикам тут не пройти, мост провалился.

— А где объезд?

— Не знаю.

— Э-э, зевака,—упрекнул меня водитель и побежал к грузовикам. Там, на бугре, уже сбилось до десятка водителей. Они в замешательстве—не знают, куда кинуться: искать объезд или поворачивать назад? Вдруг на большой скорости к ним подскочил «Запорожец», блеснул фарами в мою сторону, будто собрался с разбегу боднуть «Волгу», затем помчался вдоль косогора. Какие вензеля он там выписывал—на бумаге не нарисуешь. Взлетел на бугор и оттуда на предельной скорости ринулся к разлившемуся ручью. Вода вздыбилась, словно бомба или тяжелый снаряд там взорвался. Столб водяной пыли и брызг закрыл от моих глаз дальнейшее. Что происходило в русле ручья, я не видел. Однако через несколько секунд «Запорожец» показался на противоположном косогоре. Грузовики последовали на ту сторону тем же путем, каким перебрался туда «Запорожец».

Моя «Волга» задним ходом все же выкарабкалась на бугор, но двигаться по объездной тропе вперед я не решился, хотя тогда мне очень хотелось догнать того «Запорожца» и познакомиться с его водителем...

«Запорожец» салатового цвета с электромагнитным сцеплением—вот он, и я у него под брюхом.

— Василий Васильевич, скажи, пожалуйста, где у тебя тут крепится приспособление для воздушной подушки?

— Короче.

— Мне известно, что у тебя было такое приспособление.

— Болтовня,—ответил он.

— Я своими глазами видел, как ты взлетел над ручьем в Подрезкове.

— Видел, но ничего не понял: мы же готовим автомобилистов для армии, а без находчивости и решительности и на «амфибии» можно застрять в луже. Уяснил?

— Стараюсь,—ответил я.—Только как мы расклиним крепление тяги, если штангу ты превратил в коромысло?

— Выпрямим, и пойдет дело... Короче, бери кувалду и давай выпрямляй.

Лежа на спинах, мы принялись расклинивать крепления. Графчиков подвинулся чуть вперед, подсунул под крепление монтировку, а я кувалдой, прямо у него под носом, стал колотить по изгибу штанги. Последняя пружинила, но выпрямляться не собиралась.

— Наддай еще, наддай плотнее. Еще, еще... Ага, кажется, сдается. Теперь поразмашистей ударь...

Я отвел кувалду назад, приготовился вложить в этот удар все имеющиеся силы и вдруг заметил, что машина стала накатываться на нас.

— Стоп!—прозвучала немедленная команда.

Я замер. А что дальше? Я бы мог выскочить из-под машины, но тогда вся тяжесть должна была притыкнуться к одному Василию Васильевичу. «Нет, лежи,—приказал я себе,—двоих один «Запорожец» не придавит на мертвого».

Гараж без смотровой ямы—что отдельная квартира без кухни. Даже ложки помыть негде—беги к соседу. Именно таким гаражом-временкой и обзавелся Василий Васильевич Графчиков, получив несколько лет назад как инвалид войны автомобиль «Запорожец» с рулевым управлением. Шприцовку и регулировку ходовой части он проводит «своим способом», известным, кстати, всем владельцам автомобилей: сначала поднимает домкратом передок, подставляет под него пять-шесть кирпичей, затем переносит домкрат под хвостовую часть, и поднятая таким образом машина «пропускает» его с необходимыми инструментами под свое брюхо. Теперь же, когда надо было произвести не косметический осмотр, а буквально капитальный ремонт—снять погнутые рулевые тяги, выбить шаровые пальцы и произвести замену их на новые детали,—следовало бы позаботиться об устройстве более устойчивых подпорок, нежели кирпичи.

К сожалению, выяснилось это только

после того, как мы пустили в дело увесистый молоток-кувалду с короткой ручкой. Вот тогда-то машина и сползла с подпорок, угрожая раздавить нас, лежащих на спинах под передней подвеской. Благо, двигатель «Запорожца» в хвосте. Тем не менее на нас обрушилась почти вся масса кузова—около четырехсот килограммов.

«Как в канализационной трубе, по которой мы с Графчиковым пытались проникнуть в дивизию Людникова»,—подумалось мне. Правда, тогда страх нагнал на меня оставшаяся в руке «фенька» с выдернутым кольцом.

Мне в грудь уперся выступ фартика подножки. Что же делать? Взглянул на Василия Васильевича: он успел поставить монтировку торцом, и она затормозила наползание днища на мою грудь. Теперь и мне надо попытаться кувалду поставить на пола, чтобы подпереть днище. До темноты в глазах напрягаю силы, и кувалда слушается меня, встает, как надо. Лежим, молчим. Кто-то из нас должен теперь первым выбраться из ловушки.

— Дышишь?—спросил Василий Васильевич.

— Дышу,—с трудом выдавил я.

— Не выпускай весь воздух из легких,—подсказал он.

— Игы,—промылчал я.

— Теперь я часть тяжести возьму на себя. Вот и получится «воздушная подушка».

«Нашел время вспоминать»,—думаю про себя, чувствуя, что дышать становится труднее. Графчиков на ощупь нашел кувалду, поставленную на пола возле моего плеча, придвинулся ко мне.

— Давай теперь вместе поднатужимся, разом. Вот так... В молодости мы, бывало, ремни рвали на груди таким способом... Давай, я разводной ключ подставлю. Потом под кувалду отвертку... Так мы расклинимся. Давай... Еще разок... Еще.

«Воздушная подушка», в основном, конечно, грудь Василия Васильевича, позволила мне дотянуться рукой до сумки с инструментами, нащупать там плоскогубцы, потом накидной ключ, два рожковых, запасные болты. Все это я подставлял под узлы подвески, улавливая моменты послабления, ставил их торцом и заклинивал. Когда днище перестало «дышать»—покачиваться над нами, Василий Васильевич скомандовал:

— Выползай...

— Ты первый,—возразил я, еще не веря, что у меня хватит сил выползти и принятись за дело.

— Короче... Ты на двух ногах. За гаражом кирпичи. Давай их сюда!

«Торговаться» нет времени. Выползаю наружу и, задыхаясь, бегу за кирпичами. Подставляю их под задний бампер, переносю домкрат под передок. Качок, второй, третий... Наконец, Василий Васильевич выбирается из-под машины. На лице крупные капли пота. Посмотрев на часы, спросил:

— Туго пришлось?

— Туго, но без страха и испуга.

— От радости стихами заговорил,—заметил он.

— За тебя рад, обошлось.

— А я за тебя перетрусил, от страха...

Во второй половине дня нам все же удалось поставить новые рулевые тяги, прошприцевать ходовую часть, заменить смазку в коробке передач, и «Запорожец» встал на свои колеса. От усталости мы еле держались на ногах.

— Не унывать,—пробасил Василий Васильевич.—Сейчас поедем в Подрезково, посмотрим новую трассу. А вечером мне надо быть в райвоенкомате. Слушается мой отчет о работе с допризывниками...

Я попытался остановить его:

— Не перегружайся, Василий. Пощади сердце.

— Не хныкать,—ответил он.—Наши сердца солдатские, перегрузок не боятся, лишь бы ожогов не было.

Вдруг цепочка ярко мигающих лампочек приостановила свой бег, на телевизионном экране лента с грудой шихты, несколько раз дернувшись, замерла — большой загрузочный конвейер остановился.

Газовщик Сергей Яковлевич Широков в сердцах махнул рукой и обернулся к обер-мастеру:

— Вот тебе, Николай, и автоматика-электроника!

— Не шуми, отец, новое всегда обкатки требует. — Часовников снял одну из телефонных трубок. — Загрузка? В чем там дело? Так... Через пару минут? Хорошо!

— Порядок, Сергей Яковлевич, отлаживают... — И шуточно добавил: — Ты теперь будь спокоен. За тебя все ЭВМ решит.

— И с ЭВМ нужно свою голову иметь... Смотри, пошла!

СТРОИТЕЛЬСТВО
ДОМНЫ № 6
НОВОЛИПЕЦКОГО
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО
ЗАВОДА
НАЧАЛОСЬ
В 1977 ГОДУ.
7 НОЯБРЯ 1978 ГОДА
ОНА ВЫДАЛА
ПЕРВЫЙ ЧУГУН.
ПОДОБНЫХ ТЕМПОВ
ОТЕЧЕСТВЕННОЕ
ДОМНОСТРОЕНИЕ
ЕЩЕ НЕ ЗНАЛО.

ЛИПЕЦКИЙ ВАРИАНТ

Световая цепочка электролампочек оживила, побежала вверх, указывая путь шихты к загрузочным бункерам, на голубом экране агломерат шел широкой рекой — комплекс доменной печи работал нормально.

Прошел почти месяц с того дня, как новую домну приняли в эксплуатацию. Отшумели торжества, печь выдала первый — памятный — чугун, и потекли дни будничные, но не менее напряженные, когда наладка огромного чугуноплавильного комплекса требовала от всех максимальной отдачи душевных и физических сил.

Начальник ДЦ-2 (второго доменного цеха) Антипов за эти дни осунулся, почернел, на щеках и подбородке пробивалась щетина, что в обычной обстановке для него — мужчины подтянутого, элитного — было немислимым.

Он не уходил из цеха четвертые сутки. Надо было отладить большой конвейер и каупера — воздухонагревательные агрегаты.

На пульте управления печи дежурили самые опытные газовщики и мастера. Здесь все технологические процессы были видны как на ладони. Приборы и телеэкраны показывали и контролировали каждую стадию превращения шихты — обогащенной железной руды — в огненную лаву кипящего металла. От выгрузки сырья до разлива чугуна в чугуновозные ковши — все механизировано и автоматизировано на новой, шестой, домне Новолипецкого металлургического завода.

Подобного чугуноплавильного комплекса еще не знала отечественная металлургия...

Перед ними лежала снежная целина. Не верилось, что всего за пятьсот — семьсот метров от этого заповедного места варится чугун, плавится сталь, грохочут прокатные станы, огненно дышит завод.

— Прямо, потом правее, в лес, — Губанов на минуту остановился. — Давай, молодежь, вперед... Юра, правой забирай, правой.

Место будущей стройки обнаружили минут через сорок.

— А мы по осени здесь столько грибов собирали, — вспомнил отчего-то Саша Гладков, секретарь комсомольской организации СУ-9 «Липецк-строй». — Грузди, опята, подберезовики, а белые — заглядение...

— Ну, грибок, за дело. Застолбим! — Анатолий Иванович Губанов взял заранее заготовленный щит и фломастером крупно, размашисто вывел: «Здесь будет построена домна № 6». Щит прибили к шесту, вытоптали снег кругом и с трудом вбили шест в мерзлую землю.

— Можешь, мастер, первый рабочий наряд закрывать, — с улыбкой обернулся к Гладкову Юрий Сырых, начальник комсомольского штаба строй-

ки. И, указывая на щит, добавил: — Работа выполнена на «отлично».

Было это на исходе декабря 1976 года. А уже 2 января гул мощных моторов, двигателей разорвал лесную тишину.

ИЗ ДНЕВНИКА А. И. ГУБАНОВА, ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРА СТРОИТЕЛЬСТВА КОМПЛЕКСА ДП-6.

«...Начаты земляные работы. На площадку доставили второй экскаватор и бульдозер ДЭТ-250... Вывезли две панели сборной железобетонной опалубки доменной печи... Закончили отсыпку дороги к литейному двору... Закончили монтаж бетононасоса. Ведется сварка арматуры под фундамент ДП-6».

В этих местах, в центре России, на реке Воронеж, чугун варили издавна. И сейчас еще в липецком Нижнем парке можно увидеть остатки доменец, в которых выплавляли из железных руд металл для пушек и ядер первого российского военного флота Петра Великого.

Если верить народным преданиям, молве и книге Н. Кугушева «Мой курс в Липецке», которая увидела свет в начале прошлого столетия, то именно здесь, по пути в Воронеж, Петр I, отпробовав жбан студеной воды непонятного вкуса, заинтересованно спросил:

— Сие откуда?

— Из ключа слободского, неподалеку отсюда. Целебная вода, государь.

— А чем еще она слобода знаменита?

— Железную руду лопатят.

— Железную? А ну, коней, живо!

И повелел царь построить завод для «производства из руд, отменно железом богатых, чугуна для пушек, ядер, якорей...».

Потому незримыми нитями, протянутыми сквозь века, соединены и поныне металлургический завод и памятник Петру — остроконечный шпиль.

Чугун, сталь... С ними связано рождение и развитие сегодняшнего Липецка. В марте 1931 года на левом берегу развернулась одна из грандиознейших строек первой пятилетки — строительство нового металлургического завода. Около двух тысяч землекопов рыли котлован под фундамент первой липецкой домны.

О том времени вспоминает А. Каневский, председатель совета ветеранов комсомола НЛМЗ.

— По решению райкома комсомола на стройке были созданы два ударных комсомольских батальона. Я работал в одном из них. Из техники у нас были старенький паровой экскаватор да несколько автомашин... Главная рабочая сила — «грабари», землекопы, значит. Мы, комсомольцы, все до единого подписались тогда на «земляной заем» — не деньгами государству нашему помогли, а сверхплановыми «кубиками» земли,

СКОНОМЛЕННЫЕ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОМНЫ 54 РАБОЧИХ ДНЕ ПОДЪЕЛИ ДАТЬ СТРАНЕ 200 ТЫСЯЧ ТОНН СВЕРХПЛАНОВОГО МЕТАЛЛА.

фасонно-сталелитейного, кислородно-конверторного цехов, соорудил ДП-5 и стан «2000».

За ударную работу на пятой его наградили медалью «За трудовое отличие», а второй год пятилетки принес ему звание лауреата.

Я попросил Владимира прокомментировать дневниковую запись Губанова, где говорится о нем.

— Да ничего особенного, — смутился Чаплыгин. — Я подумал тогда: а зачем на каждой площадке плотники сколачивают двери, рамы, выделывают плитусы... В общем, всю «столярку». Ведь прежде все это в одном месте делали, а на объектах уже готовые детали ставить.

— Это твое рацпредложение?

— Не только мое... Комсомольцы инициаторами выступили. В одиночку ничего путного не сделаешь...

Невысокий черноволосый крепыш, легкоатлет, лыжник, он вскидывает на меня поразительно голубой взгляд, словно спрашивая: ведь я прав, не так ли?..

Десятилетним пацаном начал он «писать» свою трудовую биографию: колхозный водовоз — его первая «профессия». Был и помощником комбайнера, комбайнером. В армии командовал отделением связистов. Но, как говорил мне его первый наставник бригадир Николай Григорьевич Коротких, Чаплыгин везде «беспокойно жил, не отсиживался в сторонке, на острие любого дела лез...».

В партию его принимали на строительной площадке. Со стройплощадки поехал он и в Москву на XVIII съезд ВЛКСМ.

— Помню, ребятам, работающим на комплексе, вручали комсомольские билеты прямо на стройке. Так день этот, точно знаю, навсегда у них в сердцах останется. Ваня Иноземцев, сын Михаила Ивановича, Героя Социалистического Труда, когда билет взял, ничего сказать от волнения не мог. Конечно, ему эта стройка не просто как очередной объект запомнится — она жизнь его определила... Кстати, он вскоре звеньевым в бригаде плотников-бетонщиков стал.

ИЗ ДНЕВНИКА А. И. ГУБАНОВА. «Комсомольско-молодежная бригада И. Шамаева на два месяца раньше срока закончила монтаж водопроводного тоннеля».

Стройка набирала скорость. Это было ощутимо во всем: строители сокращали нормативные сроки, пересматривали обязательства, выполняли за смену по полторы-две нормы. Ежедневно на площадке поступали новые грузы: металлоконструкции, стройматериалы, оборудование. Более трехсот промышленных предприятий страны выполняли заказы для строительства новоліпецкой домны.

Впервые в практике домностроения на новом комплексе соорудилась автомобильная эстакада для въезда на рабочую площадку литейного двора, который обслуживали два мощных кольцевых мостокрана. Здесь же был применен оригинальный и эффективный бесковшовый метод уборки шлака, позволяющий гранулировать его при самой домне, чтобы затем этот ценный строительный материал подавался специальными транспортерами в железнодорожные вагоны.

Скиповая (при помощи вагонеток) загрузка печи шихтой была заменена непрерывной конвейерной. Создавался современнейший по всем техническим и технологическим параметрам комплекс для производства чугуна.

— ДП-6 — это автономное производство, работающее по замкнутому циклу, — рассказывал главный инженер проекта Евгений Петрович Гора. — Подобное сооружение есть, пожалуй, только во Франции, в Дюнжерке. Но все-таки та домна по сравнению с нашей шестой уже устарела. ...Около двух тысяч человек работало над проектом. Пятьдесят из них входили в группу авторского надзора. Мы пошли на то, чтобы окончательно, «чистовое» проектирование отдельных узлов и сводка техдокументации шли параллельно со строительством самой домны. Рискованно? Да! Но зато как увлекательно, как эффективно! И в данной ситуации, когда, как говорится, сроки поджимали, это был единственно верный путь. Все решали на стройплощадке, а не на кабинетных совещаниях. Мы, проектанты, видели, как рождается наше детище, помогали ему встать на ноги, держаться крепко, без подпорок...

Обычно подобные проекты создавались в течение трех лет. Комплекс ДП-6 спроектировали за год.

— Шестая липецкая по мощности не самая крупная в стране. Ее объем 3200 кубических метров. Девятая в Кривом Роге — кстати, ее тоже мы проектировали — пять тысяч. Но в конструкторском, инженерном отношении ДП-6 — уникальная домна. Проектировать ее было истинно творческим наслаждением. Это не красивые слова, поверьте...

Комплекс занимает 320 гектаров. Здесь предстояло смонтировать 82 тысячи тонн металлоконструкций, уложить 250 тысяч кубов монолитного бетона и железобетона, построить более 100 километров железнодорожных путей, вынуть восемь миллионов

кубов грунта. Только на огнеупорную кладку самой печи требовалось 24 тысячи тонн высококачественного кирпича. Домностроителям не впервой было возводить объект такой мощности, но выполнять работы в столь сжатые сроки им еще не доводилось.

Тут их и выручала зачастую рабочая смекалка, живой новаторский поиск.

...Монтировали импортные электровоздуховые машины. Иностранцы определили срок: пять месяцев. «Раньше нет никакой возможности... Пустой прожект...» Наши мастера обаяли смонтировать и отладить машины за 75 дней. Бельгийцы улыбнулись и покачали головами: «Русский ошибается. Это никак нельзя сделать».

Через полтора месяца машины работали.

Здесь при сварке кожуха домны впервые были применены автоматы Института имени Патона. В 24 раза увеличилась производительность труда...

В центре огромного лесомассива все яснее, все четче проступали контуры будущего комплекса. Становилось очевидным: при таких темпах строительства домну можно будет сдать досрочно.

«МОЛНИЯ». «На месяц раньше срока закончили строительство центральной приточной станции бригады И. Холодкова и А. Брылова!»

Сегодня двадцать бригад строителей и монтажников пересмотрели взятые обязательства по сокращению сроков сооружения отдельных объектов».

ИЗ ДНЕВНИКА А. И. ГУБАНОВА. «В здании временной столовой № 2 состоялся митинг, на котором было принято обращение ко всем строителям и монтажникам о досрочной сдаче ДП-6 к 61-й годовщине Октября... Обращение зачитала Мария Панина, секретарь комсомольской организации СУ «Отделстрой-1».

Вспоминая о тех днях, ребята сначала говорили односложно: работали, как все... ничего особенного. И вдруг брошенное в разговоре какое-то слово, а то и просто жест, словно яркая вспышка, высвечивали в памяти незабываемое...

Владимир Клаченков, бригадир комсомольско-молодежного коллектива монтажников, сухопарый, баскетбольного роста, по-мальчишески загорелся, рассказывая, как бригада монтировала насосную станцию кауперов:

— Понимарьш, махина! 10 тысяч кубов воздуха в минуту гонит... Ну, мы решили сделать ее по подряду, как злонбинцы. Руководство дало добро. Срок — шесть месяцев. Я собрал ребят, изложил им: так, мол, и так — забудьте про танцы, кино, прогулки под луной, девчатам письма пишите, видется некогда будет. Начали с фундамента. Все бетонные работы сами сделали: резали арматуру, варили, монтировали — у нас все смежными профессиями владеют. Самое сложное было закрыть каркас станции сборным железобетоном: ведь длина станции около семидесяти, а высота за пятнадцать метров. Горячие были денечки... Но зато сдали объект на 20 дней раньше, чем обещали. И, между прочим, на два месяца опередили нормативные сроки...

Бригаду Клаченкова на стройке шутиливо нарекли «пожарной командой». В сущности, так оно и было: если объект «горел», туда бросали этих ребят. И бригада имени 60-летия ВЛКСМ, перекрывая и нормативные сроки и собственные обязательства, сдавала работу только на «отлично».

— Я строил металлургический комбинат в Темир-Тау, здесь вел монтаж на пятой домне, на втором кислородно-конверторном... Валера Ушаков, Доронин Женья, наш группкомсорг, Слава Буев — эти ребята тоже с опытом. А остальные монтажниками здесь, на шестой, стали. Но парни, скажу, хваткие. Они еще такой класс покажут!

Потом Юрий Сырых рассказывал мне о том, как ребята, случалось, сутками не уходили со стройплощадки, как мучились, когда вовремя не поступало оборудование и они вынужденно простаивали, как болели за каждый упущенный рабочий час, как по-мальчишески бурно радовались каждой трудовой победе.

Метод бригадного подряда, укрупненный монтаж металлоконструкций и оборудования, укладка бетона мощными насосами (на полтора месяца раньше срока был забетонирован фундамент — «пень» — печь!) и другие прогрессивные приемы и методы были взяты на вооружение строителями комплекса.

ИЗ ДНЕВНИКА А. И. ГУБАНОВА. «Поднят третий блок ДП-6 весом 122 тонны. Предстоит поднять купол литейного двора — 170 тонн. Подъем будет вести бригада Меркулова...»

Меркулов поглядел вверх. Небо затягивало, ветер шел с севера, резкий, не по-летнему озорливый.

Иван Уколов, бригадир, старый дружок — не первую домну вместе поднимают — со своими ребятами монтировал купол на земле. За два дня они почти закончили работу и сейчас сваривали последние

узлы. Возле них, шутиливо поторавливая, стоял сын Ивана Сергеевича Саша, монтажник 4-го разряда из меркуловской бригады.

— Что ж это ты, батя, не торопо работаешь? И орлы твои, смотри, задремали. Нужно ведь как: раз-два и — будь здоров!

— Это не раз-два называется, а тяп-ляп... Иди-иди, слышишь, бригадир зовет?

Обычно купол — 170-тонное металлическое кольцо — поднимали наверх секциями. А там уже монтировали. При таком методе вполне достаточно было бы одного крана БК-1000, бригады монтажников и... рабочей десятидневки. Но этих десяти дней у строителей не было. Тогда Михаил Иванович Меркулов, восстанавливавшийся после войны НЛМЗ, построивший, почитай, все домны завода, и предложил полностью смонтировать купол внизу, а потом поднять его двумя кранами, тем более что на стройке работал в ту пору уникальный стреловой рельсовый БК-2600.

Вместо десяти дней верховых монтажных работ — всего несколько часов. Заманчиво? Но важно было добиться абсолютной синхронности подъема: малейший перекося — и катастрофа.

— Мы начали подъем в 10.30, — рассказывает Меркулов. — Хлопцы мои пошли наверх и встали на отметках 10, 20 и 40 метров: они должны были дублировать на краны мои команды. Вначале сделали пробный подъем, метров на пятнадцать. Все шло нормально, без перекосов. Но тут, как назло, тучи пошли, вот-вот дождичек посыплет. Что ж, откладывать подъем? Решили — успеет.

... — Вира! — Меркулов повел ладонью вверх, и железная громада, повинувшись этому неторопливому куполу, пошла выше, выше.

— Стоп! — Михаил Иванович развел руки. — Теперь майна! — И кольцо купола, слегка раскачиваясь на растянутых стальных тросах, медленно опустилось на домненную площадку. Базиленко, Елисеев, Фролов, Корастылев стотонными гидравлическими домкратами, ручными лебедками, фаркопами выравнивали купол, чтобы наглухо закрепить кольцо на высоте 46 метров.

Работа была привычной. Меркулов взглянул на циферблат: ровно три часа продолжался подъем купола. «К концу смены все закончим, — подумал он, — а завтра примемся за газовый тройник!»

— Сережа, — крикнул он, — Корастылев, флаг не забудь.

Корастылев, самый молодой в бригаде, двадцатидвухлетний, еще по-юношески долговязый, махнул рукой: все, мол, в порядке, — и полез на боковую площадку. В руке его бился на ветру флаг, снизу похожий на маленький флажок, каким размахивают ребяташки на майской демонстрации.

...Сергей стоял на площадке и что-то кричал. Ветер относил слова в сторону, но Михаил Иванович уловил радостное «Ура!».

— Здорово, — тронул его за плечо Уколов. — Верно ведь, Миша...

Первые капли дождя звонко ударили по металлу.

ИЗ ДНЕВНИКА А. И. ГУБАНОВА. «...На ударной стройке побывали с шефским концертом композиторы Б. Терентьев, А. Мажуков, Я. Френкель, И. Лученорк». «Сегодня состоялось первое заседание Государственной комиссии по приему ДП-6 в эксплуатацию».

Срок сдачи комплекса приближался...

На центральной площадке, возле стенда «Трудовой ритм стройки», в конце дня толпился народ. Строители придиричиво высматривали показатели своей бригады: кто нынче впереди, насколько обошли? Узнавали, сколько еще актов технической готовности подписано Государственной комиссией. Каждый день взмывал в небо флаг Трудовой славы в честь бригады-победительницы. В эти дни особенно жаркое соперничество между строителями разгорелось в социалистическом соревновании за выполнение целевых заданий. (Помните, какую широкую гласность в свое время получило соревнование за выпуск 150 миллионов тонн стали, 10 миллионов тракторов и т. д.? Проще говоря, за выпуск конечной продукции. Именно эта популярная форма соцсоревнования и нашла свое продолжение и развитие на сооружении комплекса ДП-6.)

Первый секретарь Липецкого обкома партии Г. П. Павлов, начальник парштаба строительства, почти ежедневно бывал на площадках и проводил вечерние оперативные совещания, где детально разрабатывался каждый рабочий день предпускового периода.

На оперативки Юрий Сырых приходил прямо с площадок, не успев сбросить брезентовую куртку (он зачастую помогал сварщикам: сам строитель, заканчивает техникум). Когда Юрия просили доложить обстановку, он коротко, по-деловому перечислял объекты, где работали комсомольско-молодежные бригады, сроки выполнения работы, соотносившие с общим сетевым графиком; если требовалась срочная

помощь руководства, обосновывал ее необходимость. И не раз слышались возгласы: «Молодец комсомол! Того и гляди наших асов обойдут...»

ИЗ ДНЕВНИКА А. И. ГУБАНОВА. «Среди коллективов развернулось широкое соревнование за право подписать рапорт ЦК КПСС о досрочной сдаче ДП-6 в эксплуатацию». «...В 21.00 доменная печь поставлена на сушку».

...Подобных темпов отечественное домностроение еще не знало. Все объекты госкомиссия принимала только с оценками «хорошо» и «отлично». Председатель комиссии, главный инженер «Тулчермета» П. П. Мишин, позже говорил:

— Мы чувствовали себя членами огромного коллектива строителей, считали эту домну своей и, возможно, именно поэтому принимали каждый объект с особым пристрастием: хотелось, чтобы домна № 6 была самым совершенным комплексом в доменном хозяйстве нашей промышленности. На мой взгляд, так оно и вышло. Напряженный ритм предпускового периода не помешал строителям сделать свое дело квалифицированно, качественно...

ИЗ ДНЕВНИКА А. И. ГУБАНОВА: «...Государственная комиссия подписала акт о приемке комплекса ДП-6. Начали загрузку домны шихтой. Все ждут первого чугуна».

И этот чугун пошел 7 ноября 1978 года... На 54 дня раньше планового задания, почти на 9 месяцев опередив нормативный срок, липецкие строители и металлурги ввели комплекс ДП-6 в строй действующих домен страны.

Ровно сорок четыре года назад — день в день — дала металл первая по сравнению с нынешней домна-малышка Новолипецкого металлургического комбината. Символическое совпадение, не правда ли?..

За 22 месяца был сооружен самый совершенный в Союзе да и в Европе чугуноплавильный комплекс. И сэкономленные при строительстве 54 рабочих дня обернулись нынче 200 тысячами тонн сверхпланового металла.

«Досрочный ввод в эксплуатацию доменной печи № 6,— писали липчане в Трудовом рапорте ЦК КПСС,— является нашим практическим вкладом в выполнение исторических решений XXV съезда КПСС».

Рапорт этот подписали лучшие строители комплекса. И среди них — бригадиры комсомольско-молодежных бригад Герои Социалистического Труда Михаил Иванович Иноземцев и Михаил Иванович Меркулов.

С теплыми приветственными словами обратился к строителям Леонид Ильич Брежнев:

«Сооружение в короткие сроки такого крупного и технически сложного промышленного комплекса — результат самоотверженного труда рабочих и инженерно-технических работников, большой организаторской работы партийных организаций, проявления творчества и высокой ответственности всех участников боевого социалистического соревнования, широко развернутого по принципу «рабочей эстафеты», массового внедрения бригадного подряда и других передовых методов организации строительных работ, выражения энтузиазма комсомольцев и молодежи на ударной стройке пятилетки».

... — Так, еще чуток. — Первый горновой Геннадий Бурханов сквозь синее смотровое стекло видел в глазке фурмы, как бьется, меняя цвет, пламя в доменной печи.

Бригада уже была готова принять плавку. Шел большой чугун, очередные пятьсот тонн металла.

Горновой Яценко нажал на пульте одну из кнопок, и тяжелый подвесной автоматический бур, развернувшись по оси, пошел к летке. Миша Макаров, самый молодой в бригаде, встал возле летки, чтобы направить бур точно по центру.

Литейный двор блистает чистотой, воздух не загазованный, свежий — установки аэрации работали отменно. А за стенами цеха — солнечный лес, и даже птицы, возвращающиеся с зимовок, не покидают обжитых мест.

... Сырых заглянул сюда на минутку: искал секретаря цеховой комсомольской организации Александра Гришных. Юрий, как всегда, торопился, штаб уже перенес на новое место, на строительство цеха холодного проката («Знаешь, дел по горло, в этом году думаем сдать. Постараемся досрочно!»). Но как было не задержаться и не посмотреть на выход металла!

Бур врезался в леточную массу. И вот — чугун тонкой струйкой брызнул в отводный желоб. А затем широкий ручей кипящего металла ударил в дно чугуновозного ковша. Верхний, более легкий слой расплавленного шлака пошел по боковому желобу в грануляционные установки.

Бурханов отер пот со лба, улыбнулся.

— Порядок. Через пятнадцать минут вскрываем следующую летку...

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Кто ты? Кто ты?
С твоей душою
Всякий раз веду разговор.
Словно озеро вижу большое
Посреди сопредельных озер.

Подойду к нему чуть виновато,
Проходя, ненароком взгляну.
В этом озере только утраты,
Словно черные камни по дну.

И когда его темные воды
Пробивает нечаянный свет,—
В нем надежда, смятенье, свобода
Отзываются робко в ответ.

Но ему не вольней и не легче.
Так ненужную нежность снося,
Ты любовь
принимавшь на плечи,
Потому что иначе нельзя.

И смиряясь с планидой такою,
Ты живешь, о душе не скорбя.
Кто ты? Кто ты?
Что будет с тобою,
Если случай разбудит тебя?

И когда он бывшее нарушит,
Я ли стану твоею судьбой
Или та, что поодаль на суше
Затаенно следит за тобой?..

Пресыщенные зрелищами, хлебом,
Морской зеленоватой водой,
В кинотеатр под открытым небом
Под вечер приходили мы с тобой.

Был вход в него подобен входу в башню.
Стены касался дикий виноград.
Шуршал кассир афишею вчерашней,
И рвался ветер в полутемный сад.

И под ногами рассыпался гравий.
Тень миндаля качалась у скамьи.
Тускнел экран в оправе,

как в ограде,
А у ограды правила свои.

Мы были ею схвачены привычно.
Нам странен мир без входов и оград.

И все вокруг казалось символично:
Звезда, и ночь, и реплика, и взгляд.

Невысказанность нежности и горя
И неоглядность дальних берегов.
А за оградой бушевало море
На расстоянье двадцати шагов.

В нем не было ни смерти, ни затишья,
Ни радости, ни горя, ни любви.
Гляди в него — вовек не наглядисься.
Не отзовется — сколько ни зови.

Но вдруг само отдаст тебе с отрадой
Дурманящую близость глубины.
Все брэнное ограждено оградой.
Великому
Ограды не нужны.

Январь в Алма-Ате

Январь вступил в Алма-Ату,
Сияя белыми снегами.
Звенели льдинки под ногами,
Как в Александровском саду.

Мы гости, улица, твои.
Твоя гора взметнулась к выси.
Куда уведишь наши мысли:
К разлуке? К холоду?
К любви?

Куда ты, улица, куда?
Прямая, как стрела из лука,
Зачем с доверием и мукой
Ложись в выемку следа?

Нас ждет иная сторона,
Где эту гору сменит поле,
Где высь, любимая до боли,
Светла, доверчива, нежна.

Но здесь,
Но на клинке меча
У моего степного предка
Мне отражается свеча —
Веков неясная отметка.

Коней дыханье в тишине.
Стволов таинственная камедь.
И эта улица во мне —
Как древний код, как чья-то память.

Я впереди тебя иду,
Дорогу меряя слогами.
Январь вступил в Алма-Ату,
Сияя белыми снегами.

И не уйти от белизны,
От памяти не откеститься.
Узнай меня, степная птица:
Мы были рядом рождены!

С. Мулдагалиевой.

Соня, Сонечка,
София,
Где витает душа твоя?

В мире суетном, в спешке дел
Незаметен он, твой удел.

Только слышу: в груди твоей
Бьется сердце планеты всей.

Всех вершин ее, всех степеней,
Всех рожденных тобой детей.

Загляни им в глаза, Восток:
Каждый строен, скуласт, высок.
Это жизнь, это суть твоя,
Соня, Сонечка,
София!

И когда, от забот устав,
Жадно ловишь ты шорох трав,

И когда любимый с тобой
Каждой строчкой и всей судьбой,

И когда — почти наугад! —
Робко чувствуешь чей-то взгляд,
Соня, Сонечка,
София,
Где витает душа твоя?

Может быть, на исходе дня
Ты улыбкой найдешь меня.
Я во взгляде прочту твоим
То, что в нем заглушалось днем:

Тайный жест твой и тайный крик,
Тайну сложенных крыл твоих,
Тайну смеха и тайну слез...
Я сдержу на губах вопрос:

Соня, Сонечка,
София,
Где витает душа твоя?..

Тропинка

Почти что на весу
Качается хвостик.
В заснеженном лесу
Всего одна тропинка.

Ни в сторону ступить,
Ни резко обернуться.
Петляющая нить:
Двоим не развернуться.

Из ведьмина клубка —
Из шерсти ли, из вервья?
И низки облака,
И высоки деревья.

К беде ли, от беды
По белизне плутала?
Мышинные ходы
Легко перетоптала.

И вот уж ввечеру
Пошла под гору прытко.
Пристала ко двору,
Скользнула за калитку.

Из темного окна
Мне виделось немного —
Но все еще она
Лежала у порога.

И, силясь превозмочь
Безлунную немилость,
Светила мне всю ночь
Тем, что сама светилась!

Ах, в небе чистом и высоком
Слезой растает самолет.
Потом слеза прозрачным соком
К стволу неслышно соскользнет.

В ней мир с неровными углами
Дрожит наклонно на заре.
И я беру его губами
С шершавой трещинки в коре.

На берегу Байкала, у подножия западных склонов Баргузинского хребта, вдоль кромки древней байкальской террасы стоит несколько домиков поселка Давше — центральной усадьбы Баргузинского заповедника. В одном из них я прожил четыре года, здесь сразу же после окончания института начал трудовую жизнь.

Из окон домов открывается вид на Байкал. В тихие летние дни, когда море спокойно, комнаты наполняются ароматом земли, трав, хвои. Осенью, во время больших штормов, в окна врывается мерный шум морского прибоя.

За «спинами» домов начинается лиственничная тайга. Впервые я увидел ее в сентябре и до сих пор не могу привыкнуть к несравненным краскам байкальской осени, к ее поразительной колористической насыщенности — золотисто-красными, оранжевыми и желтыми тонами!

С той поры, когда я впервые высадился на давшинский берег, прошло больше

спокойного существования и размножения соболей и центром расселения их в прилегающие охотничьи районы».

А соболь в то время действительно находился на грани полного уничтожения. Тревожные сигналы стали поступать от ярмарочных и биржевых комитетов, ученых и местной администрации, торговцев мехами. Количество привозимых на рынок шкурок сократилось в 5—6 раз. Если в 1889 году на Ирбитскую ярмарку поступила 61 тысяча соболиных шкурок, то в 1910-м — только 10 275. С этого года в министерство торговли и промышленности сведения об угрожающем падении соболиного промысла пошли от лейпцигских торговых фирм.

Многие биологи занесли соболя в список естественно вымирающих животных, и все попытки восстановить его ареал и численность заранее обрекали на неудачу. Появились и анекдотические проекты спасения соболей. Так, О. Б. Патушинский, буквально поняв образное выражение «соболь дыма боится», разработал сложнейшую технику

чуда — Баргузинский государственный заповедник, которому недавно исполнилось 60 лет.

Одна из главных задач заповедника — быть эталоном горно-таежной природы северного Прибайкалья, сохранять в полной неприкосновенности все компоненты зонального природного комплекса.

Сохранение дикой природы имеет громадное научное и культурно-историческое значение. В этом давно уже вынуждены убедиться жители многих европейских стран, где если и остались уголки девственной природы, то только в заповедниках. Только в заповедниках и удается организовать постоянные наблюдения за изменениями и колебаниями природной среды.

Под воздействием стремительного наступления цивилизации оазисы дикой природы пропадают с ошеломляющей быстротой. А с их исчезновением человек теряет такие духовные и материальные ценности, которые никогда и ничем не смогут быть возмещены. Сохранение

СОБОЛИНЫЙ КРАЙ — ПОДЛЕМОРЬЕ

Олег ГУСЕВ,
кандидат биологических наук,
председатель Байкальской комиссии
Всероссийского общества охраны природы
Фото Альберта ЛЕХМУСА

двадцати лет, но мне кажется, что это было вчера — так отчетливо, так ощути-мо ясно вижу тот далекий день. И теперь ничто не доставляет большей отрады, чем путешествие к берегам Байкала, к дорогим моему сердцу местам. Каждый год меня тянет в живой и чудный мир заповедной природы, знакомство с которым останется, видно, самым значительным событием моей жизни.

Передо мной старинный документ: «Проект обследования соболиных районов России в 1913—1915 годах». Его автор — основоположник отечественного охотоведения, старший специалист Департамента земледелия по прикладной зоологии и промысловой охоте А. А. Силантьев. С большим интересом знакомлюсь с этим первоисточником. Ведь в нем содержится вся предыстория Баргузинского заповедника.

...9 июня 1912 года был принят закон «Об установлении ограничительных мер по охоте на соболя», введен полный и повсеместный запрет добывания соболя с 1 февраля 1913 по 15 октября 1916 года. Предполагалось, что за это время соболь размножится и вновь заселит прежние места обитания, после чего на него будет открыта охота с 15 октября по 1 февраля.

Это была лишь первая необходимая мера по спасению соболя. Следовало ожидать, как сказано в проекте, что промышленники, вынужденные воздерживаться от добывания зверьков во время запрета, примутся с удвоенной энергией преследовать их после открытия охоты и быстро уничтожат весь накопившийся за три года приплод. Нужно было принять экстренные меры, «чтобы к моменту начала промысла имелись бы налицо условия, препятствующие подобному недопустимому исходу».

«Таким единственным условием, — считал А. А. Силантьев, — гарантирующим соболя от полного истребления... является устройство заповедников... которые служили бы местом для

его разведения в неволе на основе использования хитроумной системы подземных дымоотводов».

К счастью, восторжествовал здравый смысл — предпочтение было отдано разумным проектам. Для осуществления намеченных А. А. Силантьевым работ были снаряжены соболиные экспедиции. Одна из них, под руководством известного охотоведа Г. Г. Дюпелямайра, накануне первой мировой войны отправилась на Байкал — на родину самого дорогого в мире подлеморского соболя.

Но полевые исследования по биологии соболя и соболиного промысла, а также определению границ заповедника — еще только поддела. Г. Г. Дюпелямайру и его сотрудникам пришлось затратить немало сил и времени, прежде чем заповедник был учрежден в законодательном порядке.

Это удалось сделать как раз к тому сроку, когда должен был кончиться трехлетний запрет охоты на соболя — в конце 1916 года. Так было положено начало созданию соболиных заповедников и возрождению соболиного промысла в нашей стране.

В послереволюционное время кампания по спасению соболя получила очень широкий размах. Было создано еще семь соболиных заповедников и 67 заказников. В 1935 году ввели пятилетний запрет добывания соболя. Началось осуществление энергичных работ по расселению соболей: с 1928 по 1965 год в места прежнего обитания было выпущено 19 340 зверьков.

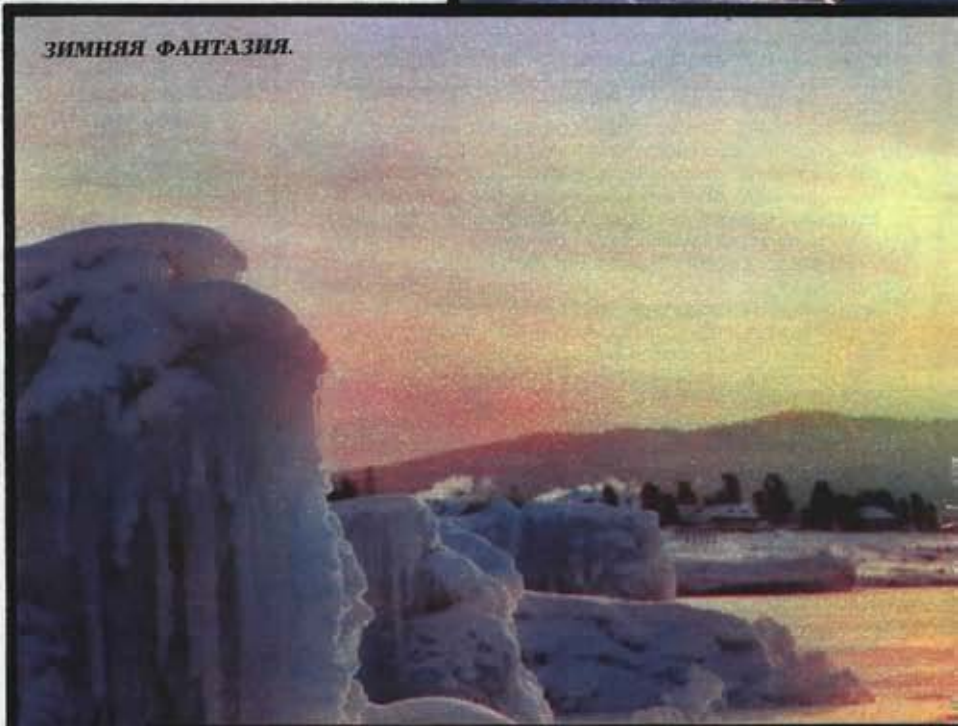
Результаты битвы за соболя сейчас хорошо известны. Иностранцы корреспонденты преподносили его своим читателям как «русское чудо». Численность соболя в стране была восстановлена уже к 1960 году. Сейчас охотники ежегодно сдают в государственные поставки 150 тысяч соболиных шкурок, то есть практически столько же, сколько в середине XVII столетия, время максимального поступления соболиных шкурок на пушные рынки.

У истоков этого очередного русского

В ОТРОКАХ БАРГУЗИНСКОГО ХРЕБТА

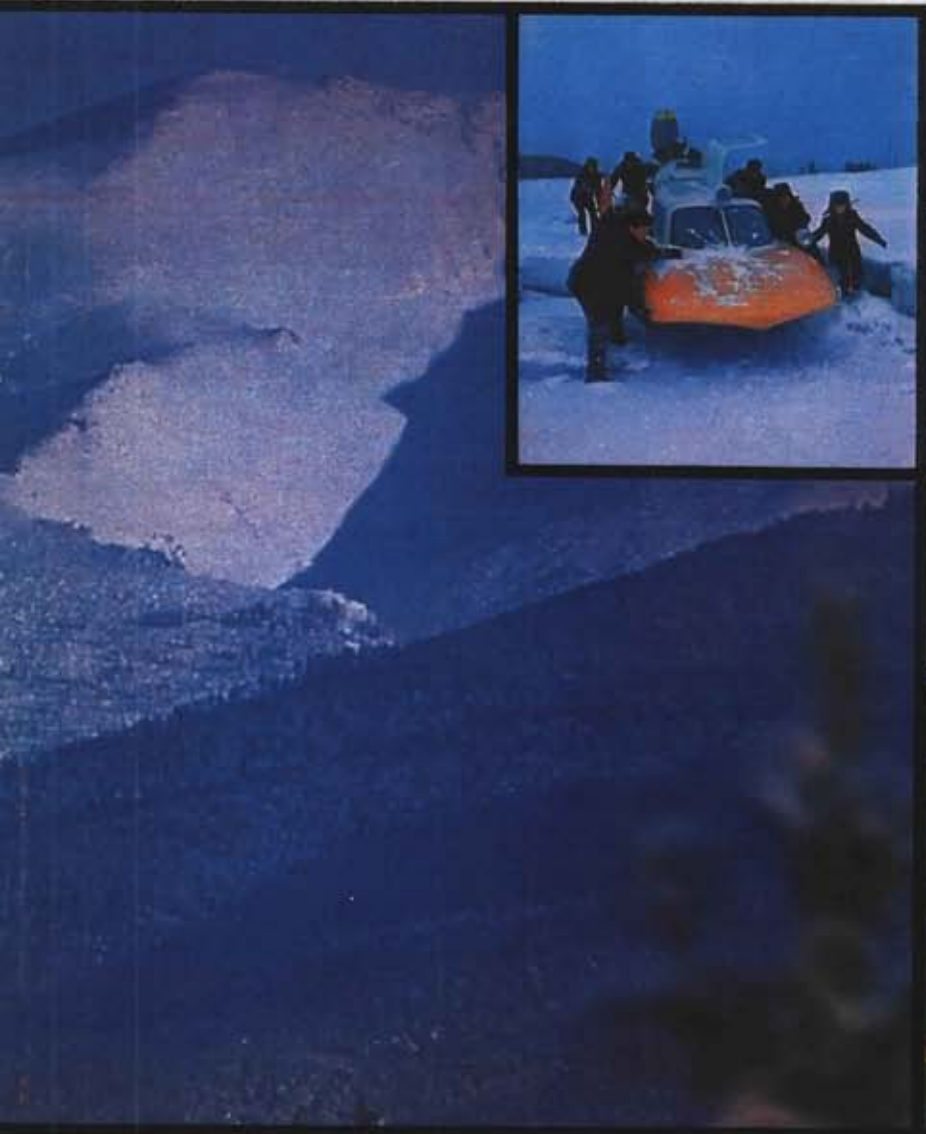

ЗИМНЯЯ ФАНТАЗИЯ.

БАЙКАЛЬСКАЯ ПЕРПА ЛЮБИТ ПОГРЕТЬСЯ НА ЛЬДУ.

ДАЖЕ СНЕГОХОДУ ПОРОЙ НЕ ПРОБИТЬСЯ СКВОЗЬ ВЫСОКИЕ СУТРОБЫ.

отланика, который местами спускается к самому побережью Байкала.

Заповедные угодья населяет более 200 видов птиц, около 40 видов млекопитающих и множество других животных. Всему миру известен баргузинский, или подлёморский, соболь — исключительно интересный объект для изучения и клеточного звероводства. Не менее обычны и многочисленны тут бурые медведи. После исчезновения льда на Байкале они массами выходят на побережье в поисках бычковой икры и скоплений ручейников. Обитают здесь россомаха, выдра, солонгой, горностай, ласка — типичные представители семейства куны. Из копытных в заповеднике встречаются лось, марал, северный олень, кабарга, изредка с восточных склонов хребта прикочевывают косули. Лисица, заяц-беляк, белка, летяга, пи-

В ЛЮБОМ ЗИМОВЬЕ ГОСТЮ РАДЫ.

естества природы становится задачей особой государственной важности. Баргузинский заповедник верно служит этой благородной цели.

Место для заповедника выбрали к северу от полуострова Святого Носа, в Подлёморье — стране гор, лесов, звериных троп, медвежьих берлог и соболиных залусков. Необитаемая глухомань тянется здесь на десятки и сотни километров. Суровым и угрюмым может показаться Подлёморье с борта парохода. Для тех же, кто сумеет понять душу этого дикого восточносибирского края, он станет дорогим и близким до боли в сердце.

Острые пики главного водораздельного гребня Баргузинского хребта, громадные пространства гольцов, высокогорные субальпийские луга, островки пихтовых и березовых лесов, зеленые карстовые озера, глухое медвежье и соболиное чернолесье, грохочущие стремнины рек, дымящиеся мелкими брызгами водопады, горячие минеральные источники с почти кипящей водой, открывающаяся с берега озера бесконечная анфилада байкальских мысов — во всем этом ощущается полнокровная жизнь не тронутой цивилизацией природы.

Близость Байкала и холодных баргузинских гольцов накладывает своеобразнейший отпечаток на жизнь подлёморской природы. Спектр ее географических элементов состоит из большого числа как широко распространенных лесных видов, так и типичных горнотаежных и высокогорных форм животных и растений.

Тайга в заповеднике никогда не подвергалась промышленным рубкам. Кедр, сосна, лиственница, ель, пихта, береза, осина, тополь, а также другие древесные и кустарниковые породы, издревле свойственные ландшафтам северного Прибайкалья, остались неприкосновенными. Огромные пространства покрыты зарослями кедрового

щуха — также широко распространенные заповедные аборигены. Высоко в горах живет камчатский, или черношапочный, сурок. Все они чувствуют себя здесь в полнейшей безопасности, что можно увидеть и понять по их отношению к человеку: в заповеднике животные значительно менее пугливы, чем за его пределами.

Вся совокупность животных и растительных форм заповедной территории — драгоценный генофонд прибайкальской природы. Изучение всех компонентов природного комплекса в их «постоянном развитии» — еще одна важнейшая задача заповедника.

Баргузинский заповедник — не только первая особо охраняемая природная территория на Байкале, но и первое на его берегах научно-исследовательское учреждение.

Работа в нем — великолепная школа для молодых исследователей, желающих и умеющих действовать. Нигде не удастся так полно сосредоточить внимание на выполняемой научной теме, как здесь. Сотрудники заповедника круглый год живут и работают на природе и, следовательно, имеют возможность вести наблюдения во все сезоны года. Работа здесь дает богатейший опыт полевых стационарных исследований, приучает молодых ученых к самостоятельному мышлению, развивает у них натуралистический подход к изучению природных явлений. Многие научные сотрудники, работавшие в Баргузинском заповеднике в разное время, стали известными учеными, докторами и кандидатами наук, страстными борцами за охрану природы.

Но в заповедном деле есть еще немало недостатков. Об этом необходимо сказать и в связи с недавно принятым постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по охране природы и улучшению использования природных ресурсов». В постановлении указано на «недостатки

в организации заповедного дела», предусмотрено «упорядочение сети научно-исследовательских организаций по охране природы» и усиление «фундаментальных исследований по ряду проблемных вопросов охраны природы».

На 1 января 1978 года, по данным ЦСУ, в 130 наших заповедниках работало 674 научных сотрудника — штаты нескольких крупных научно-исследовательских институтов. Но их работа была организована далеко не лучшим образом. Если бы мне пришлось ответить, в чем основной недостаток их работы, я бы сказал так: разобщенность, разобщенность и еще раз разобщенность. Беда заповедников состоит, во-первых, в ведомственной разобщенности (ими руководят 27 различных организаций), во-вторых, даже заповедники одного ведомства изолированы друг от друга и, в-третьих, в большой распыленности исследований в каждом отдельном заповеднике. Основной путь борьбы с этим злом — консолидация научных усилий на всех трех уровнях.

По дальновидному предложению выдающегося натуралиста А. Н. Формозова в заповедниках вот уже 40 лет (с 1938 года) ежегодно составляются книги «Летописей природы». В них фиксируются особенности сезонных явлений года, естественные колебания и изменения природной среды, а также нарушения, вносимые в природу человеком.

Хранящиеся в «Летописях природы» залежи ценнейших наблюдений, как правило, не анализируются и не обобщаются. В связи с этим, помимо региональной программы наблюдений для отдельных заповедников, нужна еще одна программа, строго обязательная для всех. Материалы этой общей программы, собранные по единой методике, должны ежегодно поступать в обрабатывающий центр, анализироваться, обобщаться и публиковаться в специальном бюллетене. Что бы мы сказали, если бы данные метеостанций никем не обрабатывались и не обобщались?! Трудно даже представить такую нелепость. А в заповедниках сотрудники давно привыкли к тому, что их работы оседают в «долгом ящике». Думаю, давно настала необходимость создать центр по обработке данных «Летописей природы».

Первый заповедник на Байкале — учреждение исключительной, непреходящей ценности. Его роль в охране природы Байкала чрезвычайно велика. Она бесконечно возросла с тех пор, как Байкал стал центром внимания мировой общественности.

Итог работы первой «соболиной» экспедиции — не только организация заповедника, но и публикация обстоятельной монографии «Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала». Уже в этой работе был поставлен вопрос о едином БАЙКАЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ, о «необходимости выделения Байкала в особую административную единицу — именно БАЙКАЛЬСКИЙ РАЙОН».

Байкал един и неделим. Проблемы охраны Байкала, вставшие перед нами во весь рост, сделали эту мысль непреложной истиной. Идея о неделимости Байкала должна найти воплощение в организации единой сети особо охраняемых природных территорий на его берегах. Нужно организовать еще два заповедника: «Берег бурых медведей» — на северо-западном побережье и «Селенгинская дельта» — в устье реки Селенги. И претворить, наконец, в жизнь всенародную мечту о Байкальском национальном парке.

Завершение единой государственной сети охраняемых территорий на Байкале, начатое более 60 лет назад организацией Баргузинского заповедника, — дело первостепенной важности. Необходимость этого подчеркивается в новом постановлении партии и правительства об охране природы, в котором улучшению заповедного дела придается очень большое значение.

Навстречу
VII Всесоюзному
совещанию
молодых
писателей

МУЗЫ

ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Юрий САЖНЕВ, первый секретарь Томского обкома ВЛКСМ.

Часто задумываюсь: какой реальный вклад может внести творческая молодежь, в особенности литературная, в текущую пятилетку? Ведь не составили планы реализации художественных замыслов, и вовсе уж смешно определять показатели производительности труда молодых поэтов и прозаиков. Но все же, уверен, есть очень важные показатели участия молодых талантов в свершениях Родины. «Пятилетке эффективности и качества—энтузиазм и творчество молодых»—провозгласили комсомольцы, и девиз этот имеет глубочайший смысл для творческой молодежи страны. Энтузиазм—в деятельном труде, активной учебе, самосовершенствовании; творчество—в созидательном, гражданском отношении к делу, к жизни.

Возвышенные чувства, нравственную чистоту—все это отродно видеть в произведениях молодых, приятно понимать, что с первых шагов в своем творчестве они становятся участниками воспитания этих важнейших качеств в человеке нашего светлого, яркого будущего. Но, к сожалению, часто еще у молодых писателей встречается герой, неспособный реализовать нравственные приобретения, проявить свою жизненную позицию активно. А ведь в этом именно и есть эффективность и качество творчества молодых художников слова.

Комсомол всегда помогал партии воспитывать в молодых литераторах высокую идейную требовательность к творчеству, настойчивость в совершенствовании мастерства, целеустремленность в овладении жизненным материалом. Многим молодым, а сейчас известным прозаикам и поэтам, именно комсомольская работа предоставила этот бесценный материал, она стала их школой жизни.

Уроженец села Новокусково Асиновского района Томской области, Георгий Марков начинал свой путь в большую литературу с комсомольской работы—начала в сельском райкоме, затем в горкоме и окружном ВЛКСМ. В дни празднования сороковой годовщины Ленинского комсомола писатель обратился к своим землякам со страниц областной газеты «Красное знамя» с таким признанием: «Я вспоминаю об этом времени с восторгом и неизменной благодарностью. Окруженный вниманием и заботой многих товарищей по комсомолу, я прошел вместе с ними, вместе со всем комсомолом замечательную школу жизни. Без этой школы я никогда не стал бы коммунистом, не стал бы советским писателем... Я шлю Томской комсомольской организации сердечное спасибо за все, что она дала мне в невозвратную пору юности».

Недавно в Новокусково распахнулись просторные залы библиотеки, на строительство которой Г. М. Марков передал свою Ленинскую премию. В особом фонде размещены здесь полторы тысячи книг из личного собрания Георгия Мокеевича с дарственными надписями ведущих писателей нашей многонациональной Родины.

Библиотека в Новокусково—своеобразная летопись нашего времени, летопись Сибири. Но это и летопись томской комсомолки, лаборатории, помогающей областному комитету ВЛКСМ направлять деятельность начинающих писателей, художников, композиторов, артистов в свете постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью». Потому что опыт Маркова ценен прежде всего неразрывным единством слова и дела, жизни и творчества, служением не просто музам, но музам партийности и

гражданственности. Только тот, кто сам прошел путь непосредственной работы с массами, сможет ярко и убедительно воздействовать на читателей своими произведениями.

Радостно, что примеру нашего старшего товарища, земляка, стараются следовать не только томские писатели, но представители других творческих союзов города и области. Конкретное тому подтверждение—серия документально-художественных книг «Стрежевой», «Трудный колос», «Таежная новь»—о нефтяниках Приобья, тружениках сельского хозяйства и лесной промышленности. Ушла в набор коллективная книга «Любимый город», приуроченная к 365-летию Томска, готовятся сборники о молодежи Всесоюзных ударныхстроек области, о томских ученых... В создании всех этих книг вместе с профессиональными литераторами и художниками, в большинстве своем прошедшими школу комсомольской работы, широко участвуют начинающие литераторы, журналисты, фотокорреспонденты—тот самый актив молодой творческой смены, с которым мы повседневно работаем.

Назову основных создателей серии. Нелегкий труд составителя, а также одного из авторов взял на себя Владимир Колыхалов, лауреат премии имени Николая Островского. Первые выпуски отредактировали, подготовили для них свои стихи и очерки лауреат премии Томского обкома ВЛКСМ Сергей Заплавный и поэт Станислав Федотов. В числе постоянных участников серии—Эдуард Бурмакин, Тамара Каленова, Вениамин Колыхалов—также, кстати, лауреат премии имени Н. Островского,—и другие авторы. Все они связаны творческой судьбой с издательствами, удостоенными премии Ленинского комсомола за выпуск молодежных библиотек прозы и поэзии,—Западно-Сибирским и «Молодая гвардия».

В работе над произведениями о тружениках области наглядно показали свои творческие установки не только профессиональные писатели Томска, но и начинающие литераторы—Александр Казанцев, Валерий Сердюк, Сергей Яковлев. И мне кажется важным подчеркнуть, что общественная активность их творчества не осталась незамеченной, неоцененной: издательство «Молодая гвардия» в серии «Молодые голоса» выпустило первую поэтическую книжку Казанцева «Стиранные выюгами поля»; журналы «Молодая гвардия», «Смена», альманах «Поэзия» и другие издания опубликовали стихи его товарищей. Найти, заметить, познакомиться с массовым читателем граждански зрелого молодого художника слова—это, безусловно, необходимый вид шефства центральных молодежных изданий над начинающими литераторами.

В народе бытует примета: «Чем обильнее роса, тем жарче завтрашний день». Так и хочется перефразировать: «Чем больше труд и хорошая усталость от него, тем больше и качественней отдача».

Вспомнилась примета потому, что убежден: шефство, наставничество красно не намерениями, а делами. И в этом отношении творческой молодежи области определенно повезло.

В 1970 году издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» взяло шефство над Всесоюзными ударными комсомольскими стройками Томского Приобья. С тех пор в рамках Недели молодежной книги на заводах и стройках, в вузах и на животноводческих комплексах, у нефтедобытчиков и геологов области побывало девять писательских бригад, в состав которых входили известные советские поэты и прозаики—С. Анто-

нов, В. Цыбин, Н. Старшинов, В. Костров, Вяч. Кузнецов, В. Гордейчев и другие. Томичи получили возможность познакомиться с авторами любимых произведений, встретились с настоящим, я бы сказал, созидающим искусством.

Новыми впечатлениями обогатились и наши гости. Но встречи эти имели и другие важные для нас последствия. Совместно с коллективом «Молодой гвардии» мы провели два областных совещания начинающих литераторов. В результате появились новые, более зрелые произведения Сергея Алексева, Михаила Андреева, Николая Конусова, Виктора Старостина, Александра Рубана и других авторов. Десять томских начинающих литераторов только за последние годы приняли участие в зональном и Всесоюзном совещании молодых писателей.

Многие молодые литераторы Томска занимаются в кружках и объединениях, которыми руководят профессиональные писатели. По творческим командировкам обкома ВЛКСМ нередко выезжают они на ударные комсомольские стройки, к бойцам студенческих строительных отрядов. Недавно вернулись с нефтяного севера Сергей Яковлев и Светлана Борзунова. Они привезли с собой блокноты с черновыми набросками будущих произведений, а главное—удивление и радость от встреч с людьми, открывающими для страны богатства Сибири. Можно не сомневаться, что впечатления от этой поездки оставят глубокий след в их душах, будут вновь и вновь звать в дорогу, воспитывать не созерцательный, а бойцовский характер.

Всемерно стремимся мы привлечь творчески одаренных людей к созданию программ художественной самостоятельности, к участию в работе молодежных редакций радио и телевидения, областной комсомольской газеты «Молодой ленинец». Для большинства пишущих именно это сотрудничество может и должно оказаться решающим, определить поиски собственного пути и голоса.

«Печальна участь тех,—справедливо указывал Николай Островский,—кто отрывается от коллектива, возомнив себя сверхгением или непризнанным талантом. Коллектив всегда поднимет человека и поставит его крепко на ноги».

Именно на коллектив опираемся мы в своей работе, на содружество предшественников различных поколений творческой интеллигенции, на тесную связь между молодыми писателями, художниками, композиторами, артистами и рабочей молодежью.

При Томском горкоме ВЛКСМ создан и успешно работает внештатный отдел культуры. Не реже раза в месяц проводятся здесь дни комсомола. На них рассматриваются итоги проделанной работы, ставятся задачи, которые предстоит решать комсомольцам творческих организаций. На одном из таких дней, например, был поддержан начин молодежи Томского драматического театра, решившего дать внеплановый спектакль в пользу Бакчарской школы-интерната. На другом дне было выдвинуто предложение пригласить комсомольский актив города в мастерские молодых художников В. Пославского, Н. Белянова, Л. Поповой и других, обсудить произведения В. Лалина и М. Стороженко, вернувшихся с трассы газопровода Нижневартовск—Томск—Кузбасс. На третьем—намечена встреча художников и артистов в выставочных залах, а затем в стенах драматического театра.

Члены молодежной секции Томского отделения Союза художников РСФСР ведут занятия в вечерней художественной студии, которая насчитывает около двухсот слушателей. Многие из преподавателей этой необычной школы участвовали в республиканской выставке «Молодость России» и во Всесоюзной—«Молодость страны». Молодые актеры руководят самостоятельными студиями и театрами в вузах и рабочих коллективах областного центра. Все это—естественное продолжение их творческого труда.

Томск, город издавна студенческий, научный, а теперь и крупный промышленный центр Сибири, имеет свои характерные особенности: он почти наполовину состоит из школьной, вузовской и заводской молодежи. Поэтому работа с творческой сменой здесь чрезвычайно многообразна, увлекательна и важна. Главное, на наш взгляд, заключается в том, чтобы каждый молодой творческий работник был активным бойцом идеологического фронта, находясь постоянно в гуще молодежи, живя ее делами и проблемами, впитывая в себя живительные соки нашей героической действительности. И силой своего таланта—писателя, художника, музыканта, артиста—воспитывал молодежь на лучших традициях партии, Ленинского комсомола, нашего великого советского народа. И тому мы, комсомольские работники, всегда готовы активно помогать.

Навстречу VII Всесоюзному совещанию молодых писателей

ПОЭЗИЯ

По законам природы

Звезда его дарования, может быть, ярче, чуть заметнее других звезд, только что вззошедших над полем современной русской поэзии. Ей всего несколько лет. Но молодой, во многом еще не окрепший свет уже отыскал многочисленные сердца читателей, дошел до глубины их чувств и запомнился сразу. Этот свежий, удивительно доверчивый свет вышел из желтых вечерних окон наших сел, из человеческого счастья и разлук, из самого большого на земле слова «мама». Этот свет юной и мужской жизни, свет настоящей самоутверждающейся судьбы.

Иду тропинкою своей
По всей планете.
И где больней, там и главней
Всего на свете.

Так говорит о своей жизненной, а значит, и поэтической дороге автор книги «О самом-самом» Николай Дмитриев («Молодая гвардия», 1978 г.). Мы видим, что лирический герой поэта — человек беспокойной, легкой судьбы, характер его живой, он из тех, что берут на свои плечи тяжелую ношу, выбирают в жизни единственную тропу, и характер этот изображен в большинстве случаев художественно зримо, осязаемо.

Читая, например, стихи «Он в полночь выходит пустую» во второй и третий раз, не перестаешь удивляться, как точно молодой писатель и человек находит детали, и точность эта, если говорить всерьез, не та приближительная (так это могло быть в жизни), на которую ориентируются часто приверженцы «тихой лирики», а иная, эмоционально ощущаемая, внезапно рожденная вдохновением.

Не будет проклятых вопросов —
Их поздно уже задавать,
Пчелой золотой папироса
Целует осеннюю гладь.

«Пчелу золотой папиросы», конечно же, выдумать невозможно. Для этого нужно чувствовать и знать природу слова. Вот, пожалуй, это именно то, что составляет, во-вторых, замечательную способность стихотворений Николая Дмитриева, если считать, во-первых, мужественный характер и стремящуюся состояться судьбу его лирического героя. Живопись — лексическая и образная — делает стихи Дмитриева запоминающимися, красочными. Кажется, что

перед тобой не черно-белый мир слов, как часто случается у молодых нынешних поэтов, а живой, реальный мир чувств, ощущений, мыслей, с присущими ему запахами, шероховатостями и угловатостями. Вот стихотворение «Холодают ночи, холодают». Всего в нескольких строках дан полновесный невыдуманный образ, образ, вызывающий сложные жизненные ассоциации. За яблоней мы видим небо, и траву, и даже незримые капли росы, которые появляются уже за точкой, после стихотворения. За нею же угадывается сложная связь человека с природой, с жизнью. «Холодают ночи, холодают! Выйду и антоновку сорву. Яблоки с мороза опадают в жухлую осеннюю траву. Опадают, с ветками прощаясь, бьют с размаху о земную грудь. Не прося у осени пощады, упаду и я когда-нибудь. Упаду и я, и мне приснится журавлиный клин в родном краю, и шепну о родине я птицам: «Берегите яблоньку мою!»

...Вторая книга всегда труднее первой. Идущая след в след за первой, она часто проигрывает в свежести, в экспрессии непосредственных жизненных мироощущений. В данном случае этого нет. «О самом-самом» — книга убедительная, невымученная, подтверждающая, что дерево поэзии Н. Дмитриева растет и развивается по всем законам творчества.

Петр БОРИСОВ

ПРОЗА

Поэзия трудовых будней

Книга прозы Владимира Истомина «Смолокур» («Современник», 1978 г.) вышла в хорошо зарекомендовавшей себя серии «Первая книга в столице». Как правило, поэтические и прозаические сборники из этой серии показывают читателю лицо не литератора-новичка, а вполне сложившегося автора, художественный и нравственный мир которого достоин пристального внимания и серьезного разговора. Именно к таким авторам относится, несомненно, и Владимир Истомина, за неторопливым и спокойным письмом которого вы ясно ощущаете выстраданность нравственных позиций автора: добро и совесть — вот главное, что ценит в человеке молодой писатель, и этими двумя качествами он как бы проверяет и испытывает на прочность почти всех героев своей книги.

Характерно также и то, что в большинстве своем герои Истомина — это люди труда, и труд человека, состояние его рабочей напряженности и одновременно трудовой одухотворенности занимают немалое место в пластике повествования Владимира Истомина. Как бы короток ни был рассказ в сборнике, стоящем и в самом деле из очень небольших по объему произведений, автор успевает немногословно, емко и зримо обрисовать не только человека, но и его дело, процесс труда, которым увлечен человек, и поэтому герои рассказа являются для нас вдвойне достоверными и живыми, мы их видим, слышим и ощущаем. Поистине молодому

писателю удается в прозе показать поэзию трудовых будней, за которыми встает человек, а за этим человеком стоит и сам автор с его нравственным и художественным кредо: будь сочувливым и твори добро.

На страницах его книги мы живаем с лесорубами и смолокурами, сплавщиками леса и перекладчиками, колхозниками и плотниками, студентами и детворой и в какой-то момент вдруг ощущаем, как правда полюбовавшегося нам героя становится нашей правдой. Прочитав повесть «Смолокур», мы вместе с главным ее героем Валентином как бы продвигаемся хотя бы на одну ступеньку выше в наших нравственных исканиях. А когда, казалось бы, уже в который раз в литературе мы читаем в рассказе «Вот придет Яшка...» грустное повествование о том, что так и не придет внук Яшка к своей одинокой бабушке, не придет даже на ее похороны, как искренне и очищающе для души мы мысленно подписываемся под той телеграммой, которую так хотел отправить сосед старухе ее внуку: «Подлец ты, Яшка!» Или вот в рассказе «Марковна» Владимир Истомина рассказывает нам совершенно просто и безыскусно историю о том, как на колхозное поле пал первый снег и никто уже не вышел выбирать картошку, и только Марковна, бабка «старого закла», без всяких слов пошла на поле и стала потихоньку наполнять ведро картошкой.

Безыскусность и простота почти всех рассказов Владимира Истомина обманчивы. Подробная простота рождается только тогда, когда писатель садится за стол не для художественных упрощений или изысков, а когда в душе у него выросло или созревает зерно истины. Тем и ценно первое серьезное выступление молодого писателя, что чувствуется: зрелость свою он подвергал требовательной проверке не однажды. И только уж потом рождались строчки для будущей книги.

Георгий БАЖЕНОВ

ПОЭЗИЯ

Помнить родство

Рождение стиха похоже на то, как разыгрывается оркестр перед началом концерта. Гомон, суета, невнятица звуков вдруг пронизывает чье-то чистая музыкальная фраза. И ты понимаешь, нет, предчувствуешь, что тебя ждет большая музыка...

Мелодия Ивана Слепнева звучит из детства. Если бы на последней странице обложки его книги «Костер в океане» («Современник», 1978 г.) не рассказывалось о том, что он родился и вырос в псковской деревне, а потом несколько лет отдал службе на Тихоокеанском флоте, понять это было бы совсем нетрудно. Поэт пишет о том, что знает не понаслышке.

Когда он пишет о своей родной деревне Лопатухе, об односельчанах, друзьях детства, родителях, с которыми живет или по крайней мере жил в разлуке, о скупой на карамельные краски северной русской природе, которую наблюдает, как и все прочие горожане, лишь ред-

кими наездами, — когда он пишет о былом, Иван Слепнев находит удивительные слова, простые и точные. В строке его проступает чуть заметная улыбка-усмешка, как под усами деревенского плотника, объясняющего дачникам про избу. В его речи возникает естественная и так много означающая недомолвка, словно говорит он со своими близкими, с теми, кому не надо долго растолковывать и без того понятное. И отпадает шелуха пафоса, потому что зачем же клясться в любви, когда достаточно в ней признаться. Как же можно не любить этот скворечник над хатой, как младшего братишку ее, и этот лес, вышедший навстречу весь в черном, чтобы разделить скорбь с другом, и этого деда Солоху, который на вопрос школьника, с кем вышел он из боя, вспоминает раньше всех про коня, и это солнце, похожее на красную моль на натруженной ладони неба. А все вернее пишет поэт о матери и об отце, тоже Иване и тоже, судя по черным шрамам войны, помнящем родство. Трудно так сказать о смерти мамы. Иван Слепнев сказал.

Поэту дороги воспоминания о море, романтика голубых путей дорог им прочувствована, выстрадана. И действительно, костер в океане — этому на первый взгляд хлесткому образу верши: свет костра явственно отражен в поэзии Слепнева.

Трудно предсказать, какая мелодия станет самой близкой, самой чистой в творчестве поэта: воспоминания ли детства, а может быть, шум моря станет ее лейтмотивом. Думается, Слепнев разберется. Ценно же то, что он не оставляет ни единой лазейки для выспренных, псевдоромантических восклицаний в своих стихах. Говорит об этом даже излишне, кажется, требовательно, остро: «Медленно, с болью солена накипь будет сходить с онемевшей души». Излишне потому, что солена накипь-то совсем ему несвойственна, онемелость души тем более.

У колыбели человека стоят родители — он обязан помнить их. У колыбели поэта стоят поэты — их он тоже не должен забывать. Есенин и Твардовский впрямую упоминаются в стихах Ивана Слепнева. Хорошо, что он нашел место и слова для обозначения своей поэтической родословной. И сделал это с тактом и чувством меры, не тая любви, но и не выпячивая ее.

Ивану Слепневу есть еще чему учиться у тех, кого он любит. И он уже многому у них научился: снайперской меткости пера, пишущего о важном, а главное — уважению и нежности к земле своей, к родне, к Родине.

Сергей ВИШНЯКОВ

ПРОЗА

В краю каменных берез

Суровый, мужественный край востока нашей Родины все больше привлекает писателей. Богатый материал для размышлений дает им не только освоение несметных природных бо-

гатств Сибири и Дальнего Востока, но и характеры покорителей этого «края земли».

Чувствуется, что для молодого прозаика Юрия Пшонкина Камчатка — воистину родная земля, а обитатели ее — моряки, геологи, рыбаки, охотники, ученые — благодатный материал для творческого вдохновения. Книга писателя «На Камчатке березы каменные» («Современник», 1978 г.) включает в себя одну небольшую повесть и шесть коротких рассказов. Но этого достаточно, чтобы почувствовать искреннюю любовь автора к этой земле, к трудовым свершениям людей, которые приросли к Камчатке и не мыслят своей жизни в ином краю. Вот почему произведение Пшонкина психологически насыщено, искренне.

Николай Водягин и Александр Торопыгин — два приятеля-моряка, герои повести «Когда человек проснулся», попадают в ситуацию, из которой находится лишь один общий «выход» — выпивка, бродяжничество, внутреннее одиночество. Читатель с первых же страниц поймет, что стержень произведения — тяжелый процесс перевоспитания человека. И хорошо, что автора не упрекнешь в дидактичности — повесть увлекает остротой сюжетной канвы, напряженностью действия, логически последовательными поступками ее главных героев, оказавшихся в беде. На пути Водягина оказываются две силы — сила педагогического таланта, доброты художника Ивана Ивановича и сила любви, красоты самопожертвования девушки Наташи, сумевшей рассмотреть в этом небрежно одетом, грубоватом на первый взгляд парне задатки сильной личности. Недаром Иван Иванович рассуждает: «В конце концов помочь человеку подняться на ноги, вернуть к нормальной жизни — это ничуть не меньше, чем нарисовать приличную картину или изваять скульптуру. Прописная истина? А чем они плохи, хоть и прописные?»

Повесть как бы нарочито разделена на двадцать главочек — двадцать этапов, ступенек в борьбе за душу человека; и, кажется, нельзя за столь короткий отрезок времени изменить психологию отношения человека к труду, к товарищескому долгу, к высокому помыслу, освещавшим в прошлом его жизнь. Но, прочитав повесть, отвечаешь: можно.

В рассказах автор также не морализирует, не впадает в сентиментальность, когда, кажется, есть для этого все «возможности». В трехстраничном рассказе — почти притче — маленькая Ирришка ждет погибшего в море папу и, в конце концов уже забыв его лицо и облик, дождается вернувшегося из далекого плавания «отца» — другого мужчину, которого ее мама выбрала себе в спутники жизни, и узнает в нем своего родного, того самого близкого папу. Вот и весь рассказ. Но оставляет он не «слезливое» настроение, а радость за возвращение к реальной жизни маленького человечка.

Юрию Пшонкину близка природа сурового камчатского края, настолько близка, что все не видится в том писательский прием, когда он связывает ее с судьбами людей: «Природа мудра: она торопится, спешит, чтобы и в этом красивом туманном краю, рожденном в судорогах землетрясений, все в ней было по порядку, по закону...»

В этой взаимосвязи, в этом единстве человека и природы видятся автору возможности больших свершений здесь, на «краю земли», где живут сильные, крепкие люди и растут «каменные березы».

Феликс МЕДВЕДЕВ

Маслов не понравился Косихину сразу. Еще издали Косихин увидел: рядом с тренером в какой-то ленивой, расслабленной позе стоит высокий парень. Слово он не с уважаемым человеком, не с опытным педагогом разговаривает, а с приятелем. И свитер на нем слишком яркий, Косихин бы такой никогда не надел.

— Может, журналист? О предстоящей работе берет интервью? Косихин пригладил волосы, — если журналист, тренер его наверняка представит. Или иностранец? Уж очень яркий свитер. А что, к Кутузову часто приезжают ума поднабраться. Сбивала с толку самоуверенность, с какой парень держался. Человек, который мало-мальски в спорте разбирается, не может не знать: Лев Александрович — известнейший в прошлом яхтсмен, чемпион. Косихин специально смотрел старые газеты, там про Кутузова часто писали. Иногда с фотографиями. Уже тогда он был с черной повязкой, закрывавшей правый глаз. Несчастный случай в детстве, как рассказали Косихину люди посвященные. За эту повязку и прозвали Кутузовым.

Косихин подошел уверенно, с тренером поздоровался за руку, парню кивнул. — Вот, матроса тебе привел, — сказал Кутузов и, сощурившись, посмотрел на выглянувшее из-за облаков солнце. — Давайте, пока погода есть.

Он прекрасно знал, как подействует его сообщение на Косихина, поэтому и скомкал церемонию знакомства.

Косихин не то чтобы растерялся... Еще когда он пытался угадать, кто это, журналист или иностранец, и другое мелькнуло: неужели Кутузов все-таки нового матроса нашел? Но всерьез думать об этом не стал, не мог поверить, что тренер на это решится.

Парень протянул Косихину руку и улыбнулся. Косихин не любил такие улыбки. Неискренняя насковозь. Ведь Кутузов, наверно, объяснил ситуацию. Знаешь, на чье место пришел. Знаешь, Косихин с Мальшевым не один год вместе ходили, а теперь Мальшева из команды попросили, а тебя взяли. Чего ж улыбаться-то? Неприятно было и то, что парень смотрел на Косихина с высоты своего роста, а Косихину пришлось задраить голову. Дурашливое у новичка было лицо — курносое и розовое, кукольное какое-то, как у петрушки. Совсем не хотелось Косихину его руку пожимать. Но понимал: тренер за ним сейчас наблюдает, ждет. И пожал.

В раздевалку Кутузов с ними не пошел. Рассчитывал, что разговор у них там завяжется сам собой, не хотел мешать. Как же, Косихин заговаривать и не собирался. Парень тоже никаких попыток к сближению не делал. Видно, хотел продемонстрировать свою независимость. Что ж, давай, давай, Маслов Алексей, — кажется, так он представлялся.

Не ожидал Косихин, что так быстро все повернется. Надеемся, попугает тренер Мальшева и позовет обратно. Соревнования на носу, а хорошего матроса где найдешь? Новичка какого-нибудь зеленого — так это явный проигрыш, провал. Да и кого искать, когда они с Мальшевым такой дуэт, такая слаженная пара? Ну, подумаешь, пропустил Витя несколько тренировок, ну, с кем не бывает? Может, у Витки неприятности были, вот он и сорвался. Так Косихин мысленно убеждал тренера, хоть сам знал: никаких неприятностей у Мальшева не было, просто разболтался Мальшев в последнее время. И Косихин строгостью Кутузова в душе даже доволен был, но только как острасткой, воспитательной мерой. А всерьез... Ведь пять лет они вместе с Виткой, сам же Кутузов их и вырастил...

Косихин натянул свои заплатанные болгарские джинсы, зашнуровал кеды, потопал, чтоб шерстяные носки расправились и ноги почувствовали себя удобно, и, не дожидаясь Маслова, вышел из раздевалки. Направился к бону, который деревянным перпендикуляром уходил от берега на залив.

Вдоль всего бона, по правую и левую сторону, стояли на приколе яхты. Их была третья от конца. Возле нее в задумчивой позе, сложив руки на груди, застыл Кутузов. Также мне — полководец! Косихин перевел глаза на яхту. Он каждый раз радовался встрече с ней. И она тоже нетерпеливо пританцовывала на маленьких волнах, словно издали заметила хозяина и ждала, когда же наконец ее отвяжут и выпустят на простор. «Сейчас, сейчас», — мысленно успокаивал ее Косихин.

...Ветер задувал со стороны бона, так что особых сложностей с постановкой парусов не возникало. Пусть бы ветер дул с залива, наваливая яхту на бон, вот тогда Косихин посмотрел бы, как Маслов справится. сразу бы стало ясно, на что он способен.

Стаксель, маленький парус, приготовили быстро. Но главное — поставить грот. Маслов подбивал фал, парус полз вверх по матче, как знамя в пионерском лагере на линейке. Косихин вставлял в специальные вышитые мешочки плоские дощечки-латы. Они придавали парусу упругость, твердость, не давали провисать.

И все молча.

Грот натянулся треугольником и затрепетал на ветру. Маслов быстро закрепил фал и вопросительно взглянул на Косихина.

— Давай носовой, — сказал Косихин.

«Сейчас мы тебя погоняем», — не то со злостью, не то с азартом подумал он. Косихин уже захмелел от ветра, от свежего запаха парусов и открывшегося простора, — с ним всегда так бывало, когда он выходил на воду. Косихин глубоко вдохнул влажный воздух, почувствовал, как сладко закружилась голова, и вкрадчиво скомандовал:

— Вейдевинд!

Он требовал еще и еще поворотов, новичок едва поспевал за командами. Но все у него получалось. Не так гладко, как хотелось бы Косихину, однако с работой матроса парень справлялся, и неплохо. И Косихин забыл, что экзаменует: восторг гонки был сильнее желания подловить на ошибке.

Яхта задорно врзалась носом в упрямо накатывавшие спины волн, словно вела с ними бой, словно хотела разбить их бесконечную армию наголову, — еще одна, еще одна, так их, так их, только брызги летят, неслась она по заливу, как по полю брани, с победой, поднятым парусом! И он, Косихин, нацеливая ее на неприятеля, она была послушна ему. А рядом действовал помощник — понятливый и расторопный, они прокладывали путь к победе.

...И только когда пристали, сообразил, к кому испытывал товарищеские чувства, и ощутил вину перед Мальшевым. Но и о Маслове теперь не мог думать только плохо, должен был признать: парнишка свое дело знает.

Когда шли к раздевалке, Косихин спросил:

— Ты откуда?

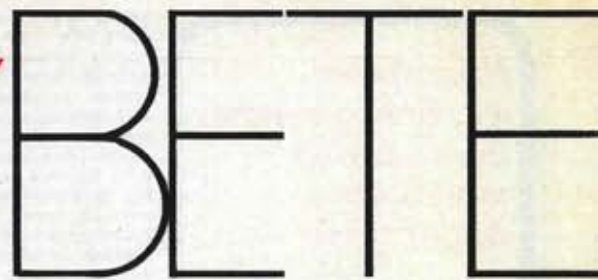
— Институт связи.

— Я не о том. Где Кутузов тебя нашел?

— Он меня с детства знает, — сказал Маслов. — А тут позвонил, попросил приехать, попробоваться.

— А-а, — протянул Косихин. — Ты у кого раньше-то тренировался?

Навстречу VII Всесоюзному совещанию молодых писателей

Андрей ЯХОНТОВ

РАССКАЗ

— Ни у кого. У меня яхта своя была.

И больше Косихин ни о чем не спрашивал. «Своя яхта». Понятно!

Косихин чуть приотстал и сбоку повнимательнее взглянул на новичка. Лицо ленивое и совсем не волевое, не такое лицо должно быть у спортсмена. И лопухий, уши на солнце красным просвечивают. И эта его небрежная походочка...

Маслов переоделся, попрощался: Косихин специально задержался в раздевалке, чтобы не идти до электрички вместе.

Кутузов поджидал его в коридоре. Собственно, и не поджидал, а так, прогуливался.

— Ну, как тебе? — спросил он.

— Умеет, — коротко отозвался Косихин.

Кутузов, видно, хотел уютного примирительного разговора, но Косихин узнал о следующей тренировке и попрощался.

В тот же вечер Косихин позвонил Мальшеву. И разговор, конечно, получился неприятный. Косихин сразу Мальшеву сказал:

— Кутузов нашел какого-то пижона, но профессионала.

— Ну что, старик, — сказал тот, — надо тебе решаться. Уходи и ты и ставь условия: вернись только с Мальшевым.

— Ты извини, Витя, — сказал Косихин. — Можешь обижаться, но команду я в трудную минуту не брошу.

— Эх ты! — сказал Мальшев.

— И ты бы не бросил, — не слушая его, продолжал Косихин.

На следующий день, едва завидев новенького, Косихин распылился в улыбку. Так и шел ему навстречу, следя, чтоб она не сползла с лица. Маслов ему тоже улыбнулся, и у Косихина отлегло — значит, не успел обидеться. И тренеру Косихин сказал, что напарника тот нашел просто отличного, одно удовольствие с ним работать.

У наигранной доброжелательности Косихина, впрочем, была и другая причина: уж если выпало эту регату проходить с новичком, то нужно максимум сделать, чтобы успеть «сыграть». Косихин даже в заслугу себе ставил способность ради большой цели свое «я» усмирять.

Всего на соревнования ехали семь человек: команды двух «Летучих голландцев», одного «Звездника» и Кутузов. За день до отъезда он раздал железнодорожные билеты. В одном купе — Косихин, Маслов и двое молодых парнишек, их впервые взяли на регату. В соседнем — Кутузов с мастерами Ивановым и Буравкиным.

Встретиться договорились на вокзале, перед главным входом.

Косихин приехал первым. У него было неважное настроение. Хотел, чтобы жена проводила, но ее нагрузили срочной работой. Вторым подошел Кутузов. Третьим Маслов. В одной руке он нес большую спортивную сумку, в другой — гитару.

— Ты чего это? — удивился тренер.

— Привык с ней ездить. В стройотряд, в походы.

Появились остальные. Отнесли вещи в вагон и вышли на платформу. Шестеро ребят — подтянутых, красивых, и пожилой крепкий мужчина в прекрасно сшитом сером костюме. Кажется, все, кто проходил мимо, догадывались, что это спортсмены, и взгляды наполнялись любопытством и уважением.

Объявили отправление.

— Быстрой, быстрой, мальчики, — торопила их проводница, когда они по очереди шагали в тамбур.

В своем купе Косихин чувствовал себя асом. Подмигнул Валовичу, подвижному, худенькому, белобрысому — на вид совсем мальчишка. Тот тоже подмигнул в ответ, и Косихина такое панибратство насторожило. Не понимает, что ли, что Косихин старше и опытней и вести себя с ним надо посдержанней? Партнер Валовича Цегельник как сел, так устался в одну точку. Извятие. Маслов флегматично позевывал.

Поезд тронулся.

Они сидели и смотрели, как постепенно изменяется за окном пейзаж: вот уже деревянные домики пошли, и зелень, и пригородные станции; приближаясь к ним, электровоз длинно гудел. Изредка перебрасывались репликами: ничего серьезного, обычные в таких случаях слова.

Стемнело. Окно, в котором возникали эти картины, словно ослепло. Они задержали белую накрахмаленную занавеску, в купе сразу стало уютно.

— Ну что, — сказал Косихин, — будем располагаться?

Он открыл чемодан, достал шерстяной тренировочный костюм.

Ребята тоже полезли в чемоданы.

— Елки-палки, — Маслов обескураженно откинулся на полке, — я олимпийскую забыл!

Косихин отреагировал не сразу. Мысль его забежала вперед. Он о предстоящих тренировках и соревнованиях подумал. Спортсмен — и без тренировочного?

Пришла проводница, проверила билеты. Спросила, будут ли они пить чай.

— Конечно, и побольше. Стаканов двадцать, — пошутил Косихин.

— А как вас зовут, девушка? — спросил Маслов.

— Слава. — Улыбка у нее была очень милая.

— Я думаю, это предзнаменование, — сказал Маслов. — Это значит, с соревнованиями мы со славой вернемся.

«Как же, с тобой будет слава!» — Косихин отодвинул свою половину занавески,

Р С Ю О Г А

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

прижался лбом к прохладному стеклу. Изредка в темноте проплывали точки дальних огней.

Слава принесла восемь дымящихся стаканов в легких подстаканниках.

— Мы хотим, чтоб вы с нами посидели,— сказал Маслов.

— Нет, что вы, спасибо. Мне работать нужно.

— Я с вас слово беру, что вы к нам придете.

— Обещаю.

Все засуетились, полезли в сумки, чемоданы, начали выкладывать провизию.

Такое застолье Косихин обожал, что-то было в этом от дома,— вот сидит дружная семья, чаем вечеряет...

— Кто бы мог подумать!— Валович ерошил свои коротко остриженные волосы.— Первая моя регата! Как я об этом мечтал. Слушай,— он посмотрел на Маслова,— а правду говорят, у тебя своя яхта была?

— Правда,— сказал Маслов,— отчим подарил. Я совсем еще мальчишкой был, путешествиями бредил. Книгу о Джошуа Слокэме прочитал, он первый на яхте вокруг света прошел.

— А мне родной отец запрещал в спортивную секцию ходить,— сказал Валович.— Во-первых, из-за двоек в школе, а во-вторых, из боязни, что утону.

— Ну и как же ты?— спросил Косихин.

— Врал. А он потом узнал и ремнем. Как послушаешь, какие отчимы бывают... А потом куда яхта делась?

— Продали,— ответил Маслов.

— Почему?

— Отчим умер. С деньгами тяжело стало. Я сперва не хотел, я привык к ней. «Торнадо» называлась... Мать у меня очень больная...

На какое-то мгновение Косихин ощутил к Маслову чувство почти родственное. Ведь подумать, так все они, все четверо, из одного теста. Кого-то отец не пускал на тренировки, у кого-то не было отца, а его, Косихина, отец, наоборот, всячески поощрял увлечение сына спортом. И все же при всех различиях сейчас они вышли на одну стартовую линию. И вместе они должны были победить.

Повинуясь этому внезапно нахлынувшему чувству родства, Косихин заговорил о себе. О своем детстве, о том, как ездил к бабушке в деревню, о родителях, которых очень любил, о том, как они купили ему к выпускному школьному вечеру первый костюм; о Лене, как он познакомился с ней в позапрошлом году на вечере студенческой песни, и о том, какая она у него замечательная.

Косихин говорил искренне и все-таки заранее обдумывал, как лучше сказать, чтобы именно Маслову понравилось, добивался симпатии, понимания с его стороны. На Косихина иногда находило такое: когда снаружи, как сейчас, в этом купе, и внутри, в душе, устанавливалась одинаковая температура,— и тогда он чувствовал ко всем расположение почти сентиментальное и хотел, чтобы такое же расположение почувствовали к нему.

— Знаешь, Леш,— сказал Косихин,— я ведь второй тренировочный захватил. Я всегда два с собой вожу. Он, правда, старенький, но, я думаю, ничего, сойдет. Тебе же не в театр в нем ходить...

И тут в купе вошла Слава. Села, приготовилась слушать. Она была сейчас из другого мира, она была холоднее и нарушала их единство. Еще час назад они бы, наверное, наперебой принялись ухаживать за ней, но теперь настроение было совсем иным.

— Вы что замолчали, мальчики?— спросила она.— Я вам помешала?

— Да что вы,— сказал Маслов,— нам без вас было очень скучно.

Косихину стало обидно. Разве можно так легко об откровенности забывать?

— Что вы спортсмены, я уже знаю,— сказала Слава.— А какой вид спорта, что за соревнования?

— Яхта. Первенство ЦС,— сказал Маслов.

Косихин пояснил:

— ЦС— это центральный совет нашего общества. Мы соревнуемся с командами нашего же общества из других городов.

— Как интересно,— сказала Слава.— Я бы так хотела поболеть за вас. Но я с этим поездом обратно.

— А вы оставайтесь,— сказал Маслов.

— Не могу. Как же я пассажиров одних отправлю?

— А что они, маленькие, что ли?— сказал Маслов и засмеялся.

— Скажите, а победить трудно?— спросила Слава.

Вопрос этот она должна была адресовать Косихину, по всем данным отвечать должен был он.

— Очень тяжело,— первым успел Маслов,— я вот случай помню. Коля, где это было? В Николаеве, что ли?— Он взглянул на Косихина, не дождался поддержки и продолжал:— Да, в Николаеве...

Косихин смотрел на него, будто видел впервые. Да как он может— он!— рассказывать о соревнованиях? И ради чего? Чтобы девчонке понравиться?

— Извините,— ледяным тоном произнес Косихин.— Мне нужно к тренеру.

Гостиница оказалась той же, в которой останавливались на прошлой регате,— старое здание унылого, серого цвета. Новые дома к нему подкрадывались со всех сторон, но вплотную подойти не решались.

Всех поселили на четвертом этаже. Кутузову дали отдельный номер, остальным— двухместные. Комната Маслова и Косихина выходила на солнечную сторону. Переступив порог, Косихин зажмурился от яркого света. Поставил чемодан возле своей кровати, распахнул окно, чтоб выветрился запах казенного имущества, обязательный во всех гостиницах, попил из графина теплой, противной воды и только после этого вполне ощутил, что обжил помещение.

Маслов прямо в одежде растянулся на чистом постельном белье. Воспитание— хоть куда! Косихин вздохнул и вышел в коридор.

Сперва он заглянул к Иванову и Буравкину, покрутился у них, погрыз леденцов— мастера обожали леденцы, на столе стояла большая круглая коробка, в ней, как разноцветные стекляшки, светились конфетки.

Потом навестил молодых. Валович был в душе, а из Цегельника слова клещами не вытянешь. Помолчали, помычали, Косихин не выдержал, ушел.

Маслов лежал на постели все в той же позе.

— Коль,— сказал он,— ты мне тренировочный обещал. А то брюки мнут.

И так беззаботно натянул этот костюм, будто Косихин специально для него и тащил олимпийку.

За обедом Кутузов сообщил: яхты уже привезли, но не сгружали. Первую тренировку проведут завтра. А пока нужно съездить посмотреть дистанцию: «чужая» вода ведь.

По дороге к водному стадиону встретили команду из Ленинграда. И это была первая радость. Ребята знакомые, сколько раз виделись на соревнованиях, сборах. Виктор Сысоев, Андрей Большаков, Петя Зорин, Семен Григорьев, тренер Михайлов, молодой, лет сорока, Кутузов говорил, очень толковый.

— Ну, как жизнь?— спросил Кутузов.

— Плохи дела, ветра нет,— пожаловался Большаков.— Второй день мы здесь, а погода не меняется.

Эта информация всех успокоила— значит, даже если бы яхты успели спустить на воду сегодня, хорошей тренировки все равно бы не получилось. А раз так, можно отдохнуть и не считать день потерянным. Поболтали о том о сем. Между прочим Большаков спросил о Мальшине.

— Заболел он,— хмуро ответил Косихин и посмотрел на Кутузова. Тот будто не слышал, вел беседу с Михайловым.

К заливу шли через парк. Старые деревья поблескивали на солнце нежными, светло-зелеными листочками. Еще не успела налипнуть вязкая городская пыль.

На воду они смотрели с высокого берега, от эллингов. Три красных буй расставлены треугольником. По периметру десять миль, стандартная дистанция. А посредине, как бабочка-капустница со сложенными крыльями, покачивалась одна-единственная яхта. На противоположном берегу, между высоковольтных вышек, словно контуры крыш восточных пагод, провисали провода.

— Ну, ладно,— сказал Кутузов.— Мне теперь по делу нужно. К ужину не опаздывать.

Следом уехали Иванов с Буравкиным. На берегу остались младшие члены команды.

— Какие предложения?— спросил Косихин.

Как самый опытный из присутствующих, он должен был взять инициативу на себя.

— Мы здесь в первый раз,— сказал Валович.

— Прекрасно, значит, нужно город осмотреть,— обрадовался Косихин.

Но прежде заехали в гостиницу: Валович хотел взять свой фотоаппарат.

Внизу, в гостиничном холле, Маслов плюхнулся в кресло.

— Что-то мне неохота подниматься. Коль, захвати там мою сумку, ладно?

Когда Косихин спустился, рядом с Масловым сидела девушка.

— Познакомьтесь,— сказал Маслов.— Это товарищ по команде Коля Косихин. Замечательный спортсмен, чемпион.

— Хватит, хватит,— польщено буркнул Косихин.

— А это Катя из хореографического ансамбля.

— Из какого?

— Мы из Сибири. Приехали сюда выступать.

Молоденькая, губы еще по-детски припухлые. Держалась она очень прямо, если бы не сказали, что из ансамбля, Косихин подумал бы— гимнастка.

— Вот я и говорю,— подхватил Маслов.— Почему бы Кате не пригласить нас на свое выступление?

— Леша, я же вам объясняю, сегодня концерта не будет.

Подошли ребята, Маслов их тоже представил.

— Так что, двинулись?— спросил Косихин.

Маслов лениво потянулся.

— Я, пожалуй, никуда не пойду.

Косихин водил ребят по городу. Вышли к кинотеатру. Яркая афиша рекламировала новый фильм.

— Отличный,— сказал Косихин.— Мне жена говорила. Пошли на семь? В шесть ужин, к семи как раз успеем.

— Пошли.

— Не знаю только, стоит ли Маслову билет брать,— осторожно подал мысль Косихин.— Я боюсь, он не с нами, а с Катей вечер собирается провести.

— Нет, взять надо,— не согласился Валович.— Ты же сам говорил: мы одно целое. Его дело выбирать.

Но целого не получилось. Кутузов этот фильм видел, Иванов с Буравкиным сослались на важную встречу в местном яхт-клубе, а Маслов вообще предложил поход в кино отменить. Он с девочками из ансамбля договорился, после ужина в гостиничной комнате отдыха они для команды небольшое выступление организуют. И самое гадкое: Валович с Цегельником на его приглашение клюнули.

Маслов и Косихина начал было агитировать.

— Я принятых решений не меняю,— отрезал Косихин. И Маслову ответил и молодым дал понять, какого о них мнения.

Фильм действительно был хороший. Временами Косихин начинал жалеть, что ребята не могут разделить с ним удовольствия. Но тут же вспоминал об их измене.

После сеанса решил немного пройтись. Вечерний воздух будто подсинили, он сделался матовым и густым. Так темнеет только весной. Становилось прохладно. На каждом углу торговали мороженым. Косихин купил твердый, как деревяшка, пломбир, откусил. Нестерпимо заломило зубы, Косихин сразу озяб. Но это было даже приятно— ненадолго продрогнуть.

В гостинице Косихин взял у портье ключ, поднялся в пустой номер. Лечь спать? Но он знал, что не уснет. Все-таки интересно, как там у них? Взять и войти, будто за советом к тренеру. Совет срочный нужен. Нога, например, болит, есть подозрение, что к соревнованиям совсем разболится. А что— вполне вероятный предлог. И тут же строго осадил себя: еще чего, унижаться, придумывать небылицы!

Вдруг дверь распахнулась, вбежал Маслов.

— Ты чего здесь?— удивился он.— Пойдем туда, там отлично. Фильм-то понравился?

— Понравился.

— Ну пошли,— пропустил мимо ушей его ответ Маслов.— Я за гитарой. Сейчас играть буду.

«А почему бы и не пойти?— подумал Косихин.— Я ведь уже в кино был, а теперь вернулся и имею право делать, что хочу. Захотел вот на их времяпрепровождение взглянуть. Тем более, что не сам напрашиваюсь, а за мной пришли».

Он медленно вышел из номера. Маслов с гитарой уже убежал далеко по коридору и нетерпеливо оглядывался, давая понять, что нужно поторопиться.

Косихин вошел и остановился на пороге. Глаза не сразу привыкли к полумраку. Сперва он видел только пламя двух свечей—откуда они здесь взялись?— и неясные тени, потом начал различать лица. В темном углу, в одиночестве, как филин, неподвижно сидел Кутузов. И Иванов с Буравкиным были здесь. То ли вернулись из своего яхт-клуба, то ли не ходили. Валович и Цегельник скромно устроились возле выключенного телевизора. Увидели Косихина и призывно замахали руками. Он сделал вид, что не заметил.

А девчонок, наверно, человек десять. Косихин мог рассмотреть только тех, кто был ближе к столу, к свечам. Он видел: девочки перестали болтать и с интересом на него уставились. Новый человек появился.

— Садись сюда.— Маслов показал на стул возле себя. По другую сторону от него сидела Катя. Косихину она улыбнулась, как старому знакомому.

Девочки попросили спеть что-нибудь о любви, и Маслов запел о золотистом клене, который влюбился в белую березу. Потом Катя просила— Маслов пел для нее. И чем больше Косихин его слушал, тем грустнее ему становилось. Он не мог уяснить природы этой грусти: то ли о жене— жаль, что ее нет здесь, рядом, то ли о Витке Мальшеве— он, так к этой регате готовился и так нелепо все получилось, то ли о себе— он вдруг почувствовал себя одиноком в этой комнате.

— Знаешь,— сказал Косихин,— спой эту, про бригантину, про паруса.

Замечательные слова в этой песне. Какие, должно быть, мужественные люди пели ее, отправляясь в плавание. Они были честные и благородные, чем-то похожие на четырех мушкетеров. Косихин любил их, он и сам принадлежал к их славному роду: тоже не раз поднимал паруса, не раз рисковал и презирал уют.

А как здорово Маслов пел! Нет, все-таки неплохой он парень, этот Маслов.

— Ребята,— вдруг раздался строгий голос Кутузова.— Ребята, спать пора.

Никто даже слова не успел сказать, сразу поднялись Иванов и Буравкин, включили свет. Косихин зажмурился. Вот черти дисциплинированные! От яркого света изменилось настроение— будто после праздника наступили будни.

— Ну, еще чуть-чуть,— не отпусkali их девочки.

— Нет, нет, у нас режим,— с непроницаемым лицом отвечал Кутузов.

— Алеша,— позвала Катя. Маслов остановился. Они отошли в сторонку, о чем-то тихо заговорили.

— Очаровательная дама,— громко сказал Кутузов,— завтра договорите.

Кутузов развел всех по номерам— так гусей загоняют в сарай.

Маслов с Косихиным сели на свои кровати друг против друга. Косихину хотелось как-то отблагодарить Маслова за этот вечер.

— Слушай, расскажи об этом, как его... Слейтоне,— попросил он. Знал: Маслову просьба должна прийти по сердцу.

— О ком?— не понял Маслов.

— Ну, ты в купе рассказывал. Помнишь?

— А, Сложм. Конечно, расскажу. Только, знаешь, мне сейчас уйти нужно.

— Куда?— удивился Косихин.

— Я обещал к Кате заглянуть. Она ждет. Неловко ее обманывать.

Косихин испытал огорчение и ревность, но тут же простил Маслова, не мог не простить.

— Смотри, чтоб Кутузов тебя не поймал,— сказал Косихин.

Потом медленно расстелил постель. Лег. Выключил свет.

Косихин проснулся сразу, хотя и без обычного ощущения бодрости. На часы он мог не смотреть, наверняка знал: ровно шесть.

Утро было великолепное— прохладное, ясное, чуть сыроватое. Солнце только-только поднималось, неуверенно розовело небо на востоке. И всю гомонили птицы.

На улице, у входа, уже стоял Кутузов, а возле вертелось четверо ребят. Все в голубых олимпийках, подвижные, нетерпеливо ждущие, когда тренер позволит начать зарядку.

— А где Леша?— спросил Кутузов.

— Спит еще,— сказал Косихин.

— То есть как это спит?

Косихин замаялся.

Кутузов, не мигая, смотрел на него своим серым холодным глазом. Изучал. Ждал. Косихин покраснел.

Все еще чувствуя на себе этот взгляд— он будто в самую душу вошел,— Косихин помчался в номер.

— Эй, ты, барон, вставай! Ждут тебя все уже полчаса!

Маслов сладко потянулся.

— Такой сон снился...

— Где ты вчера гулял?— не утерпев, спросил Косихин.

— Ты спроси, где я не гулял. Я даже дистанцию, которую нам пройти предстоит, Кате показывал. Правда, в темноте ничего не видно.

Ребята уже начали зарядку. Стояли перед Кутузовым, повторяли за ним упражнения. Косихин к ним присоединился. Когда заканчивали приседания, вышел Маслов. Никто ему ни слова не сказал. Настрой к нему, чувствовалось, недобрый.

После пробежки— пять раз вокруг корпуса— Кутузов Маслова задержал. Косихин из холла, сквозь стекло, наблюдал, как тренер распекал лодыря и соню. То-то, в другой раз неповадно будет гулять по ночам.

Сразу после завтрака отправились на тренировку.

Пока шли по бону, только успевали раскланиваться и пожимать руки. Знакомые все лица. Для Косихина это третья регата, а для Иванова и Буравкина, наверно, двадцатая. А вот Маслов кивал, улыбался, а никого не знал.

Их яхты стояли рядом с ленинградскими. Пока возились со снаряжением, одна ленинградская яхта отвалила, вторая вышла в залив одновременно с яхтой Косихина и Маслова. Большаков и Зорин специально подгадывали, хотели до регаты силами померяться. Что ж, они этот вызов приняли.

Ветер то и дело закисал, лавироваться было очень тяжело.

— Может, рискнем, уйдем в сторону?— спросил Косихин.

Маслов кивнул.

И черт их дернул испытывать судьбу. Понадеялись: вдруг повезет, вдруг заполучат выгодный заход ветра...

А ленинградцы помаленьку продвигались вперед, разрыв увеличивался. Когда Косихин с Масловым отчаялись ждать и взяли за ум, те уже имели приличную фору.

И снова вместо того, чтобы спокойно выбрать верное направление, засуетились— быстрее, быстрее, но на коротких галсах скорости не наберешь. Чем настойчивее они яхту подгоняли, тем упрямей она тормозила движение. Уже и Валович с Цегельником, которые вышли позже них, обогнули последний знак, а они все вымучивали по сантиметру.

После ужина Кутузов попросил их заглянуть к нему в номер.

Сели на краешек застеленной желтым одеялом постели. Боялись смять. Он не сразу заговорил. Долго хмурился. И нос с горбинкой стал острее, злей.

— Вы за чем сюда приехали? Загорать? Два здоровых лба, а все дюймовочек из себя строите. Нашли время. Я вам сразу говорю, милые мои, если завтра на тренировке ленинградцев не сделаете, на регату и выходить незначем. Можете себе навесить и лететь отсюда подальше...

Они вышли от тренера очень сосредоточенные, собранные, готовые прямо сейчас, немедленно вступить в борьбу.

Спустились к завтраку. В ресторане, одна за столиком, сидела Катя.

— Мальчики, садитесь ко мне!

— Извините,— ответил за двоих Косихин.— Мы с ребятами.

Катя мельком на него взглянула и протяжно посмотрела на Маслова.

— А чего?— сказал Маслов.— Какая разница, за каким столом?

Когда Косихин с ребятами, позавтракав, выходил из зала, Маслов все еще сидел с Катей. Она что-то горячо говорила, он внимательно ее слушал.

Поднялись в комнаты, захватили спортивные сумки и спустились вниз. Ждали Маслова.

— Черт его дери,— наконец не выдержал Кутузов,— Коля, сходи, приведи его в чувство.

Косихин заглянул в ресторан. Маслова там не было.

Подождали еще несколько минут.

— Мне кажется, Лев Александрович, необходимо провести собрание,— сказал Косихин.— Надо обсудить такое безобразное поведение.

— Коля! — оборвал его тренер. Он не хотел устраивать выяснения теперь, нервировать ребят перед гонкой. Но Косихин удержаться не мог.

— Все ему позволено! Скоро на голову сядет!

...У входа в эллинги их ждал Маслов. Ребята прошли мимо. Косихин замедлил шаги.

— Почему заставляешь команду волноваться? Почему мы должны тебя ждать? — Кутузов говорил сдержанно, но чувствовалось, спокойствие дается ему с трудом.

— Извините, — сказал Маслов.

— Нет, ты объясни. Ты что, не уважаешь коллектив?

Дольше Косихину задерживаться было неловко, и он прошел вперед, но начало ему понравилось.

У бона его нагнал Маслов.

— Кутузов на меня набросился, — видимо, ожидая сочувствия, заговорил он. — А знаешь, почему так получилось? Катя попросила ей чемоданы вынести. Тяжелые. Они уезжают сегодня. А когда я ей помог, смотрю, вас уже нет. Я в такси — и сюда.

Маслов взглянул на Косихина. Тот знал, что лицо у него в этот момент злое, но менять выражения специально не стал. И Маслов понял, замкнулся, больше не проронил ни слова.

Опять был шторм, светило солнце, но по воде проходила короткая крутая зыбь — предвестница ветреной погоды. Ленинградцы сидели в снаряженной лхте, поджидали их, конечно, но делали вид, что отлаживают руль. «Подождите, подождите, голубчики». Они готовили яхту, отдали носовой. Ленинградцы отвалили тотчас же вслед за ними.

Рядом лавировали еще несколько яхт, но они следили только за ленинградцами.

Маслов старательно работал на шкотах. Задул ветер, ленинградцы замешкались с выбором галса, и Косихин с Масловым сразу их опередили. И дальше все у них получалось лучше. Но не было истинной спаянности, а лишь ее видимость, будто каждый участвовал в гонке сам по себе.

Они достигли последнего знака и сбавили скорость. Это была победа, но безрадостная. Напрасно Косихин убеждал себя, что выигрыш очень важен, что завтра, на регате, они покажут и не такой класс. Впервые после победы он испытывал не восторг, а разочарование.

Ветерок приятно охлаждал разгоряченное тело. Солнце пригревало все сильнее. В маленьких волнах словно переливались «слизки серебра». Только там, где лежала тень от яхты, вода была спокойной и мрачноватой. Вдалеке, похожие на огромных водомеров, скользили «скифы».

Косихин с завистью смотрел на противоположный берег. Там на желтом песке мельтешили человеческие фигурки — играли в волейбол, выходили из воды, входили в воду, лежавшие переворачивались с боку на бок. Даже издали было видно — тела у людей бледные, незагорелые. Еще не успели в этом году как следует погреться на солнце.

— Может, пристанем на полчаса? — сказал Маслов. — Искупаться охота.

— Кутузов нас ждет, — упрямо ответил Косихин. Он избегал встречаться с Масловым взглядом.

— Брось ты, Коля, честное слово! — Маслов сел в кокпит — углубление в палубе. — Что ты кипишь все время? Ведь регату нам все равно вместе проходить придется.

Косихин промолчал.

Маслов перебросил стаксель. Косихин взялся за руль. Шли к небольшой бухточке. Какой-то мужчина что-то кричал, стоя у самой воды, и размахивал руками. Может быть, он приветствовал их как победителей, но ветерок относил слова. До берега оставалось совсем немного, когда ветер вдруг стих, и Косихин явственно различил слово «провода». Он сразу посмотрел вверх и, вздрогнув, отшатнулся.

В тот же момент сверкнула ослепительная, холодная вспышка. Косихин сжался, единственная мысль — предупреждение плеснулось в голове — не задеть какую-нибудь металлическую деталь. И тут же он увидел: мачта отошла от проводов. Нельзя было терять времени. Косихин бросился в воду. Маслов тоже.

...Они стояли на берегу и, как замороженные, наблюдали: яхта раскачивалась, мачта то отдалялась от проводов, то прислонялась к ним — и когда это происходило, бенгальские вспышки с треском разрывали воздух, обжигали Косихина холодным пламенем изнутри.

— Сейчас загорится, — сказал кто-то у него за спиной.

Косихин оглянулся, ненавидяще посмотрел на говорившего и боковым зрением успел заметить: Маслов схватил лежавший неподалеку обломок доски и, разбрызгивая воду, сначала побежал, а потом поплыл к яхте.

— С ума сошел! — крикнул Косихин.

Маслов не оглянулся. Подплыв к яхте, он уперся обломком в борт, пытаясь сдвинуть ее.

Косихин ясно представил, что сейчас произойдет, но было уже поздно. Яхта снова стала наваливаться на провода. Маслов по-прежнему нажимал доской, она соскользнула с полированной поверхности, Маслов по инерции подался вперед. Косихин зажмурил глаза, а когда открыл, Маслова нигде не было. Косихина обступила тишина, а потом в сознание ворвались крики людей, чаек, отдаленный шум мотора.

Косихин рыбкай врезался в воду. Он нырял и всматривался в зеленоватую прозрачность. Всплывал, захватывал воздух и снова погружался.

Рядом ныряли люди.

В какой-то момент он чуть не провалился в глубину, его словно магнитом туда потянуло. Он с трудом выпаркабался, перевел дыхание и с безразличием подумал, что мог сейчас утонуть. Это безразличие его испугало, он быстро, удирая от таящейся там, под ним, опасности, поплыл к берегу, изо всех сил работая руками и ногами.

Он вылез на берег и растянулся на песке — теплом, почти горячем, — согреваясь и дрожа все сильнее и сильнее. Его вдруг все перестало интересовать, он хотел поглубже зарыться в песок. И тут откуда-то издали послышалось: «Нашли, нашли». Косихин приподнялся, взглянул в ту сторону и увидел: двое мужчин осторожно, будто ребенка, выносили на берег третьего.

Он встал и пошел к ним. Ноги вязли в песке, и ему почему-то представилось, что он идет по пустыне — один, хотя прекрасно видел перед собой людей. Он торопился и в то же время старался замедлить шаги. Он и хотел узнать, как там, и боялся. Он словно со стороны наблюдал за собой — вот так идущим быстро и в то же время медленно, и глаза у него при этом взгляде со стороны почему-то были большие и белые, как блюдца. А все вдруг повернулось к нему, расступились, давая дорогу, и там, в конце этого образованного людьми прохода, он увидел лежащего на песке человека.

Навстречу VII Всесоюзному совещанию молодых писателей

Человек живет, и вдруг с ним случается чудо. Он внезапно удивляется траве, небу, знакомым лицам. Когда случается с кем-нибудь такое, он начинает мерить и себя, и свое прожитое, и весь мир мерой этой первоначальной удивленности. Вот почему меня обрадовала встреча со стихами Ирины Кир-

сановой — встреча с миром удивленного и восхищенного сердца. Она еще только начинается. Это еще не полет. Это ожидание полета. А затем — взлет. Но взлет по какой-то своей особой траектории, когда еще и земля рядом, и тут же — на крыльях — в небо:

Летел, летел над улицей широкой
Горящий клин московских фонарей.

Ира — студентка Литературного института имени Горького. Она была участницей IV Общественного и рекомендована на VII Всесоюзное совещание молодых писателей. Это ее первая публикация.

Владимир ЦЫБИН

Ирина КИРСАНОВА

— Какую птицу любишь?
— Соловья.

Он здорово поет. И все же я
Люблю тебя,
простая серая ворона.

Люблю я громкое, с надрывом «карр»,
Походку —
неуклюжую слегка,
Люблю, когда ты на снегу чернеешь,
Люблю, что петь совсем ты не умеешь.

Летят вороны в небе голубом,
Идут зимою по замерзшим кочкам...
Живут они,
не думая о том,
Сложил ли кто-нибудь о них хоть строчку.

Туман стекал по запотевшим стеклам,
Как корабли,

затапливал дома.
И все ж октябрь был на редкость
теплым,
И, может,

будет теплою зима.
Да что зима?!
О ней пока что рано!
Еще снежинки тают где-то там,
А в окна,

золота лучами рамы,
Заглядывает солнце по утрам.

Еще девочки в классики играют,
Но дождь квадраты белые стирает —
И в этом только осени вина...
А может, будет теплою зима?

Осень

Она брела привычно тропой.
Деревьев ветви больше не сплетались,
Срывались листья, и к стволам слетались,
И там сливались с желтой травой.

И, словно крик услышав журавлей,
Отстав от стаи белой и далекой,
Летел, летел над улицей широкой
Горящий клин московских фонарей.

Покинутый дом

На окошках доски крест-накрест
Приколочены зыбко, наспех.
И стоит изба-сирота.
Никого в ней.
Даже кот.

Крыша в дырах, забор покосился.
Я не знаю, какая сила,
Точно путника у огня,
У избы задержала меня.

Захотелось дверь ее — настечь!
Громко крикнуть хозяевам: «Здрасте!
Не дадите напиться воды?»
Чтоб над крышею — белый дым,
И в ответ бы на мой вопрос
Звякнул цепью красивый пес,
Дед навстречу смачнул бы с губ:
«Здравствуй, дочка!..»
Но слишком скуп
Был на звуки забытый двор.

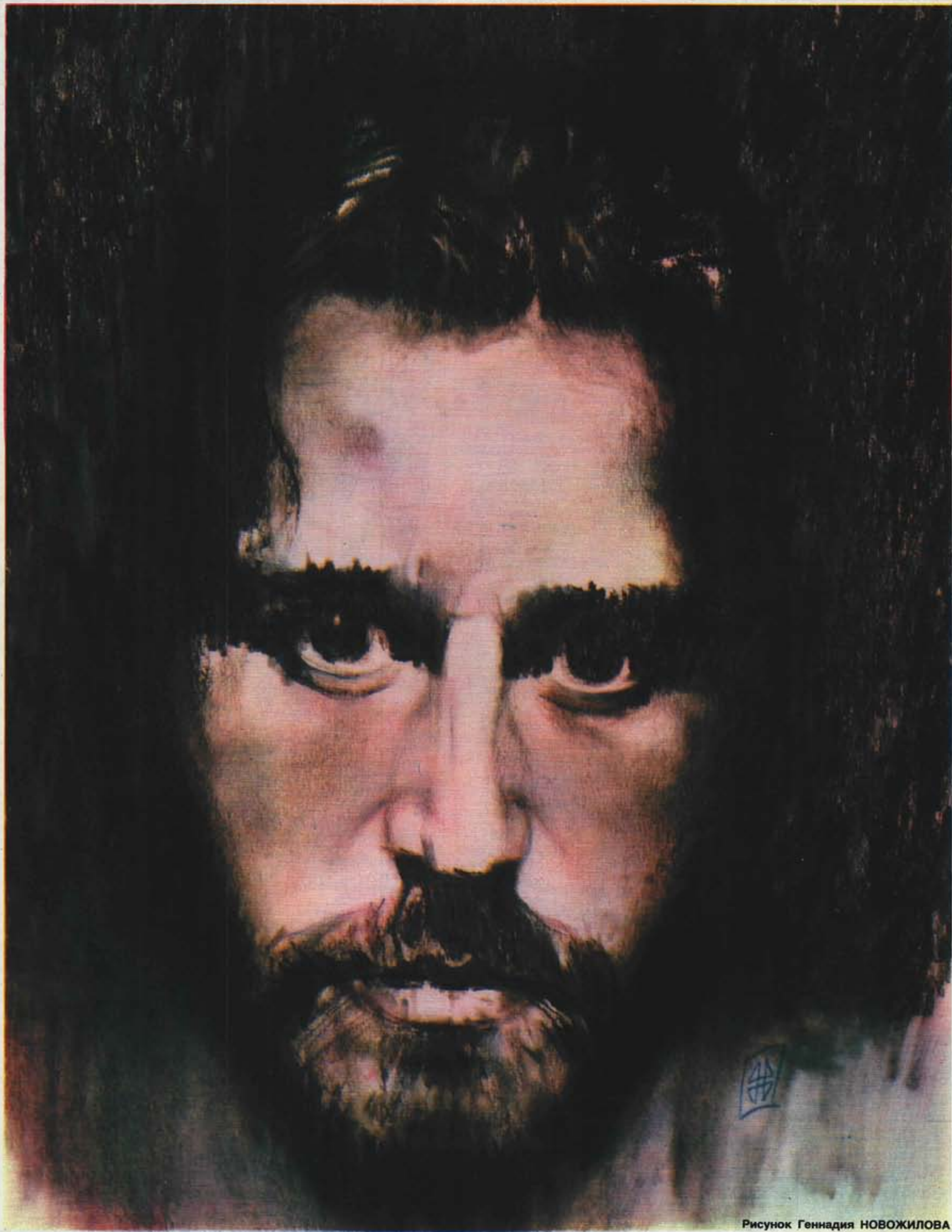

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

КОЛЬЦОВ

Борис ПРИМЕРОВ

Его поэзия лицом и душой удивительно похожа на живопись Венецианова — обе вышли из народного русского быта и характера. Вот почему у наших прадедов всегда висела на видном месте незатейливая репродукция знаменитой «Девушки с серпом», а на краю стола лежала небольшая книжница стихотворений любимого поэта. Каждый, даже неграмотный крестьянин, знал многое из Алексея Кольцова наизусть. Ведь строка поэта не только была закреплена печатным словом, но и переходила из уст в уста, как народная песня. Немногие книги имеют такую счастливую судьбу, только те, в которых с наибольшей полнотой раскрылась жизнь данного народа на данном историческом отрезке времени. Как сказал Н. В. Гоголь, «истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа...» и поэт «даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами».

Алексей Васильевич Кольцов — наш соотечественник. Он жил на нашей земле сто пятьдесят лет тому назад. Но, несмотря на это, мы смело можем считать его своим современником, потому что его поэзия легко перешагнула время, потому что его живая строка хранит для нас русское слово, потому что его силуэт навсегда вчеканен в историю отечественной литературы, в память народа. Однажды отец русской агрохимии Н. И. Энгельгардт сказал: «Не тот пахарь, который хорошо землю пашет, а тот, кто любит свою пашню». Именно таким пахарем представляется мне на ниве русской словесности Алексей Васильевич Кольцов.

Чудна воронежская полночная степь в июне. Шумит под ветром, веющим с западной стороны, великое зеленое разнотравье, и гуляет по нему, как настоящий серп, серп узкой, вырезной луны. И чудится мне, идущему среди листьев кощедыжника, что кто-то таинственный задает мне загадку, отгадку которой я силюсь вспомнить, так как я уже слышал ее где-то, когда-то... Кажется, это серп — «сутул, горбат — все поле перескакал...» А поле, словно неподвижный, полный мрака и остротности пруд, лежит посреди теневой изумленной земли, где пахнет во все края света одоленятрава. Да, именно та одоленятрава, что, по словесному преданию, отгоняла в старину от человека злых духов, скверные мысли.

В Воронеже я был только один раз. В первый же день пошел на могилу Кольцова, а потом вечером оказался за городом, в степи. Ноги сами несли меня туда, где, казалось, следует искать начало всех его песен и всех его дум. Ведь родился он на вольном воздухе природы. На ее лоне крепло детство, мужала юность. Ему никогда не нужно было возвращаться к чему-то родному и изначальному: царство никем не посеянных, никем не возвращенных трав и цветов ни на мгновение не уходило из поля зрения поэта. В боль-

ших городах он бывал только наездом, чаще всего по торговым делам своего отца. Искреннее, непосредственное сердце любило все, что заставляло его биться полнее и громче. И это сердце пахаря и скотовода, прасола и косаря, сердце, живущее естественными тревогами и заботами, запело однажды «о физической и духовной колыбели человека, о материнских объятиях земли».

...14 декабря 1827 года. До Нового года рукой подать. Грустно прощаться со старым, уходящим годом, ведь он впервые принес юноше любовь. На столе — нетронутый, свежий лист бумаги. Окно почти распахнуто настежь — в белое безмолвие утра. Восемнадцатилетний человек держит в руке гусиное перо, лицо его освещено полудетской улыбкой, счастливо блестят глаза. Минута — и перо легко побежит по бумаге, оставляя за собой дружные завитки букв, складывающиеся в певучие строки:

*Не прельщайте, не маните,
Пылкой юности мечты!
Удайтесь, улетите
От бездомной сироты!*

Он напишет это, и, кажется, сам удивится написанному, как малый ребенок удивляется внезапному первому снегу. Удивится своей жизни — широкой, «как синие моря». Строчки, открытые тайне, лягут сейчас перед его глазами на бумаге и заговорят с ним сердечным, простым языком. Он оторвет взгляд от листа и закроет на мгновение глаза, чтобы не заблудиться в воспоминаниях. Вот он, Алексей Кольцов, предоставленный самому себе, бродит босиком по прихваченным тонким ледком болотам и лужам. Это, конечно, не проходит бесследно. Острый недуг расстраивает его здоровье. Поражены ноги, несколько месяцев приходится провести в постели. И если бы не материнская забота няни Федосьи Павловны, кто знает, как обернулись бы для мальчика эти «прогулки»... А вот уже позже — скачет он во весь опор по скошенной мокрому лугу, и вдруг подвораживается копыто резвого жеребца, и тот падает, увлекая за собою на землю отважного седока, который больно ударяется спиной оземь. Долго еще потом, в непогоду, будет ощущать он, как ноет позвоночник.

...Воспоминания похожи на падающие хлопья за окном. Их немного, потому они так крупны. Разве можно забыть длинноволосого долговязого семинариста, приглашенного отцом, Василием Петровичем, учить девятилетнего мальчика грамоте?! Успехи в первоначальном образовании были весьма и весьма заметными. Ведь не каждому из его сверстников удавалось, минуя приходское, сразу поступить в уездное училище! Мальчик любил родное слово, арифметику, географию и историю. Но недолго, всего лишь год и четыре месяца, просидел за школьной партией Алеша Кольцов. Отец решительно сказал «хватит!» и забрал сына домой. Торговцу скотом, дела которого в тот год шли в гору, нужен был смысленный помощник. Видимо, Василий Петрович не видел на стороне такого человека, который мог бы стать усердным исполнителем его указаний при частых разъездах по

донским степям, «которые начинались по Черкасскому тракту всего в сорока верстах от Воронежа».

Радостно вспоминать и первые книги лубочного издания, что тайком от грозного родительского глаза приобретал юноша на деньги, «назначенные для лакомства». Какой след они оставили в детском, еще неопытном сердце! Как пленяло слово Бовы и Еруслана Лазаревича!.. Три года назад он, Алексей Кольцов, проводил в последний путь своего друга Варгина. Сын богатого и культурного воронежского купца, Варгин оставил юному Кольцову целое наследство — библиотеку, составляющую семьдесят томов. Никогда не забыть ему, как открыл он первую страницу тома столичного поэта Ивана Ивановича Дмитриева. Словно лодка под парусами, подгоняемая ветром, скользили в памяти легкие строки. Стихи Дмитриева разыграли юное воображение, ему самому захотелось написать равное прочитанному. И поэт впервые решает пойти своей тропинкой в широкое поле таинственных слов и звуков. Он захотел передать на бумаге сон своего близкого товарища. Первый опыт раннего стихотворческого баловства через несколько дней был самым автором сожжен. Стихи, прочитанные в книгах, казались куда лучше сочиненного в тетради. Кажется, то стихотворение называлось «Три видения»... Сейчас он силится припомнить хотя бы одну строчку, но, увы, бесполезно, они навсегда растворились в бездне прошедших лет.

За окном темнеет. Он зажигает свечу и очиняет новое перо. Отец уехал по делам, будет не скоро, и можно до утра предаваться мечтам. Как редко выдаются такие часы! Суровый родительский глаз неустанно следит за тем, чтобы сын занимался делом, подобающим его имени и званию. А тут еще неожиданная любовь молодого Кольцова. «Вот еще, нашел себе «достойную партию!» — Василий Петрович уязвлен и рассержен поведением сына не на шутку.

Кто знает, может быть, именно эта размолвка с отцом из-за любимой девушки послужила началом его будущего конфликта со всей семьей. Конечно, Василий Петрович, сам выбившийся из народных низов, хотел видеть в сыне крепкого хозяина, скототорговца. Он мечтал женить сына на богатой девице из купеческой среды и завести более крупное дело, чем то, которое он имел. И естественно, в дальнейшем его только раздражала мечтательная и болезненная натура сына, его глубокая поэтическая душа, которая воспринимала мир по-своему и с каждым годом все более уходила от практической житейской обыденности в область «чудных звуков», в мир природы и красоты.

На заре туманной юности неизбежным чувством «за небесный свет в глазах» полюбил Алексей Васильевич Кольцов девушку по имени Дуныша. В семейство зажиточного прасола, что держал весьма просторный по тем временам дом на самой аристократической улице Воронежа, вошла эта девушка в качестве служанки. Но, несмотря на «низкое звание», она имела от природы все, чем могла всколыхнуть до дна такое незаурядное сердце, какое билось в груди юноши. Правда, недолго длилось это счастье. Волей

отца в одну из деловых отлучек сына бедная Дуныша была продана на Дон. Вернувшийся в Воронеж Кольцов с ужасом и отчаянием узнал, что Дуныша здесь больше нет. Потом доходили слухи, что она стала женой какого-то старого казака, а потом ее след и вовсе затерялся.

Позже Белинский, друг и первый критик Кольцова, так объяснит влияние этой любви на его творчество: «В своем поэтическом призвании увидел он вознаграждение за тяжкое горе своей жизни, и весь погрузился в море поэзии, читая и перечитывая любимых поэтов и по их следам пробуя сам извлекать из своей души поэтические звуки, которыми она была переполнена».

...Молва о поэте-самоучке быстро разлетелась по Воронежу и его окрестностям. Он сблизился с местным книготорговцем Кашкиным, человеком весьма образованным и чутким к слову. Еще позже Алексей Кольцов становится товарищем Андрея Порфирьевича Сребрянского, одного из тех талантливых русских юношей, какие, сами получив образование, с жадностью и пылом собирали вокруг себя «кружки», возбуждали интерес молодого провинциального общества к философии, искусству. Дружба с Сребрянским, заурядным поэтом, но незаурядным человеком, дала Кольцову чрезвычайно много. Они обменивались книгами, спорили и мечтали, разбирали стихотворческие опыты друг друга, порой бранились из-за какой-нибудь строчки, впрочем, тотчас же мирясь и забывая о ссоре.

Алексей Васильевич продолжал все это время разрываться между степью со скотопрогонными трактами и тетрадкой стихов об этой степи. Тетрадка именовалась автором чудно: «Незабудки с долины моей памяти». Поэт не ограничивал круг своих слушателей узким кружком любителей словесности из числа местных литераторов и покровительствующих им помещиков. Он читал стихи у чумацких костров, в трактире, когда собравшиеся за самоваром прасолы обсуждали свою жизнь и дела, читал, жадно лоя в глазах слушателей отзыв на свое слово.

Об одном таком случае, который привел к неожиданному знакомству, имевшему огромное значение в литературной судьбе Алексея Васильевича Кольцова, рассказывает Я. М. Неверов, близкий друг известного властителя дум учащейся молодежи сороковых годов Н. В. Станкевича. «Отец Станкевича имел винокуренный завод, куда местные торговцы скотом пригоняли свои гурты для корма бардоку. Молодой Станкевич не имел никаких сношений с этими людьми. Однажды, ложась спать, он долго не мог найти своего камердинера, и когда последний явился, то на замечание Станкевича привел такое оправдание, что вновь прибывший прасол Кольцов за ужином читал им такие песни, что они все заслушались и не могли от него отстать. При этом камердинер сказал несколько оставшихся у него в памяти куплетов, которые и на Станкевича произвели такое впечатление, что он пожелал лично узнать от Кольцова, откуда он достал такие прекрасные стихи. На другой день он пригласил его к себе и, к удивлению своему, узнал, что автор этих стихов сам Кольцов».

Представим себе хоть на минуту

картину этого знакомства в подробностях, чтобы в полной мере судить о том, какую роль оно сыграло в жизни поэта. Станкевич богат, изыскан, мил, умен. Его имя на устах передовой московской молодежи. Его знания и способности дают возможность предсказывать блестящую будущность. Избыток энергии и чувств, владеющих его душой, готов вылиться во внешний мир.

Станкевич был очарован стихами приведенного к нему прасола, — «малорослого, коренастого, со скулистой, чисто русской физиономией и с весьма пытливым и наблюдательным взглядом». Последнему шел в то время двадцать второй год. Они почти ровесники и в истории останутся людьми одного поколения, но пока разница общественного положения и образования делает одного покровителем, а другого благодарным и признательным подопечным. В первый же день знакомства Станкевич трижды заставляет Алексея Васильевича повторять вслух написанную им четверью годами раньше «Песню»:

*Если встречу с тобой
Иль увижу тебя,—
Что за трепет-огонь
Разольется в душе!
Если взглянешь, душа,—
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем,
Пред тобою стою!
Если молвишь мне что,
Я на речи твои,
На приветы твои,
Что сказать, не смычу.*

Вот сейчас бы сюда кого-нибудь из московских друзей, например, Белинского. То-то бы удивились они, услышав такой непосредственный и чистый голос! Станкевич внезапно поднимает руку и, обращаясь к смущенному и несколько огорашенному таким приемом поэту, просит его принести все имеющиеся у него стихи и песни. «Я отвезу их в Москву и попробую там издать», — говорит Станкевич, подавая на прощание руку и дружелюбно улыбаясь своему новому знакомцу.

Первое собрание сочинений Кольцова вышло при содействии двадцатидвухлетнего «мецената» Николая Владимировича Станкевича в Москве, в типографии Н. Степанова. Цензурное разрешение было дано 24 марта 1835 года. В книжке насчитывалось всего сорок страниц, продавалась она за два рубля (ассигнациями). Из толстой и увесистой тетради, отданной поэтом еще при первом знакомстве, Станкевич отобрал показавшиеся ему лучшими восемнадцать стихотворений и напечатал их в маленькой, изысканной книжке. Вот эти «песны», впервые представившие русскому читателю народное поэтическое искусство: «Песня старика», «Сестре при посылке стихов», «Удалец», «Великая тайна. Дума», «Люди добрые, скажите», «Вздох на могиле Веневитинова», «Песня» (Ты не пой, соловей), «Первая любовь», «Не шуми ты, рожь», «Путник», «Видение Наяды», «Пирушка русских поселян», «Маленькому брату», «К N» (Опять тоска, опять любовь), «Размышление поселянина», «К другу» (Развеселись, забудь, что было), «Песня пахаря», «Совет старца».

В. Г. Белинский, заведовавший изданием, хотел было сообщить в предисловии о материальной поддержке, оказанной изданию со стороны Н. В. Станкевича, но последний настолько рассердился на это, что отправил из деревни, где в то время находился, два письма с требованием «вырезать позорную страничку» с предисловием.

Литературная Москва конца тридцатых годов девятнадцатого столетия встретила молодого поэта как желанного гостя. Я. М. Неверов даже приго-

товил к приезду прасола статью о его «быте», которая должна была вот-вот появиться в одном из зимних номеров «Сына отечества». А журнал этот являлся одним из старейших печатных органов России, ведь первый номер его вышел в грозном 1812 году. На протяжении всей Отечественной войны номера журнала были целиком посвящены борьбе русского народа с французским нашествием. Здесь помещались воззвания, будившие национальный дух и народную ненависть к врагам отечества. Те же цели преследовали боевые русские песни, горячие слова рассказов о подвигах российского солдата. На страницах «Сына отечества» были впервые опубликованы знаменитая басня И. А. Крылова «Волк на псарне», поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Действительно, это был неожиданный и приятный подарок, преподнесенный литераторами древней столицы молодому дарованию. Москва знакомила Алексея Кольцова со многими своими знаменитостями. В один из дней января 1836 года ему протянул руку Виссарион Белинский. Они поняли друг друга сразу — неистовый и неподкупный критик и бескомпромиссный, естественный в своем народном слове поэт. Невеликое по объему эпистолярное наследие Алексея Васильевича Кольцова дает наиболее ясное представление об этой взаимной симпатии и дружбе. Из шестидесяти шести дошедших до нас писем Кольцова двадцать девять адресованы Белинскому. Когда читаешь эти письма, то видишь воочию, как утолялся словом жажда духовного обмена с человеком, близким по складу природы и утверждаемым идеалам.

«Любезнейший Виссарион Григорьевич! Позвольте вам из Петербурга засвидетельствовать почтение. Я знаю, это нынче не в моде; но я ничего более не имею, как только одно лишь это: почитать людей, которых я душою почитаю. Вы меня приняли в Москве довольно ласково; и мне из-за вас Москва показалась гораздо теплее, нежели была прежде. Да, вы под добрую планетой рождены, и эта планета велика собой: по крайней мере, она через пространство 700 верст имеет сильное влияние на того человека, на которого вы бросили отблеск своего луча». — так начинается первое письмо Кольцова к Белинскому. Ответ не замедлил последовать. Белинский со свойственной ему увлеченностью занялся литературным образованием Кольцова. Он советовал читать такие-то и такие-то книги, присылал их сам, подробно и доходчиво комментировал их, описывал в длиннейших своих посланиях наиболее интересные литературные события, имевшие место быть в то время в обеих столицах.

Время от времени Кольцов сам наезжал в Петербург. Круг знакомств расширился, ибо участие в его судьбе принимали многие из виднейших людей того времени. Оживленная переписка с А. Краевским и В. Боткиным свидетельствует об их заинтересованности и дружеской расположенности к воронежцу. Сохранившиеся письма Кольцова к Ф. Глинке, П. Вяземскому и В. Жуковскому убеждают нас в том, что поэт-самоучка, губернский мещанин, прасол был принят в их круг, как равный. Именно это последнее чрезвычайно удивило многочисленную родню поэта, его земляков, а более всех отца. Алексей Васильевич нередко вспоминал историю посещения Воронежа В. А. Жуковским, сопровождавшим цесаревича (впоследствии императора Александра II) в его поездке по России. Так он писал к А. Краевскому: «7-го июля был у нас в Воронеже великий князь, и с ним Василии Андреевич Жуковский. Я был у него, он меня не забыл. Ах, любезный Андрей

Александрович, как он меня принял и обласкал, что я не нахожу слов всего вам пересказать. Много, много, много — и все хорошо, прекрасно! Едва ли ангел имеет столько доброты в душе, сколько Василий Андреевич. Он меня удивил до безумия. Я до сих пор думаю, что это все было со мной во сне, да иначе и думать невозможно. Жаль, что не могу всего рассказать вам подробно; словом, чудеса!.. Приезд Василия Андреевича в Воронеж много меня орадовало. Не только кой-какие купцы, и даже батенька не верил кой-чему, теперь уверились... Словом, мне теперь и с горем жить стало теплей даже...»

Впрочем, тепла этого хватило ненадолго. Дела отца время от времени расстраивались, и тогда он вновь обращал свой гнев на сына, который, казалось ему, ничего не делал и только даром ел его, отцовский, хлеб. Но при этом надо помнить, что сын был единственным, кто опять-таки помогал ему поправить неудачные сделки и обратить невыигрышное дело в его пользу. Алексей Васильевич, был случай, даже обращался через того же Жуковского в сенат с просьбой по делу отца, и просьба та была удовлетворена. Но отношения в семье все-таки не складывались, и это было, пожалуй, одной из самых трагических сторон жизни великого русского поэта.

Ну, а пока — Алексей Васильевич снова в Москве, снова в северной российской столице, снова среди друзей!

«Я был на Гамлете в Питере, и вот мое мнение (кстати, почти не расходившееся с мнением адресата этого письма В. Г. Белинского. — Б. П.): Каратыгин человек с большим талантом, прекрасен образован, чудесно дерется на рапирах, великан собою; и этот талант, какой он имеет, весь ушел он у него в искусство, и где роль легка, там он превосходен, а где нужно чувство, там его у Каратыгина нету. — извините. Например, сцена после театра, монолог «быть или не быть», разговор с матерью, разговор с Офелией: «удались от людей, иди в монастырь», — здесь с Мочаловым и сравнивать нечего: Мочалов превосходен, а Каратыгин весьма посредственный. У Мочалова немного минут, но чудесных; у Каратыгина с начала до конца вся роль проникнута искусством. Полония играл Сосницкий; но Сосницкий и сравнивать нечего с Полонием московским: тот уж дурен, этот превосходен, так что его роль второстепенная против Гамлета, а он на сцене с Каратыгиным равен, — как будто эти две роли обое первостепенные. Асенкова в Офелии до безумия — лучше Орловой, а безумная Орлова — вдвое лучше; это оттого, что у Орловой более чувств, у Асенковой более образованности...»

Как мы видим здесь, суждения человека, не имевшего первостепенного образования, отличаются такой живой самостоятельностью, что невольно начинаешь думать, сколь силен был его природный ум и какое бы он мог получить направление при соответствующей и упорядоченной образовательной нагрузке...

Могла ли жизнь поэта сложиться иначе, чем она сложилась? Наверное, да. Он бы успешно окончил уездное училище, поступил в университет, сочинял «образованные» стихи, писал правильным литературным языком... Допустим, что Алексей Васильевич Кольцов в Воронеже не живет одинокой жизнью, имеет множество друзей и почитателей, а со временем даже переезжает на постоянную квартиру в Москве или Петербурге.

Но случилось так, как случилось: он умирает в городе, где впервые открыл глаза на мир, где желтый, мокрый лист, слетевший с клена, упал маленькой пташкой на домашний подоконник,

где так томительно и неудержимо пахло сохненной степью.

...Можно возвращаться в прошлое дорогой воспоминаний, по крупницам складывая картину быта и нравов людей, живших задолго до тебя. К сожалению, слишком мало дошло до нас таких крупниц, по которым мы с предельной точностью могли бы восстановить жизнь Алексея Васильевича Кольцова. Многие уничтожены временем, еще больше — небрежением и бездушием близких к нему людей — отца и сестер. Но для нас иного пути нет, поэтому попробуем, складывая факт к факту, нанизывая одно событие на другое и затем расширяя круг этих фактов и событий полетом воображения, полетом своей любви к поэту, восстановить хотя бы ту часть былого, которая доступна восстановлению.

...Широкий тесовый забор отделяет дом от проезжей части людной воронежской улицы. Двор хорошо метен, половицы крыльца выскоблены до белизны. В окнах, точно завороженная, дремлет герань, нечаянно скрываема вазильковыми занавесками. На крыльце стоит загорелая высокая девушка в простонародном одеянии и с голубой лентой в пшеничной косе. Ее прислал к отцу торговец из галантерейной лавки уведомить, что вчерашняя сделка состоялась и что-де он непременно сегодня будет ждать Василия Петровича к себе откушать чаю. Отца нет дома, и потому Алексей весело и непринужденно болтает с девушкой:

— Как тебя зовут? Маша? А скажи, Маша, любишь ли ты песни слушать — не те, что поют вечерами на девичьих сходках у тебя в деревне, а другие, сочиненные здесь, в городе, а еще того лучше, в Москве али в самом Питере?!.. Вот ты говоришь, не слыживала их никогда, а пойдём-ка сядем вон там, под липою, я тебе и прочитаю.

Девушка было упрямылась, ей надо идти: «Хозяин осерчает, если не скоро на ноги буду», — да уж больно доверчив голос этого молодого купца в ладно скроенном сюртуке, уж больно спокойны его чистые и нелукавые глаза, да и ей хочется услышать, что за невиданные песни складывают люди. Они садятся на скамью, Алексей на минуту зажмуривается, словно бы от яркого света, потом, как будто обращаясь к кому-то третьему, незримо присутствующему здесь, начинает читать:

*Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.*

*Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась:*

*До поры, до время
Всем я весь изжилась,
И кафтан мой свалил
С плеч долой свалил!*

*Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою —
С горем повстречаюсь!*

Голос его внезапно обрывается, в глазах, дотеле безоблачных, появляется темная туча. Уже и тени улыбки и веселости нет на обветренном степном лице. И такая разительная перемена в настроении пугает девушку, только что заворожено слушавшую эти стихи. Она встает и направляется к калитке, как и весь забор, крашенной в зеленое, под цвет разросшихся деревьев. Удивление ее возрастает, когда она, на прощание оглядываясь, видит, что ее уход остается почти незамеченным: человек неподвижно сидит

на прежнем месте, уронив голову в широкие ладони, словно бы задумавшись...

Из забытья Алексея выводит окрик отца, вернувшегося из трактира. Вслед за ним появляется и Аниша Васильевна, горячо любимая и опекаемая сестра, на образование и воспитание которой потрачено им столько усилий и, кажется, напрасных, потому как и она теперь совершенно переменялась к брату, занята устройством своей жизни и собирается замуж за человека, во многих отношениях ничтожного и пустого. Уж и свадьба, кажется, сложена и приданого отец приготовил десять тысяч, а ему все по-прежнему отказывают во многом: то чай принесли без сахара, а то и вовсе забудут принести.

Алексей, не отвечая на обращенную к нему брань отца и молчаливо-покорный взор матери, проходит к себе в комнату, ложится на кровать, потом тотчас встает, садится к столу, берет в руки перо; мысль о переезде в Петербург вот уже какой месяц не дает ему покоя.

Болезнь, едва не кончившаяся трагически (у Кольцова была чахотка), и теперь еще незримо стоит за спиной. Она лишней раз доказала, что надеяться ему на помощь и заботу близких не приходится. На лекарства денег отец не давал, покоя в доме не было ни ночью, ни днем.

Хорошо еще, что лекарь оказался добрым и порядочным человеком, соглашался лечить его бесплатно, да родственник нашелся, что принял к себе на дачу. Пожил он на вольных хлебах, не попускаемый и не укоряемый в самых обычных человеческих желаниях и действиях. Вот и сейчас вспоминаются эти летние дни в Задонье с какой-то грустью и щемящей жалостью к самому себе, к утраченной молодости, не найденному в жизни спокойствию.

Еще давеча, когда вздумал он читать старую свою «песню» этой милой и совсем незнакомой девушке с золотистой косой и тихим взором, показалось вдруг на миг, что не все потеряно в жизни, что вернуться еще силы, что придут и песни новые, но прошло всего полдня, а уже опять надвигается тоска, и кашель мучает, и сил нет никаких.

Он закрывает глаза и предается воспоминаниям. Но нет среди них ни одного из прежних, безоблачных и чистых, как детство, как ранняя, неомраченная юность. Вспоминается, как зимою принужден он был уйти в неотопляемый мезонин только что отстроенного дома. Дров ему не давали, и потому он принужден был тайком выкрадывать их из поленниц по ночам, а когда это обнаружилось, разразился скандал. Или видится другое, как чуть было не угодил за решетку, потому что отец, недовольный долгим пребыванием сына в Москве, едва не послал просроченные векселя на его имя в столицу... Или вдруг выплывают заплаканные глаза старушки в стареньком плисовом платье, тайком пробирющейся к нему в комнату с куском хлеба, спрятанным от глаз досужего родителя...

Что делать? Как быть? Куда податься?

Мотив этих мучительных размышлений сквозит почти в каждом из последних писем Кольцова. К физическому недомоганию примешиваются тяжелые нравственные раздумья: «Писать—ничего не пишу, не в состоянии. Читать—мало читаю, не могу; слаб, и памяти нет... Нет памяти, нет мысли. Что, если и выздоровею, таким останусь? Тогда простите, Василий Петрович (Воткин.—Б. П.), Виссарион Григорьевич, Москва, Петербург! Нет, дай, господи, умереть, а не дожить до этого паралитического состояния.

Или жить для жизни, или марш на покой...»

Доктор обещал, что он будет жить. А до смерти оставались уже считанные месяцы. Поддержка, которую находил поэт в письмах ближайших из своих друзей, и в первую очередь Воткина и Белинского, порою была столь значимой, что мелькала надежда на какие-то перемены. Но время катилось неумолимо. «Благодарю вас, Виссарион Григорьевич, за последнее ваше письмо: оно меня много успокоило; со многим здесь дома помирило, и я стал на окружающие меня вещи смотреть еще равнодушнее. Живу, не думая о многом, стараюсь забыть, что со мной сделали и делают; становлю себя между своими человеком посторонним. Ваш зов в Питер совершенно воскрешает мою душу, но никак еще я не справлюсь с телом: оно изменяет...»

Письмо это оказалось последним, дошедшим из Воронежа в Петербург. Позже, сколько ни писали друзья поэту, ответа не было. Осенью уже от чужих людей дошло известие, что 19 октября в три часа пополудни на тридцать четвертом году от рождения Алексея Васильевича Кольцова не стало.

Один из биографов поэта приводит эпизод, страшный и умонепостижимый, и хотя речь идет о том дне, когда его на земле уже не было, факт этот еще в большей степени, чем все прижизненные письма, чем все стихи и жалобы Кольцова, свидетельствует о той обстановке, в какой привелось ему жить, в какой звучал его чистый, крепкий, истинно народный голос. Вот этот рассказ без изменения: «Зашел отец Кольцова в лавку Мелентьевых. Начались тары-бары между приятелями. Василий Петрович пустился в рассказы о том, как он вчера вечером весело проводил время в трактире, по поводу того, что у него вышло какое-то подходящее дело с дворниками... «А кому это ты парчу покупаешь?»—прервал его хозяин лавки. «Сыну... Алексею: вчерась помер»...

До нас дошло более десяти тетрадей А. В. Кольцова и около 70 стихотворений на отдельных листках. Но то из литературного архива, что осталось после его смерти в доме отца, погибло за немногими исключениями безвозвратно. С книгами и бумагами Кольцова поступлено было так: сначала сундук с ними убрали в сарай, а потом часть их, пришедшую в негодность, уничтожили, а часть продали на базаре в качестве оберточной бумаги.

Время Кольцова... В этом сочетании заключено, на мой взгляд, не только стихотворное богатство—зернистое, золотого налива слово поэта, не только то, что его окружало, вдохновляло, побуждало к творчеству, но и тот отрезок в истории русской культуры, в истории развития духа народа, который навсегда означен для нас и наших потомков этим именем—Алексей Кольцов. Время Кольцова—это еще и нынешние красные и белые полевые цветы, возложенные заботливо и благодарно на могилу сочинителя русских песен.

...Если сесть в трамвай и проехать всего несколько остановок вниз от зеленого островка Митрофаньевского кладбища, то очутишься на месте бывшего толкучего рынка. Здесь когда-то проходила булыжная мостовая, соединявшаяся с горбатым бульваром. Ее еще, наверное, помнят те, кому доводилось бывать в довоенном Воронеже. Как помнят они и звонкие выкрики ульянских чумазых мужиков, широко предлагавших свой товар—особый древесный уголь для самоваров. Говорят, что низкий теплый дым от этого угля не давал замерзать в весенние поздние холода цветущим яблоням...

Когда бродишь по незнакомым, но вместе с тем близким тебе местам,

связанным с жизнью того или иного знаменитого и дорогого тебе человека, то факты из его жизни, а порою и отдельные мелкие детали преследуют тебя на каждом шагу, постепенно складываются вместе и дополняют картину увиденного и почувствованного в тот момент. Так, должно быть, невольно вместе с ощущением этого забытого уже теперь быта, давно исчезнувших ульянских торговцев, вместе с воспоминанием о вечерних самоварах под раскидистыми цветущими деревьями пришел мне на память и тот случай, вычитанный мною когда-то в одном из многочисленных жизнеописаний русского поэта. Рассказывают, что пришел как-то раз некто С. на толкучий рынок да вместо задуманного приобрел там за 5 копеек небольшую тетрадку в красном переплете, название которой было следующее: «Русские пословицы, поговорки, притчи и присловья, собираемые Алексеем Кольцовым. 183...» Место, где обозначен год, было залито чернилами. Но одно было несомненно—за 5 копеек куплена подлинная рукопись поэта, рукопись, свидетельствующая о том, с каким пристрастием и уважением относился Кольцов к фольклору—к пословице, к меткому слову, к песне. В этом отношении поэта как образного языка русского народа следует искать основы поэзии автора «Косаря» и «Горькой доли», «Хуторка» и «Урожая», «На заре туманной юности» и «Песни старика».

*Расступитесь, леса темные;
Разойдитесь, реки быстрые;
Запылись ты,
путь-дороженька;
Дай мне вестку,
моя птишечка!*

*Я рекой пойду по бережку,
Полечу горой за облаком
На край света, на край белова—
Искать стану друга милова...*

Какие распахнутые слова—точно окна настежь, в солнечный мир! Как воскрешают они наши нравственные силы! Ими дышит и не надыхнется грудь человека. Так и кажется, что их нащептали звучные, богатырские травы необъятных земель России. Они не замутнены и всегда свежи, как питьевой источник. Их никогда не постигнет дух самого народа, его «заливная соловьиная замазка», как говорил В. И. Даль. Его ясность и красота. Все тут неподдельно, безоблачно синее и простое. Слушатель, почуяв их, спешит издалека возвратиться к чему-то родному, слегка позабытому, к тому, что когда-то гнездилося в людском сознании «и было однажды напугано неласковым шумом житейских сует и хлопот».

Слова эти звенят из края в край не чужой, а доморожденной нашей любовью, повенчанной со свежестью степей, с летним ярким рассветом, с поздней беззвездной ночью—со всем тем радостным и горьким, что дается трудовому человеку на земле. Таковы слова русских песен. Таковы слова «песен» Алексея Кольцова. Стихотворные строки его живо хватают—как бы на лету, в кругу душевной беседы,—народные обороты, родной лад, почти неуловимые интонации природного, можно сказать, первоначального русского языка.

Исследователи творчества нашего поэта нередко обращались к собранию русских народных песен Ивана Сахарова. Ведь эта книга живо интересовала Кольцова, так же, как и другие труды замечательного русского этнографа и первого фольклориста. В лирике Алексея Кольцова часто встретим мы устойчивые, традиционные образы народных песен: «млад ясен

сокол», «душечка, красна девица», «буйный ветер», «ретивое сердце»... Но важно помнить, что поэт никогда не подражает безымянному и великому автору—народу, не стилизует. Образы эти суть органическое продолжение и воспроизведение чувств, нарождающихся в душе, чувств, часто совершенно противоположных или вовсе иных, чем те, что есть в соответствующих песнях, несмотря на внешнюю (на первый взгляд!) их похожесть.

Никому не придет в голову утверждать, что стихи Кольцова не первичны. Более того, он едва ли не единственный русский поэт, творчество которого плоть от плоти, кровь от крови народного творчества. Кажется, за тысячелетнюю историю письменной отечественной литературы и еще более древнюю историю литературы устной народ выделил из своей среды певца, наделенного безошибочным чувством народного стиля, настроения, слова. Не случайно поэтому Белинский писал: «Кроме песен, созданных самим народом и потому называемых «народными», до Кольцова у нас не было художественных народных песен, хотя многие русские поэты и пробовали свои силы в этом роде... в них и содержание, и форма чисто русския,—и несмотря на всю объективность своего гения, Пушкин не мог бы написать ни одной песни в роде Кольцова, потому что Кольцов один и безраздельно владел тайною этой песни». И дальше: «Кольцов родился для поэзии, которую он создал. Нельзя было теснее слить своей жизни с жизнью народа, как это само собою сделалось у Кольцова. ...Кольцов знал и любил крестьянский быт так, как он есть на самом деле, не украшая и не поэтизируя его. Поэзию этого быта нашел он в самом этом быте, а не в риторике, не в пиитике, не в мечте, даже не в фантазии своей, которая давала ему только образы для выражения уже данного ему действительного содержания. И потому в его песни смело вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклокоченные бороды, и старые онучи—и вся эта грязь превратилась у него в чистое золото поэзии».

Да, добытый из глубин народного сердца благородный металл кольцовских стихов сиял, как подлень в страду, радуя не только чувство, но и глаз. Это золото обладало удивительным свойством—красиво и правдиво отражать человеческую душу и жизнь, очевидцем которой являлся он сам, поэт. Он ценил эту жизнь, хотя в ней ему, по правде сказать, мало везло. Это подтверждают не только его письма к близким друзьям, но и некоторые лирические пьесы, в которых нет-нет да и блеснет слеза, проглянет кручина, заговорит жалоба. Но грустный склад мыслей сейчас же просветляется, когда ладони его музы ощутят рукоять сохи, мягкую теплую пыль пахоты—колыбель будущего колосистого жита... Много позже придет на землю поэт, которые увидят в труде русского земляника слезы, нужду, горе, услышат в его протяжных песнях жалобу и стон. Но пока на крестьянина смотрит Кольцов, пока он задумчиво слушает одинокий голос идущего за плугом, пока он сопровождает бредущую с покоса хоровую дружную песню. А это—совсем иное дело. Молодец у Кольцова весел, разговорчив, словно не знает никакой заботы. Но ударит жаркий час страды—и отворит этот бравый молодец двери и примется копать под корень рожь высокую, да так, чтобы от нее, как и от медленных воев, полилась степная музыка. Наконец жатва кончена. Любо-дорого посмотреть на свой спорый труд земледельцу-пахарю:

*На гумнах везде,
Как князя, скирды*

Широко сидят,
Подняв голову.

Живописец русского мира Алексей Васильевич Кольцов стоит перед нами как живой и своим душевным повествованием открывает людям в житейском море новые острова, о которых они ранее не имели никакого представления. Он говорит порывисто; не анализируя. Обожая факт. И кажется, что слова он не ищет, не выбирает из множества, а приводит как будто первые попавшиеся, безыскусственные, но мы-то знаем, что они рождены в глубинах его вдохновения.

Не родись богатым,
А родись кудрявым:
По щучью веленью
Все тебе готово.

Чего душа хочет—
Из земли родится;
Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что шутя задумал—
Пошла шутка в дело;
А тряхнул кудрями—
В один миг поспело.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется!
С ними все на свете
Ловко дается!

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь, песни,
Ходи, парень, браво!

Вникните в бессмертную удалую песню неунывающего Лихача Кудрявича, в этот могучий заповедь самого поэта. Разве вы не узнаете в беспричинном счастьеце того расторопного ярославского мужика, что наскоро, живьем, с одним топором и долотом снарядил и собрал «птицу тройку»? Разве вы не угадываете в чертах бойкого парня, распевającego «речипесни», жертвы своего прадеда?!

Вот тут бы и закончить мне свой рассказ, когда бы не одна легенда, слышанная мною на родине поэта. Она ничего не прибавляет к его биографии, не бросает новый отсвет на его творчество. Она только свидетельствует о том, как своеобразно и глубоко вошел поэт в народную память.

...Будто бы было это давным-давно, на Иванов день. Все люди от мала до велика ожидали полночи. В летнем лесу было прохладно и таинственно. Пахло болотом. Люди дружно шли на большую папоротниковую поляну, называемую иначе еще кочедыжною. От них узкой тропинкой отбился в сторону мальчик. Он тоже, как и его сверстники, как и люди постарше, мечтал увидеть воочию цветок огненного кочедыжника, что только один раз в полночь, на Иванов день, являет человеческому глазу свою красу, зорко охраняемую нечистой силой. Никому еще в здешних местах до сих пор не удавалось сорвать горячечный алый цветок. Нечистая сила кружила людей по сторонам, как ветер кружит осенние листья. Многих уже одурачила она на веку, стоило только поддаться соблазну или оглянуться на зов. И всё потому, что цвет кочедыжника имеет огромную силу: повелевать землею и водою, творить великие чудеса, открывать клад. И вся сила принадлежит тому, кто станет обладателем этого цветка.

В ту давнюю полночь, темную-темную, одному удалось побороть нечистое—бесстрашному глазастому мальчишке Алеше Кольцову.

На Иванов день я встретился с человеком, поведавшим мне эту стародавнюю небыль о том, как босоногий воронежский паренек в один миг стал чародеем. Поэтом.

Литературный глобус «Смены»

Петер АДАМС (ГДР).

КАВАРЕНДИН

РОМАН-ПАРОДИЯ

Перевод
Галины и Юрия
ЖАРОВЫХ.

Все уставились через стеклянные двери на террасу.

Там за белым садовым столом сидели три фигуры: доктор Эванс, Стелла Грэди и Эрвин Конрой. Они шевелились, жестикулировали и разговаривали друг с другом, как будто были живыми. Дождь лил как из ведра, но они, казалось, этого не замечали. Их не удивлял и вид друг друга. С головы и шеи Эванса свисали водоросли. Лицо и руки Стеллы Грэди были черные, как уголь, а ее платье представляло собой обгоревшие лохмотья. На черепе Эрвина зияла широкая кровотокающая рана.

Вдруг они замерли, словно их парализовали взгляды сидевших в зале. Все трое медленно встали, подошли к стеклянным дверям, заглянули внутрь, при этом их лица можно было хорошо разглядеть, и скрылись в темноте, как осенние листья, гонимые ветром.

Вильямс первым пришел в себя. Одним прыжком он оказался около двери, рванул ее и выбежал вслед за исчезнувшими видениями.

Когда он, весь промокший, вернулся назад, его соседи по столу еще не совсем пришли в себя.

— Вот теперь я действительно сойду с ума,— вырвалось у Дороти.

— О боже, ты всемогущ на небе и на земле, помоги мне и прости все мои грехи,— тихо прошептала Патриция.

Бледное лицо Декстера стало лилово-красным, его глаза почти вылезли из глазниц, он тяжело дышал, как будто был близок к удушью, его зубы стучали.

— Я не хотел ее убивать... клянусь... это произошло по недосмотру... по ошибке...— хрипел он.

— Кого вы не хотели убивать?— накинулся на него Вильямс.

— Стеллу. Ее смерть была страшной ошибкой, и я не представляю, как это могло случиться.— Декстер рвал на себе волосы.— Я вылил ампулу в чайник, она сама мне приказала...— Декстер замолчал, сообразив наконец, что выдал тайну, которая может иметь для него самые неприятные последствия.

— Вы вылили яд в чайник леди Торп? Вы это хотели сказать?— Вильямс не давал ему опомниться.

— Это был чайник вовсе не леди Торп. Это был чайник без герба. Фишер ошибочно поставил его на место леди Торп, а я его поменяла,— рыдая, сказала Патриция.— Я... я убийца. Смерть Стеллы Грэди на моей совести.

— Не реви. Благодарю бога, что ты спасла меня.— Дороти постепенно приходила в себя. Обратившись к Декстеру, она спросила:— Могу ли я узнать, почему вы хотели меня отравить?

— Потому что я... вернее, Стелла... была убеждена, что вы не только доктора Эванса, но и... и Конроя убрали и, что мы... мы будем следующими жертвами.

Окончание. Начало в №№ 1—4.

Полковник начал что-то мямлить, но, когда он признал наконец свою вину, ему, по-видимому, стало легче. Он тупо утверждал, что не имеет никакого отношения к смерти двух других наследников.

Полковник покорно встал, когда Вильямс приказал ему ехать с ним в Уолс. Он собрал необходимые вещи и, вернувшись в зал в пальто и с маленьким чемоданчиком, сказал Дороти:

— Ваш виски действительно неповторимый напиток. Вы знаете, что ждет меня. Если не жалко, дайте мне бутылку с собой.

Это, конечно, была наглая просьба, но Дороти, обезумевшая от счастья, что осталась жива, выполнила ее.

В тот день Вильямс дважды докладывал инспектору Бейли об итогах расследования. Инспектор сам допрашивал Декстера, он составил и дал ему подписать протокол.

Когда все формальности были выполнены, Бейли отпустил своего молодого помощника домой. Тот крайне нуждался в отдыхе, причем не в кладовой, а в своей постели, где можно было как следует выспаться.

Выполнив свой долг, Бейли отправился в таверну «Кровавая кузница».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой инспектор Бейли из-за соблазна нарушает служебные инструкции (в этом случае автор следует рекомендациям известных литературных критиков: если хотите сделать свое произведение еще более достоверным, наделите положительных ГЕРОЕВ некоторыми пороками). С помощью старых семейных документов в аферу постепенно вносится ясность.

Как Бейли и ожидал, в таверне он застал веселую компанию, состоящую из двух женщин и трех мужчин.

Одной из женщин была Энн, которая в отличие от других выглядела и вела себя как нормальный человек. Остальные были артистами, что было видно по их причудливым галстукам, фантастическим покроям платья и прическам. У соседки Энн к высокой прическе было приколото чучело птицы, потому что, как она сказала, сыта по горло шипи, которые распустили свои волосы по плечам и натякали в них жалкие цветочки. При помощи чучела она протестовала против нелепой моды.

Больше в таверне никого не было. Полицейский час давно наступил. Билл Шеннон с интересом прислушивался к разговору своих необычных гостей.

Дверь инспектору открыла экономка. Когда он вошел, наступило молчание. Затем один из мужчин отделился от компании, развел патетически руки в стороны и, указывая на орудия пыток, прочитал громовым голосом монолог: «Теперь я знаю, сэр, зачем нужны клещи, пилы и ножи. Я вижу гостя там, в дверях стоящим! Дородный вид его меня на мысль наводит...»

Бейли не обратил внимания на реплику в свой адрес и попросил Шенниона принести черный кофе. Затем он обратился к Энн с просьбой представить своих друзей. Но она не успела и рта раскрыть, как они друг за другом представились сами.

— Ричард Пиклик! — Пожилой мужчина вскопился и поклонился. Его густая седая шевелюра, иссеченный морщинами лоб и массивный широкий нос напоминали голову льва. — Играю королей, иногда князей в шекспировских пьесах, — прогремел он своим басом.

Следующим представился мужчина средних лет с лысиной, в ярко-красном пуловере:

— Дик Дикинсон, исполнитель роли отца героя, иногда играю обманутых мужей.

— Чарлз Мимикри, злодей, в качестве дублера исполняю роли молодых любовников, — представился третий мужчина. Возраст его было трудно определить. Патлы битника и борода позволяли разглядеть лишь его нос и глаза.

— Меня зовут Мэри Санди, я играю всех, кто носит юбку или брюки, — сказала дама с чучелом на голове.

Весь прошедший день у инспектора было плохое настроение. Судебный следователь не раз допрашивал его, когда же наконец можно ожидать ощутимых результатов расследования. Ордер на арест Дороти Торп уже был выписан. Но после ареста Декстера настроение Бейли значительно улучшилось.

Он попросил Шенниона угостить актеров за его счет. Затем Бейли сказал:

— Комедия, которую вы сегодня учинили на террасе замка, была впечатляющей. Жаль, что я не мог принять в ней участие. — Обращаясь к Энн, Бейли спросил: — Это вы или ваш супруг придумали комедию на террасе замка?

— Мы счастливая семья, и у нас нет разногласий ни по каким вопросам — ни материальным, ни духовным, — не без гордости ответила она.

— Вы хотите сказать, что расстались лишь ненадолго со своим мужем?

Энн глубоко вздохнула. — Я к этому привыкла. Раньше я была рада, когда получала в течение года лишь одну открытку к рождеству из Месопотамии, с Северного или Южного полюса или какой-либо еще неоткрытой части света. В таких случаях я говорила себе: зато у меня есть брачное свидетельство.

— Это лучше, чем совсем ничего, — заметил Бейли. — Ну, а в настоящее время ваш скрывающийся супруг, видимо, обитает не на том свете и не в Месопотамии, а в замке Карентин? В каком подвале, подвальной норе или мансарде он устроился?

— В комнате Дороти Торп, а еще точнее, в постельном ящике ее сюрреалистического дивана.

— Значит, и она была посвящена в эту комедию призраков?

— Не только посвящена! — воскликнул Дик Дикинсон, — она была в известной степени Spiritus rector,¹ — автором этой идеи.

— Spiritus rector — единственное латинское изречение, которое он знает и при этом неправильно произносит, — вызывающе сказала Энн. — Впрочем, он выложил на все двадцать фунтов, которые Дороти всучила каждому из них за этот разовый спектакль. Ну, а идея исходила, конечно, от меня.

— Ты врешь, моя дорогая, — прогнусавил Чарлз Мимикри, — идея исходила от Эрвина. Ты, надо сказать, неплохой парень. Этого я не хочу отрицать, но что касается уровня интеллекта, то ты далеко отстаешь от Бернарда Шоу.

В какой связи Мимикри вспомнил Бернарда Шоу, он не пояснил. Затем заговорил Бейли. Он показал на высокую зальсину Дика Дикинсона и сказал: — Насколько я понимаю, вы играли Эванса, украсив голову водорослями. А вы, — он направил свой толстый палец на чучело, украшавшее голову Мэри Санди, — Грэдди. Кто же играл Эрвина Конроя с пробитым черепом?

— Он пожелал сам сыграть эту роль, — ответила Энн. — Он ведь считает себя талантливей всех нас, но это глубокое заблуждение! Ему достаточно открыт рот, и я уже знаю, что он лжет. Но, играя самого себя, должна признаться, он был на уровне.

— Итак, этот эпизод ясен, — отчеканил инспектор Бейли, молча протянув свою рюмку Биллу Шенниону. Тот наполнил ее коньяком.

Рисунки Сергея ТЮНИНА

Бейли поднялся с рюмкой в руке.

— Леди и джентльмены! Выпьем за грандиозный успех вашего театрального представления! По закону я должен был бы всех вас упрятать за решетку. Но, как говорили древние римляне, цель оправдывает средства. Во всяком случае, я обещаю вам одно. Если вы будете давать представления в Ливерпуле, пришлите мне десятка два билетов для моих коллег в полицию-президиум. За уважаемого господина Тесписа!

Бейли опрокинул рюмку и, гордо подняв голову, вышел, доказав еще раз, что и охотники за преступниками могут быть ценителями искусства.

Хотя часы на башне собора Уолса уже давно возвестили о наступлении полночи, Бейли отправился в Карентин.

Недалеко от ворот Бейли оставил автомобиль и вошел на территорию замка. В комнате леди Торп горел свет.

Как добросовестный чиновник, он должен был бы позвонить и подождать, пока не получит разрешения войти в дом. Но и сыщики стоят иногда перед необходимостью вольно толковать законы, чтобы изобличить темные элементы, которые, нарушая законы, приобретают профессию, часто неплохо обеспечивающую человека.

Инспектор не позвонил. Он вошел в дом с помощью отмычки. Бейли всегда носил с собой полдюжины таких инструментов для взлома и умел пользоваться ими не хуже, чем мастера этого дела.

В замке было тихо. Несмотря на свою полноту, Бейли бесшумно прошел по залу и оказался у черного входа.

Дверь на кухню была притворена. Вспомнив приключения Вильямса в кладовой, Бейли ощутил вдруг какое-то странное желание. Нельзя ли открыть отмычкой диковинный замок доктора Эванса?

«Попробуем», — сказал он про себя и, не успев опомниться, оказался в плену известных соблазнов. Замок действительно открылся, и достаточно было бросить взгляд на мясную полку Патриции, как чисто духовное искушение Бейли снизошло до плотского вождения.

Да он и не пытался сопротивляться этому. Увидев салами, которую он считал королевой всех колбас, инспектор даже не вспомнил о своем карманном ноже. Для чего человеку зубы, спросил он самого себя, и начал действовать в соответствии с этим умозаключением.

Услышав глубокий вздох, Бейли резко повернулся. На пороге кухни стояла Патриция.

Она всегда говорила, что мир ужасен, несправедлив и отвратителен. Но что он столь отвратителен, она и представить себе не могла. Перед ней стоял высокопоставленный блюститель закона со ртом, полным салами ее собственного изготовления, — это было почти богохульство! Если он так поступал с колбасой, то он мог бы выкрасть в церкви кружку с пожертвованиями!

Бейли попытался проглотить огромный кусок, но подавился.

— Господин инспектор! Господин инспектор! — Голос Патриции дрожал сочувственно и в то же время обвиняюще. — Боже мой, выплюньте колбасу! Иначе... Вы задохнетесь, и тогда на моей совести будет еще одна жертва. — Доброта Патриции взяла верх. — Может быть, принести вам бутылочку портера?

— Две! — выкрикнул инспектор, придя в себя. — Я направляюсь к леди Торп.

Леди Торп сидела в японском кимоно на своем сюрреалистическом диване, потягивая через декадентский мундштук сигарету, и обдумывала очередной ход ладья.

Она играла в шахматы с Эрвином. Его голова была забинтована. Это была пятая партия, проигранная Торп в рекордно короткое время.

Оба взглянули на вошедшего инспектора, но были так погружены в игру, что ничего не спросив, лишь кивком ответили на его приветствие. Он подошел к столу и сказал Дороти:

— Послушайте, потешная заклинательница духов, вы проиграли.

— Почему потешная? Это звучит как потешная старуха, — возмутилась она. — Разве я потешная старуха, Эрвин?

— Почти, — ответил ей партнер, не меняя выражения лица. Затем он обратился к Бейли:

— Декстер во всем признался? Инспектор утвердительно кивнул.

— Как вы догадались, что он подсыпал яд в чай? — Декстер от рождения осел, — равнодушным тоном сказал Эрвин. — Он бросил пустую пробирку из-под яда в кусты за террасой. Поскольку я облазил всю территорию, то обнаружил ее там.

Кроме того, после смерти Грэдди он был настолько удручен, что вызывал сострадание. Но он таким бы не был, если бы ему удалось убраться с дороги Дороти.

— Благодарю. Ты поистине великодушен!

— Вас выгашила леди Торп, когда вы лежали с пробитым черепом в зале? — спросил инспектор.

— Да, это была я, к сожалению, — отплатила Дороти своему юному другу той же монетой. — Я хотела вызвать врача, но он уговорил меня, что никто не должен знать, где он находится. Он хотел на свой страх и риск стать детективом. Бедную Грэдди чуть не хватил сердечный удар при этом.

— Как вы думаете, кто мог ударить вас по голове? — продолжал расспрашивать инспектор Эрвина.

— Ясно кто. Это мог быть только Фишер или она. — Эрвин показал на Дороти. — Или они оба. Но кто бы это ни был, он не подозревал, что мой череп имеет особую прочность, он как из железа. Когда я был еще мальчишкой, то нагонял страх на всех, с кем дрался. При этом я редко прибегал к помощи кулаков. Как бык, я мчался головой вперед на своего противника, трещали головы, но не моя, — сообщил с гордостью Эрвин.

— В этих случаях мне приходилось ему помогать, обвязывая голову вязаной кофтой, — вставила Дороти, — кровь из раны хлестала на землю.

— Тогда мне ясно происхождение и этого таинственного преступления, — сказал Бейли. — Теперь осталось лишь уличить преступника.

— Есть лишь один путь это сделать, — Эрвин перемещал шахматные фигуры и показал на Дороти, — но она должна согласиться с этим.

— На что я должна согласиться?

— Дать ему прикончить тебя, больше ничего.

— Ну, это уж слишком. Этого ты не можешь требовать от меня! — запротестовала Дороти.

Бейли посерьезнел.

— Меня волнует прежде всего вопрос: что застав-

¹ Духовный наставник. (Прим. переводчика.)

ляет Фишера идти на такое преступление? Каковы мотивы? Сегодня мне стало известно, что Фишер не тот, за кого он себя выдает. Фишер, который одиннадцать лет плавал стюардом по морям, умер в Мельбурне. Это по-новому освещает дело, но я по-прежнему блуждаю в потемках. Кто же наш Фишер в действительности? Международной полиции «Интерпол» он неизвестен. Каковы мотивы его поступков? Либо он из рода Торпов, либо...

—...он действует по заданию моей любимой тетушки Дороти, тут все ясно,— дополнил инспектора Эрвин с таким равнодушием, словно речь шла о том, что его любимая тетушка постепенно полнеет и поэтому должна есть меньше мяса и больше овощей.— Кроме того, есть еще два варианта,— сказал Эрвин.— Во-первых, преступник не Фишер, а я. Возможно, вместе с любимой тетушкой. Второй вариант следующий: преступник Фишер, а его напарницей является Патриция, эта бедная вдова.

Бейли становился все серьезнее. Он спросил Дороти:

— Не намекал ли когда-либо ваш муж, что в семье Торпов не без уродов, и имею в виду «урода» в переносном смысле?

— На это и не надо было намекать. Самым большим уродом среди уродов был он сам,— отрезала Дороти.

В этот момент она вдруг стукнула себя по лбу.

— Как же я могла забыть!

— Что забыть? — Эрвин пристально посмотрел на Дороти.

— Кажется, это было утром после нашей свадьбы! Тридцать лет назад! Мой муженек что-то рассказывал мне о сводном брате, который совершил какие-то страшные преступления,— начала Дороти,— но, слава богу, этот братец погиб где-то в Африке или в Австралии, и я буду единственной наследницей. Ведь мы с мужем так любили друг друга,— вздохнула Дороти.

Эрвин собрался было шокировать свою тетушку дерзкой репликой. Но дело до этого не дошло. Неожиданно он вскопил и воскликнул:

— Комод! Я обшарил в этом старом комодике все ящики и обнаружил на дне одну старую вещь! Уж если мы где и найдем разгадку, то в ней!

Дороти и инспектор смотрели на него с таким удивлением, будто он утверждал, что земной шар вовсе не круглый, а похож на большой кусок рафинада.

— Какой комод? — поинтересовался Бейли.— Что вы обнаружили?

— Покрытые пылью бумаги. Старые акты, счета, связки писем.

— И какое это имеет отношение к Фишеру? — спросила Дороти.

— Может быть, мы найдем какую-нибудь записку, из которой узнаем больше, чем тебе рассказал твой усопший благовестник, или восстановим забытые тобой сведения. Ведь это было как раз после первой брачной ночи,— язвительно добавил Эрвин.

— О погибшем сводном брате Саймоне Чаке я уже говорил с Локриджем,— сказал Бейли,— и едва ли нам удастся узнать что-либо новое. Он действительно погиб на строительстве моста. Локридж показал мне даже копию свидетельства о смерти. А впрочем, давайте попробуем, может быть, нам удастся найти другие доказательства,— решил Бейли.

Старый, источенный червями комод стоял на чердаке в дальнем захлапленном углу.

Бейли открыл один из ящиков и достал связку писем.

— Вы уже успели просмотреть эти бумаги?

— Нет. Мне лишь сейчас пришло в голову, что они могут иметь значение,— ответил Эрвин.

— Значит, кто-то опередил нас.— Бейли зло бросил письма обратно в ящик, из которого не поднялось ни пылинки.

— Почему вы так думаете? — удивленно спросила Дороти.

— Кто-то просмотрел листок за листком, иначе сейчас поднялось бы настоящее облако пыли.— Инспектор был явно разочарован.— Завтра я пришлю эксперта. Правда, он напрасно будет стараться обнаружить какие-либо данные о прошлом Фишера.

Инспектор, Эрвин и Дороти вернулись в комнаты. Бейли уселся в кресло, положив на грудь свой двойной подбородок, на котором появилась уже третья складка, и закрыл отрешенно глаза. Это был верный признак того, что он напряженно думает.

— Я мог бы сейчас же арестовать Фишера за подлог, а затем, как говорят в Америке, расколоть его на допросе. Но, как чиновник ее величества королевы, который живет за счет грошей налогоплательщиков, я не могу себе позволить этого. Кроме того, Фишер хитер, как подлюжкины опытных адвокатов, вместе взятых, и, судя по всему, мне едва ли удалось бы что-то вытянуть из него. А если бы и удалось ему что-то инкриминировать, то через

несколько месяцев, максимум через год, он был бы на свободе. А мы остались бы в дураках.

— Итак, остается лишь моя гениальная идея. Тебе, любимая тетушка, придется стать его жертвой. Вот уж тогда-то мы его прихватаем.

— Ну да, я, которая собиралась начать веселую вдовью жизнь, вновь окажусь на целую вечность вместе со старым, противным мужем в семейном склепе, ты тем временем станешь единственным наследником всего. Нет уж, этого ты от меня не дождеешься. У меня есть другое предложение.

— Я с нетерпением жду,— сказал Эрвин.

На подбородке у Бейли, погруженного в свои мысли, вновь проступили три складки.

— Я беру на себя роль земной справедливости. Поменявшись с Фишером местами, я буду поступать с ним так, как он собирался это сделать со мной. Я его потихоньку пристукну и поеду с тобой в Месопотамию собирать черепки. Я всегда мечтала об этом. А Эрин может остаться здесь и создать детский интернат. Что ты на это скажешь?

— Послушайте, я ведь говорю серьезно.— Эрвин не обратил внимания на предложение Дороти насчет Месопотамии.— Если мы действительно хотим уличить Фишера, нужно устроить ему ловушку.

— Как вы представляете себе это? — У Бейли пробудился определенный профессиональный интерес.

— По-моему, надо сделать так. Вы арестовываете меня как подозреваемого. Ты, любимая тетушка, сходишь с ума от страха и не можешь сомкнуть ночью глаз, я имею в виду, что ты не будешь храпеть. Затем ты доверительно говоришь с Патрицией о своем опасении, что эта жирная, пропитанная портером фрикаделька.— Эрвин показал пальцем на инспектора,— может и тебя арестовать. Почему? Потому что он подозревает, и не без оснований, что мы вместе, то есть ты и я, подложили бедного Эванса в пруд на подкормку лягушкам.

— Все это звучит очень хорошо,— отсался Бейли,— но я, как чиновник ее величества королевы, живуший за счет...

— Моя любимая тетушка поднатужится и выплатит вам годовое жалование из собственного кармана. Не забывайте, что все английские газеты начинают выражать сомнения в ваших способностях. Вы должны что-то предпринять, если хотите и впредь как криминалист потягивать у Билла Шеннона беспощинный коньяк.

Бейли погрозил пальцем, но это не произвело на Эрвина никакого впечатления.

— Итак, моя тетушка откроет свое сердце Патриции, этой бедной, несчастной сплетнице, и сообщит, что намерена взять в банке все завещанные ей деньги и скрыться в направлении Ближнего или Дальнего Востока. Во всяком случае, так далеко, чтобы ее не настигла рука правосудия. Патриция, конечно, не сможет удержать это в секрете и расскажет все Розе, от которой об этом узнает Фишер.

Дороти побледнела.

— Тогда он во второй раз попытается поджарить меня живьем, как зеленые кофейные зерна. Если же я останусь живой, он собственноручно выбросит меня из окна, под которым лежит борона.

— Вот этого-то он и не делает,— сказал Бейли.— Фишер хорошо знает, что явного убийства не должно быть. Поэтому он либо ликвидирует вас и где-нибудь зареет, либо представит вашу смерть как самоубийство, сфабриковав письмо, в котором вы признаете свою вину. Угрызения совести и тому подобное...

— Великолепная перспектива,— заметила Дороти, неестественно улыбаясь.

— Нам важно вовремя узнать,— сказал равнодушно Эрвин,— каким образом он хочет тебя ужокошить. Он может тебя зарезать, убить, повесить...

—...сбросить с балюстрады, заколоть, заживо замуровать в проеме моей ванны, утопить в ванне, отравить газом, мышьяком, стрихнином, порошком для насекомых,— закончила Дороти перечисление возможных форм убийств и неожиданно заявила:— В самом деле неплохая идея. Если не считать представления на террасе, я бы даже сказала, что это первая действительно умная идея, которую ты высказал с тех пор, как я взяла на себя бремя прятать тебя в своей комнате.

— Я же знал, что ты женщина благоразумная, готовая на жертвы,— похвалил ее Эрвин.— А как быть с вами, инспектор? Прежде чем ответить, взгляните на мою любимую тетушку. Она дрожит от желания ринуться в новую авантюру. Во время войны она была лейтенантом в народном ополчении, и, если ситуация будет действительно опасной, она сумеет спасти свою шкуру.

Бейли внимательно посмотрел на торчащие из кимоно жилистые руки леди Торп.

— Мои люди будут, конечно, все время охранять вас, но риск все же есть. Кроме того, неясно, клонит ли вообще Фишер на нашу приманку.

Бейли не сказал ни Эрвину, ни Дороти о своей

задумке. Если бы они узнали о ней, им стало бы не по себе.

Дороти поднялась.

— Инспектор, весь риск я беру на себя. Должна ли я подтвердить это письменно?

Бейли сделал отрицательный жест рукой.

— Давайте обсудим детали.— Он пошарил рукой рядом с креслом и, ничего не обнаружив, пробурчал себе под нос:— Гм, куда же пропала Патриция?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой преступная фантазия убийцы подвергает опасности жизнь новых людей, но в конце концов побеждает добродетель, и инспектор Бейли становится звездой в богатой истории английской криминалистики. Одновременно читатель получит ценные сведения, как уклониться от налога на наследство.

Когда подозреваемый в убийстве молодой археолог Эрвин Конрой был арестован, все газеты поместили на первых страницах сообщение и фотографию наглого вымогателя наследства. Даже если бы Эрвину удалось раскопать в пустыне Месопотамии или в другом месте неизвестный до сих пор город, он не стал бы такой знаменитостью, как благодаря сенсационному сообщению, заклеившему его как убийцу. Руководитель экспедиции, в которой он участвовал, сэр Джонатан Брук сказал, качая головой, что он никогда не ожидал такого от своего молодого способного сотрудника. Он добавил, правда, что тот всегда был немного склонен к насилию.

— Бедняга! — закончил он невпопад.

В Уолсе царил оживление, от которого больше всех выигрывал Билл Шеннон. В городок толпами повалили журналисты, телерепортеры, кинооператоры и падики на сенсации туристы. Всем хотелось промочить горло, и никого не интересовало, где хозяин «Кровавой кузицы» достает свой превосходный французский коньяк.

В замке Карентин царила, напротив, удручающая тишина.

— Бедный юноша,— этими словами Патриция, как и сэр Джонатан Брук, выразила свое сочувствие арестованному.— Я никогда не думала, что этот тип инспектор, который залезает в чужие кладовые и чуть не захлебывается в портере, к тому же и глуп. Для меня с самого начала, когда еще ничего не произошло, существовал лишь один убийца. И имя его — Фишер!

— Я тоже не верю, что этот бедный юноша виновен,— вздохнула Дороти.— Но мне страшно. Инспектор арестовал его, теперь я на очереди. Но я не хочу. Зачем мне тогда так много денег, если придется остаток жизни провести в женской тюрьме? Вместо того, чтобы беседовать с тобой, моя верная и чуткая душа, мне придется использовать свой язык для склейки пакетов.

— О, это было бы ужасно.— Патриция смахнула слезу носовым платком.

— Как бы мне ни было тяжело покинуть тебя, но другого выхода у меня нет.

«Верная душа» разрыдалась.

— Собери мои вещи,— попросила Дороти,— и поскорее. Я хочу уехать сегодня вечером лондонским поездом. Билет уже куплен, все причитающиеся деньги взяты из банка. Вот тебе сто фунтов на текущие расходы. Когда я буду в безопасности, вышлю еще.

Реакция Патриции чуть было не нарушила все планы.

— Вы уезжаете не потому, что боитесь ареста, а потому, что боитесь Фишера.— И тут произошло самое неожиданное.— Если он убийца, а в этом, видит бог, нет сомнения, он все равно вас найдет и убьет,— сказала Патриция,— значит, надо устроить ему ловушку: сделав вид, что вы ничего не подозреваете, ждите момента, когда он вонзит в вашу спину нож или секиру. Но я предотвращу нападение и в решительный момент спасу вас. Хотя я всего лишь бедная, несостоятельная вдова, но когда нужно, я умею здорово драться.— Она оглядела теплую, уютную кухню, где состоялся этот разговор. Ее взгляд упал на кочергу.— Вот этим я так тресну его по черепу, что он очнется лишь в тюрьме!

— Патриция, ты этого не сделаешь. Сейчас ты соберешь мои вещи, пойдешь в свою комнату и разрыдаешься. Затем ты вернешься вся в слезах на кухню и приготовишь этому уроду Фишеру вкусный ужин. Он очень любит голубцы с мясом. При этом ты как бы невзначай дашь понять, что сегодня вечером я собираюсь удрать. Затем ты еще раз разрыдаешься у него на груди.

— На груди у этого чудовища? Никогда!

— Ты должна это сделать. Ради меня. Для твоего эксперимента я уже стара, а ты со своим жалостливым сердцем слишком слаба. Представь себе все это! Если ты шлепнешь Фишера кочергой по голове, раздастся треск его черепной коробки, кровь брызнет до потолка, а мозги поползут по его лицу! Разве ты сумеешь все это вынести?

Патриция содрогнулась от ужаса.

— Нет, я не смогу. Но ведь если это чудовище узнает от меня, что вы...

— Эту заботу оставь мне. Я уже разработала свой план. На нем он и сломает себе шею,— успокоила Дороти свою экономку.

Вернувшись в свои апартаменты, она увидела там молодую служащую полиции Джейн, которой было приказано отныне неотступно находиться у Дороти. Джейн была красивой, умной девушкой, отлично закончившей полицейскую школу. Она почитала Чосера, Мильтона, Джонсона, Шекспира и других классиков, одним ударом ладони могла без труда расколоть пополам полено толщиной с руку и приемом дзюдо перевернуть в воздухе ломового извозчика.

Сначала они играли в шахматы. К своему удивлению, Дороти выигрывала на этот раз так же часто, как обычно проигрывала. Она начала подозревать, что Джейн проигрывает намеренно, чтобы вселить в нее внутреннюю уверенность. Потом они играли в карты. Везению Дороти не было конца. Она выиграла четыре шиллинга и одиннадцать пенсов и потеряла вкус к игре.

— Хватит, Джейн! Уж не такая я трусиха, чтобы постоянно подбадривать меня. Кроме того, как я понимаю, четыре шиллинга для вас тоже не пустяк. Джейн засмеялась.

— Я спишу их на служебные расходы.

Стемнело, а Фишер все еще не подавал признаков жизни. Дороти достала с полки детектив и сказала, что идет принимать ванну.

Ванная комната еще не была доделана. По мнению Дороти, мастера в наше время настолько одержимы стяжательством, что их не найдешь ни за какие деньги. Ванна была, правда, уже подключена к новому газовому бойлеру, но проем в коридор был заложен лишь одним рядом кирпичей. Груда кирпича лежала у стены, цемент в корыте наполовину застыл, кругом валялись разбитые плитки черного кафеля. Однако это не помешало Дороти залезть в горячую ванну, положить под голову резиновую подушечку и углубиться в детектив.

Джейн сидела в маленькой комнате рядом с ванной и читала «Потерянный рай» Мильтона. Время от времени она осматривалась вокруг, словно ожидая, что невидимая рука утопит Дороти в ванне. Но ничего похожего не происходило.

Дороти трудно было судить, что так увлекло Джейн в «Потерянном рае». Сама же она дошла до главы, в которой речь шла об убийстве: жертва тоже погибла в ванной, только бойлер был электрическим. Преступником в детективе был выведен истерзанный ревностью муж кинодивы. Он убил свою жеңу, соединив наполную решетку перед ванной с током высокого напряжения, под которым находился бойлер. Когда красотка вылезла из ванны, чтобы продолжить греховную жизнь со своими четырьмя любовниками, она замертво рухнула на пол.

Не успела Дороти дочитать главу до конца, как ее пронзила страшная мысль.

Газовый бойлер!

Длинные голубые полоски огня под баком с водой начали на ее глазах сокращаться, пока не погасли. До слуха Дороти доносилось тихое шипение газа, ее чуткое обоняние подтвердило этот факт.

Дороти была уже пожилой дамой, но прыжок из ванны отвечал уровню высших спортивных достижений.

Она хотела громко крикнуть: «Джейн!»— но сумела лишь прошептать:

— Он пришел убить меня.

— Тсс!— сказала Джейн.— Он не должен нас слышать! Он запрет дверь в ванную, когда вы еще будете находиться в ней, или ударит вас и в бессознательном состоянии затащит опять в ванну. Быстро накройте что-нибудь на себя!— Джейн открыла окно.— Если он придет, падайте на пол. Он подумает, что вы не сумели выйти из ванной. Но перед этим закройте окно.

Прошло около получаса, и случилось все так, как предполагала Джейн. Появился Фишер. Он вошел в ванную. Взглянув на лежащий на полу «труп», он открыл окно и быстро вышел.

Вдохнув свежего воздуха, Дороти напряженно прислушивалась, что будет дальше. Но ничто не нарушало тишину, не было слышно ни крика изобличенного убийцы, ни яростной команды «Руки вверх!».

— Что случилось, Джейн?— Она неуклюже про- топала босиком в свою спальню.

Спрятавшаяся за шторой Джейн прошептала, как показалось Дороти, бредовую новость:

— Он замаскировался и наверняка поедет вместо вас на вокзал.

— Как так?

— Он надел ваше пальто, вашу шляпу и взял ваши чемоданы. Неплохая идея. Позже многие покажут, что видели, как вы уезжали.

— А как же мои деньги?

— Не бойтесь. Мы не упустим его. Теперь самое главное— установить, нет ли у него сообщников. А это можно узнать, следуя по пятам.

— Но после того, как он сдаст чемоданы в камеру хранения, он вернется, чтобы убрать мой труп? Иначе весь его план не имеет смысла.— Дороти вновь оживилась.

Джейн кивнула.

— Так оно, видимо, и будет. После этого мы его и возьмем.

— Вы этого не сделаете!— Активность Дороти приобрела драматические формы.— Я хочу сама ему отплатить. Я уже сейчас могу предположить, где он хочет навсегда освободиться от меня. Но как бы не так!

Если Дороти приходила в голову какая-нибудь мысль, никто не мог помешать ей осуществить ее, даже Вильямс, который дежурил в коридоре, сидя согнувшись в три погибели в сундуке.

Время до возвращения Фишера тянулось бесконечно долго. Стрелки часов будто прилипли к циферблату. Ровно в полночь, словно по задумке режиссера жуткой драмы (в действительности же часы отставали на двадцать минут) Фишер вернулся.

Он вошел в ванную комнату. Дороти лежала на полу на том же месте, где он ее видел. Сначала Дороти хотела оставить глаза открытыми и остекленевшими, как это бывает у мертвецов, но потом, поборов в себе это желание, решила закрыть их.

Интуиция не обманула Дороти. Фишер поднял ее, поднес к проему в стене, засунул туда и взялся за кирпич и мастеров, чтобы завершить свое гнусное дело.

Дороти не суждено было до конца насладиться своим триумфом, дав себя замуровать, чтобы потом заставить злодея застыть от ужаса.

Шаги в спальню и громовой голос Бейли разрушили ее планы.

Фишер застыл на месте, оглядываясь по сторонам, как затравленный зверь. Бежать было некуда.

И тут Дороти пустила в ход свой последний козырь. Она медленно поднялась из своего склепа и громко сказала:

— Если вы думаете, что я мертва, то здорово ошибаетесь. Такую, как Дороти Торп, никому не удастся заставить замолчать.

Это были ее последние слова, обращенные к Фишеру, и она потеряла сознание.

К своему большому сожалению, Дороти не видела, как арестовали и увели Фишера, как Бейли, узнав, почему она оказалась в бессознательном состоянии в проеме стены, смачно выругался, так, что Джейн покраснела, а она не краснела даже тогда, когда ругались матросы.

Спешно вызвали врача; он сделал Дороти укол, Джейн уложила ее в постель, и Дороти спала сном праведника до утра.

Утром Патриция принесла Дороти завтрак в постель. Он состоял из нескольких поджаренных ломтиков бекона и яичницы. Но хозяйка уже настолько оправилась, что вспомнила о диете для сохранения фигуры.

— Почему ты поджарила мне четыре куска бекона вместо одного? А где моя морковка?

— Я думала, миледи...— пролепетала Патриция.

В конце концов все было съедено с большим аппетитом.

— Его повесят! И все же было страшно,— сказала Дороти, явно желая подчеркнуть свои собственные заслуги.

В лице Патриции она нашла участливую слушательницу, и это ей понравилось. Совсем по-другому повел себя Эрвин. Этот нахал явился в черном костюме и с цветами, но не с букетом, а венком.

— Я надеялся возложить его на твою могилу. Жаль. Если бы он тебя прикончил, я был бы единственным наследником. А теперь мне придется делить гроши с тобой.

Часы, проведенные им вместе с карманным жуликом в камере предварительного заключения, значительно расширили словарный запас Эрвина. До этого он не знал, что такое гроши.

Энн была не столь бесчувственной, как Эрвин.

— То, что ты пережила, наверняка, было очень страшно,— сказала она с некоторой завистью.— Я была в самых злых кварталах Лондона, где полно преступников, но мне не пришлось, к сожалению, столкнуться с чем-то сенсационным. Если бы я была на твоём месте, я смогла бы наконец сыграть роль, которая создана специально для меня. Я бы так изобразила мертвеца, что мной восхищались бы все критики.

Вскоре появился Бейли.

Вечерние газеты писали о нем как о самом выдающемся криминалисте современности. Шеф выдавал ему руку и заверил, что без него все преступники Англии до сих пор гуляли бы на свободе, а назначение его старшим инспектором— дело решенное.

— Нет, нет, сегодня обойдемся без портера,— сказал он, когда Патриция появилась со своей корзиной.— По такому случаю я принес бутылку французского коньяка от Билла Шеннона.

Когда все похвалили коньяк, Бейли сообщил, что Фишер признался. Как и предполагалось, он был Саймоном Чаком—сводным братом сэра Роберта.

Преследуемый за подделку чеков, шантаж и попытку убийства, Чак вынужден был более тридцати лет назад покинуть Англию. Он продолжал свою старую карьеру в Австралии, но поспорил с одним из своих «коллег по профессии», на которого он, как подозревали, намеревался донести в полицию. Полагали, что он погиб, упав со строящегося моста, но тот, кто помог ему упасть с моста, не подозревал, что Чак был хорошим пловцом и спасся...

Узнав о неизлечимой болезни своего сводного брата, он сфабриковал документы на имя недавно умершего стюарда Вильяма Фишера и вернулся в Англию, устроился садовником к Дороти, чтобы выяснить все необходимое о наследстве и удостовериться, не оставил ли его сводный брат каких-либо изобличающих документов. В старом комодике он нашел несколько пожелтевших писем, уничтожил их и решил убить леди Торп, чтобы стать единственным наследником состояния.

Дороти перебила инспектора:

— Но его бы узнали и арестовали, я надеюсь?

— К сожалению, этого бы не произошло, если бы он, убив вас, покинул Англию,— пояснил Бейли.— Через два-три года Фишер мог бы заявить о своем праве на наследство через уважаемые адвокатские конторы в Сиднее или Перте и получил бы, конечно, это наследство.

Эрвин был неискраивим. Он воскликнул:

— Могу себе представить, каково ему было, когда вскрыли завещание! Ведь он должен был убить не только тебя, любимая тетюшка, а сразу пятерых, включая меня.

— Да, при помощи взрыва в зале. Вас в это время, к сожалению, не было здесь.— В голосе Бейли послышалось сострадание.— Он надеялся одним ударом убить четырех зайцев и остаться не уличенным в преступлении, поскольку доктор Эванс превратил подвал в настоящий пороховой склад. Однако из этого ничего не вышло, и Эванс, который выследил его, поплатился за это жизнью.

— Теперь главное состоит в том,— сказал Эрвин,— как нам обмануть налоговую службу. Если мы сохраним замок, государство одерет нас как липку.

— Этого не случится, если мы организуем в замке детский интернат,— торжественно заявила Дороти.— Тогда нам не придется платить государству ни гроша. Я не зря накупила резиновых крокодилов.

Год спустя предсказание Дороти сбылось. Тридцать шесть детей из Ливерпуля, в том числе четверо мальчишек цвета кофейных бобов, плескались в бассейне, построенном на месте бывшего пруда а лягушками.

Патриция стала правительницей, денно и нощно трудилась, совершенно забыв, что она бедная, несостоятельная вдова, ее беспокоило лишь одно: от Дороти, которая где-то в Месопотамии бродила с Эрвином в пустыне и собирала черепки, давно не было вестей.

Как-то июльским дождливым днем к ней заехал Бейли.

— Я хотел узнать, как вам живется,— сказал старший инспектор. Но это была чистейшая ложь. Не говоря уже о портере, Патриция была великолепной поварихой, а Бейли как истинный материалист питал слабость к удовольствиям плотского характера.

Уничтожив жареную баранину с фасолью, он рассказал о телеспектакле, который прославил Энн.

— Вы же утверждали, что она никудышная актриса.

— Это так. Но она великолепный писатель. Это она написала сценарий телеспектакля. Забавная история из нашей жизни. С точки зрения криминалистики— анекдот, но люди смеялись до слез.

— И надо мной тоже?— спросила Патриция озабоченно.

— Над нами обоими больше всего. Особенно над историей, как вы, бедная, несостоятельная вдова, поймали меня, инспектора полиции, как вора в кладовой...

— Но этого никогда не было!

— Почему же? Было. В фантазии Энн. Ведь нельзя требовать от ковра-самолета, чтобы он имел спереди и сзади пропеллер? Не так ли?

Рисунок Андрея БИЛЬЖО

Рисунок Александра ЛЕБЕДИНСКОГО

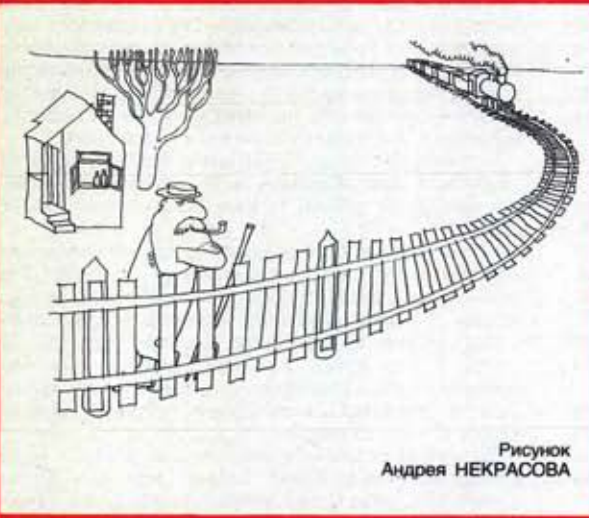
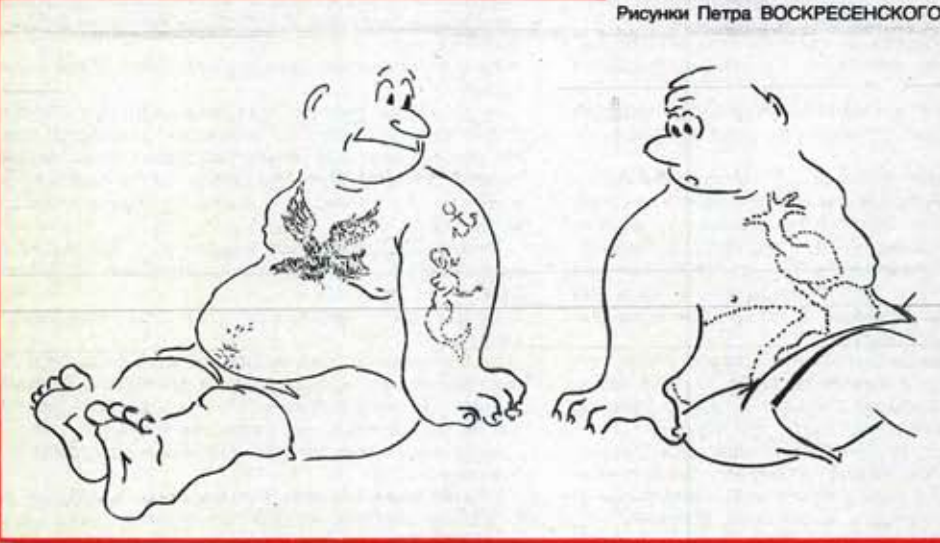

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Рисунки Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

21 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

Дорогие читатели! «Смена» открывает новую, 21-ю шахматную олимпиаду и приглашает всех желающих выйти на старт традиционного заочного соревнования.

В программу этой олимпиады входит решение десяти задач и пяти этюдов на различные темы, разбор и оценка десяти позиций из шахматной практики, комментирование не сложной, но увлекательной партии, проведение классификационного турнира шахматистов, не имеющих спортивного разряда (для тех, кто не сможет выступить в роли организаторов турниров, жюри предложит компенсирующий тест). Задания олимпиады будут даны в пяти турах; публикация которых начинается с этого номера журнала.

За правильное выполнение заданий каждому участнику присуждается обусловленное количество баллов. Заметим, что в случае, если кто-либо найдет побочный ответ, нерешаемость и т. п., то за это задание он получит оценку, определенную для правильного ответа. Максимально возможное число баллов: в трех турах — по 20, в двух — по 30, на олимпиаде в целом — 120.

Ответы на задания первого тура даются в сокращенной шахматной нотации с указанием необходимых вариантов на чистых белых листах бумаги. Словесные примечания следует опустить. Просьба, кроме фамилии, имени и отчества, сообщить место своей работы (или учебы), возраст и разряд по шахматам (если имеется).

Работа должна выполняться четко, аккуратно. Неразборчивые, небрежные письма на олимпиаду рассматриваться жюри не будут. В конверт просим также вложить почтовую открытку, которая в марте — мае с. г. вернется к отправителю с регистрационным номером, чтобы его проставлять в последующих письмах в редакцию на эту олимпиаду.

На конверте необходимо указать адреса нашей редакции и свой собственный, а сверху слева сделать пометку «21-я шахматная олимпиада «Смены», первый тур».

Ответы на задания второго — пятого туров олимпиады посылаются на открытках (кроме турнирных таблиц и комментариев к партии, что, естественно, вкладывается в конверт).

Тридцать победителей 21-й олимпиады, которые будут выявлены по наибольшему количеству баллов, награждаются специальными дипломами и шахматной литературой (или фотоснимками выдающихся советских гроссмейсте-

ров). Премируются также лучшие популяризаторы шахмат — организаторы олимпиадных турниров.

Участники всех пяти туров олимпиады могут повысить и получить спортивный разряд по шахматам. Запомните, пожалуйста, установленные нормативы: 104 балла — для получения второго разряда, 64 балла — третьего и 28 баллов — четвертого разряда. Всем, кто участвует в самой олимпиаде или в ее турнирах новичков (это задание является составной частью второго тура), редакция вышлет официальные справки о присуждении соответствующего разряда.

ТУР ПЕРВЫЙ

Мат в два хода.

II

Белые — Кре4, Лh7, Ca5, nn. d7, f7, g5.

Черные — Кре6.
Мат в два хода.

III

Белые — Крh4, Ле4, Ce2, nn. a7, g5.

Черные — Крг1, nn. a2, g6, h5, h2.

Белые выигрывают.

IV

Белые — Крh2, Фd4, Cb1, Ce5, nn. b4, d6, e4, f3, g2, h3.

Черные — Крh7, Фf7, Лc4, Cd5, nn. a6, b7, e6, f5, g5, h6.

Ход белых. Какой комбинацией они побеждают?

V

Ход черных. Каков их путь к победе?

За верный, исчерпывающий содержание каждой из пяти позиций ответ засчитывается по четыре балла.

Срок отправления писем на первый тур олимпиады истекает 20 апреля 1979 года.

Результаты нашей 20-й олимпиады, а также шахматного конкурса, организованного «Сменой» в преддверии 21-й олимпиады, жюри уже определены, и информация подготавливается к опубликованию в апреле вместе с краткими ответами на позиции, этюды и задачи обоих этих заочных соревнований читателей.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.01.79. Подписано к печати 01.02.79. А 01014. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1150000 экз. Изд. № 513. Заказ № 102. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

НА ВСТРЕЧУ СВОБОДЫ.

ПРИДЕТ И К ВАМ ЛЮБОВЬ

Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО
Музыка Марка ФРАДКИНА

*Придет и к вам любовь,
Зимой или весной,
Вы встретите ее случайно,
И сразу же быстрой
Закружит шар земной,
И жизнь начнется вдруг сначала.*

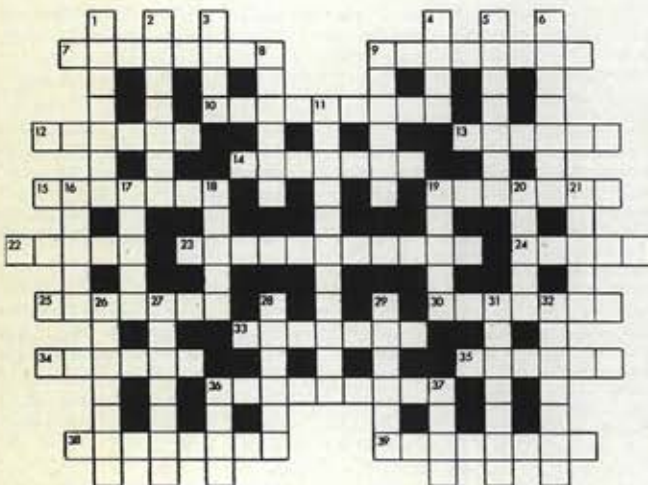
*Придет и к вам любовь
Высоко, высоко,
И молнии сверкнут над вами.
Как будет трудно вам,
Как будет вам легко,
Нельзя и рассказать словами.*

*Придет и к вам любовь,
Придет она всерьез,
Напишется сама, как повесть.
Желаю жарких слов,
Желаю светлых слез,
Не бойтесь этих слов, не бойтесь.*

*Придет и к вам любовь,
Но если свысока
Привыкли вы шутить над нею,
То, значит, на земле
Не жили вы пока,
И я вас от души жалею.*

КРОССВОРД

Составила Н. РЕШЕТНИКОВА,
Кокчетав

По горизонтали:

- Советская спортсменка, обладательница Кубка мира по гимнастике.
- Ударный музыкальный инструмент.
- Опера Д. Мейербера.
- Русская мера длины.
- Темно-красный драгоценный камень.
- Песня на слова Д. Бедного.
- Автор трагедии «Электра».
- Перечень книг, картин, экспонатов.
- Шотландская овчарка.
- Итальянский композитор.
- Река на Северном Кавказе.
- Одна из героинь романа А. Фадеева «Молодая гвардия».
- Монета некоторых латиноамериканских стран.
- Инструмент для нанесения на заготовку разметочных линий.
- Сельскохозяйственная машина.
- Повесть Л. Н. Толстого.
- Действующее лицо в пьесе А. Н. Островского «Без вины виноватые».
- Город в Литве.
- Автор сказки «Соловей».

По вертикали:

- Руководитель оркестра, хора.
- Птица отряда куликов.
- Преобладание определенных вкусов в одежде, в быту.
- Северное созвездие.
- Цветовое сочетание в картине.
- Нарицательная стоимость ценных бумаг.
- Соната Л. Бетховена.
- Государство в Северной Америке.
- Персонаж оперы Д. Пуччини «Тоска».
- Лучший сорт драпа, бархата, плюша.
- Неизменяемое словосочетание.
- Определенный режим питания.
- Народный поэт Белоруссии.
- Радиоактивный элемент.
- Роман И. А. Гончарова.
- Старинный молдавский хороводный танец.
- Большой коллектив музыкантов-исполнителей.
- Чилийский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
- Роман А. С. Новикова-Прибоя.
- Река в Северной Америке.
- Автор балета «Бахчисарайский фонтан».
- Шахматная фигура.
- Горная система в Южной Америке.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 4

По горизонтали:

- Россыпь.
- Аффинаж.
- Плюфония.
- Каталония.
- Сетка.
- Табак.
- «Титан».
- Анабар.
- Аварка.
- Орнитология.
- Картер.
- Протон.
- Молот.
- Гаити.
- «Весна».
- Хронометр.
- Сепаратор.
- Концерт.
- Листрат.

По вертикали:

- Котовск.
- Ассистент.
- Синоптика.
- Радиант.
- Проза.
- Фрахт.
- Рихтер.
- Павана.
- Образование.
- Берет.
- Асино.
- Масленица.
- Константа.
- Регата.
- Пример.
- Сморчок.
- Каботаж.
- Тимур.
- «Враги».

МЕЛОДИИ ГОРОДА

Николай Куц — художник широкого диапазона. Он любит портрет в живописи и скульптуре, пишет интерьеры, натюрморты. Есть у него монументальные росписи и тематические полотна, но

воскрешает и это знакомое место в пустом парке, и мартовский галдеж грачей, пробуждая что-то неуловимое, волнующее...

Как признание в любви, покоряют зрителя картины художника взволнованной искренностью, ощущением радости жизни, темпераментностью письма. Большинство из них выполнены, как говорят художники, «с удара». Стремясь закончить работу в один-два сеанса,

ЗИМНИЙ ГОРОД

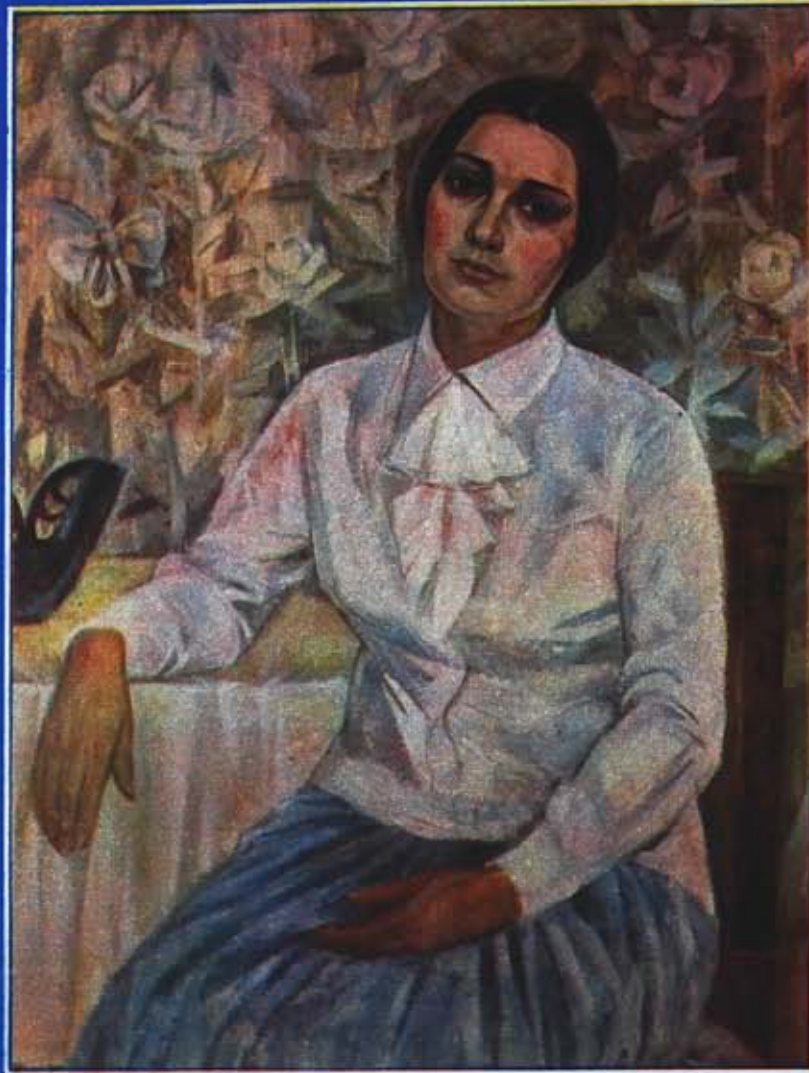
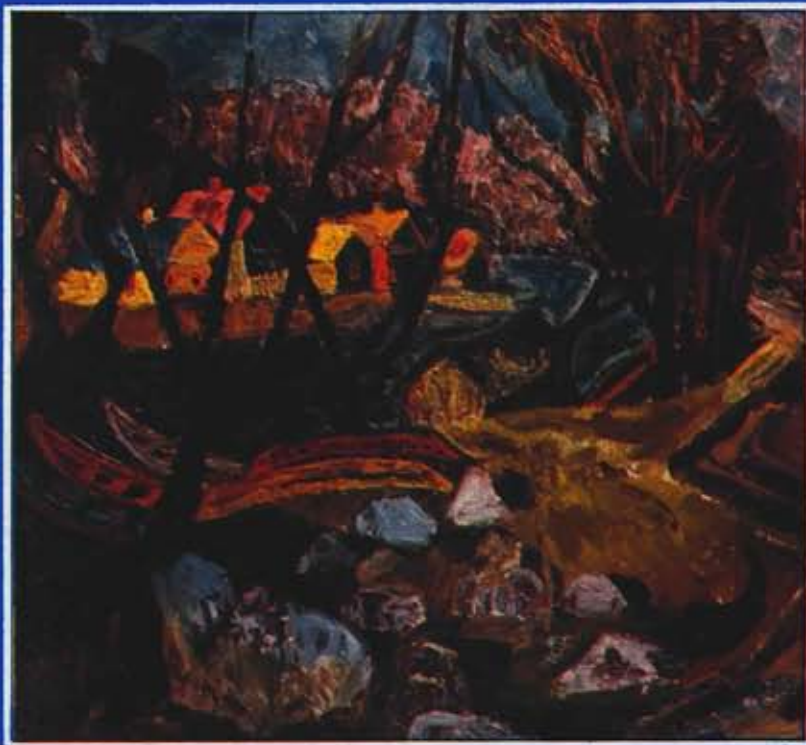

любимый его жанр — городской пейзаж. Именно в этом жанре полнее всего и раскрылось дарование художника.

В картинах Николая Куца города угадываются с первого взгляда: Переяславль-Залесский, Ростов Великий, Загорск...

Златоглавый Загорск. Лавра написана со стороны городского парка. Темные голые стволы вековых лип контрастно вырисовываются на фоне синего неба. Смотришь на пейзаж, и память живо

ОСЕНЬ

ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ

У ПРИСТАНИ

Николай Куц вкладывает в нее все силы. И пейзаж получается цельным, с настроением. «Малиновый вечер», «Сумерки», «Уходящий день», «Последний снег» — во всех этих работах памятники архитектуры, достопримечательности древних городов. Но не это главное. Для художника важно уловить тончайшие нюансы состояния природы, передать свое отношение к увиденному.

Личные переживания — горести и радости — «вплавлены» в лучшие картины Николая Куца. Зритель может и не знать о волнениях художника, но он не может не чувствовать этого в его работах. Картина «Темные воды Трубежа». На деревянных мостках женщина полощет белье в реке. Ночь, глубокая тишина. Густые тени лежат под мостом через Трубеж. Яркие отсветы от фонарей падают на фигуру женщины и расплываются кругами на темной свинцовой воде. Художник дает картине второе название — «Болезнь Тимошки». И хотя в картине нет ни заболевшего сына, ни врачей, состояние тревоги осязимо передается зрителю.

Чувствуется, что живопись — призвание Николая Куца, смысл его жизни и, пожалуй, главное средство самовыражения. Каждый художник всегда ждет своего зрителя. Хочется верить, что искусство Николая Куца найдет искренних почитателей.

Владимир ДЕСЯТНИКОВ

ПЕЙЗАЖ